ОПЫТЪ
КРИТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ
Русской Правды.

Н. А. Максимейко.

Выпускъ первый. Краткая редакція.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1914.

III. 55.163.

Е. Спектрский

ОПЫТЪ
КРИТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ
Русской Правды.

Н. А. Максимейко.

Выпускъ первый. Краткая редакція.

ЗГРУПІЕТЯ СВ. ВАЛАМИРА

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильберберг и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1914.

Державна Публ.
БІБЛІОТЕКА УРСР
ІНВ. 520839

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава первая. Краткая редакція Русской Правды, какъ сводъ Новгородско-Кіевскаго права ..... 1— 38

I. Мнѣнія ученыхъ о характерѣ и пространствѣ дѣйствія правовыхъ нормъ, изложенныхъ въ краткой редакціи. II. Новгородскія особенности первой Правды. III. Вторая часть краткой редакціи, какъ Правда Кіевской Руси.

Глава вторая. Краткая Правда, какъ сборникъ, обѣ части котораго составлены одновременно и однимъ и тѣмъ же лицомъ ..... 39—101

I. Мнѣнія ученыхъ о времени возникновенія краткой редакціи. II. Взаимная зависимость и единство обѣихъ частей краткой Правды. III. Авторъ краткой Правды и время ея составленія. IV. Пересмотръ основаній, приводимыхъ въ доказательство болѣе ранняго возникновенія 1-й Правды.

Глава третья. Краткая Правда, какъ памятникъ національнаго самоопредѣленія русскаго общества въ области права ..... 102—113

Глава четвертая. Вліяніе римскаго права на краткую редакцію Русской Правды ..... 114—206

I. Понятіе о правѣ и система его изложенія. II. Отдѣльные виды убійства, опредѣляемые служебнымъ положеніемъ потерпѣвшаго. III. Убійство въ обиду, въ разбоѣ и на мѣстѣ кражи. IV. Послѣдствія убійства. V. Обиды. VI. Объ оскорбленіи свободнаго человѣка холопомъ и о мукѣ смерда безъ разрѣшенія князя. VII. Понятіе кражи. VIII. О соучастіи въ кражѣ. IX. Отвѣтственность за кражу. X. Поврежденіе чужихъ вещей.

Глава пятая. Списки краткой редакціи Русской Правды .. 207—217

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Краткая редакція Русской Правды, какъ сводъ Новгородско-Кіевскаго права.

I.

Мнѣнія ученыхъ о характерѣ и пространствѣ дѣйствія правовыхъ нормъ, изложенныхъ въ краткой редакціи.

Краткая Правда раздѣляется на двѣ части: одна изъ нихъ, отъ 1 до 17-й ст. включительно, обыкновенно обозначается, какъ Правда Ярослава; другая, отъ статьи 18-й до конца, называется Правдой Ярославичей. Въ этихъ различныхъ наименованіяхъ обнаруживается господствующее мнѣніе о разновременномъ происхожденіи обѣихъ половинъ памятника. Мнѣ кажется, что названныя части краткой Правды отдѣляются одна отъ другой не столько временемъ ихъ составленія, сколько областными различіями права, въ нихъ отразившагося. Именно, первая половина ея, повидимому, есть памятникъ Новгородскаго права, тогда какъ вторая—принадлежитъ къ системѣ права, по всей вѣроятности, дѣйствовавшаго въ Кіевской Руси. Обоснованію этой мысли и посвящается настоящая глава.

Высказанное положеніе расходится съ тѣми взглядами, которые распространены въ литературѣ. Чтобы оріентироваться въ ней, представлю краткій и бѣглый обзоръ мнѣній отдѣльныхъ писателей.

По мнѣнію Эверса, начальная Правда, обнимающая первыя 17 статей, была дана Ярославомъ непосредственно Новгороду. Но вскорѣ она получила силу закона и въ остальныхъ русскихъ земляхъ, не имѣвшихъ еще никакого другого письменнаго законодательства. Это послѣдующее признаніе общеобязательной силы Русской Правды не опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что краткіе списки ея сохранились только въ Сѣверной Россіи, и что въ нихъ встрѣчается нѣсколько постановленій, которыя могли имѣть приложеніе въ одномъ Новгородѣ. Фактъ принятія Правды Ярослава всей

Россіей доказывается тѣмъ, что дѣти его дѣлали въ ней измѣненія съ общаго согласія. Если бы эти измѣненія касались только Новгородскаго кодекса, то естественно, что они были бы дѣломъ одного Новгородскаго князя [1]).

Тѣ же мысли высказываетъ и Нейманъ. Онъ также полагаетъ, что Правда, данная Ярославомъ Новгороду, имѣла силу и въ Кіевѣ, а также въ другихъ областяхъ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ значеніи обычнаго права. Только такой распространенностью ея можетъ быть объясненъ тотъ фактъ, что сыновья Ярослава, въ своей самостоятельной законодательной дѣятельности, нашли возможнымъ ограничиться лишь дополнительными къ ней постановленіями. Съ другой стороны, эти постановленія Ярославичей тоже имѣли общее значеніе и въ частности примѣнялись въ Новгородѣ, такъ какъ въ Новгородской Правдѣ XIII вѣка (въ пространной редакціи) они включены въ уставъ Ярослава, въ качествѣ его дополненія [2]).

И. Д. Бѣляевъ говоритъ, что первыя 17 статей краткой Правды заключаютъ въ себѣ ту судно-льготную грамоту, «которую Ярославъ далъ Новгородцамъ въ благодарность за усердную помощь въ войнахъ его съ Святополкомъ, ибо во всей грамотѣ нѣтъ и помину не только о судныхъ пошлинахъ князю, но и о какомъ-либо участіи князя въ судныхъ дѣлахъ—во всей грамотѣ мы видимъ, что судъ по всѣмъ дѣламъ принадлежалъ обществу, міру, а не князю. Конечно, это была привилегія только Новгородцевъ, а не общій порядокъ суда на Руси, ибо по лѣтописямъ мы знаемъ, что князья были призваны судить и рядить, и это право всегда за ними оставалось». Правда, первоначально пожалованная Новгородцамъ, уже при Ярославѣ или вскорѣ послѣ его смерти была принята въ Кіевѣ и другихъ владѣніяхъ Руси. Но на другія области она перешла не въ томъ видѣ, въ какомъ была дана Новгородцамъ. Для Новгорода она служила льготной грамотой, освобождавшей отъ судебныхъ пошлинъ. Эта привилегія не распространялась на прочія земли. Новгородская Правда, рецепированная ими, не освобождала ихъ отъ уплаты княжескихъ пошлинъ. Послѣднія взимались здѣсь по-

---

[1]) *Эверсъ*, Древнѣйшее русское право. 1835 г., стр. 299—300.

[2]) Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von *Ewers*. Dorpat. 1830, стр. 53—55.

прежнему. Дѣйствительно, въ дополненіяхъ къ ней, изданныхъ при Ярославичахъ, прямо было сказано, что уставъ Ярослава о вирныхъ пошлинахъ сохраняетъ свою силу.—Грамота Ярослава перестала вскорѣ удовлетворять новымъ потребностямъ развивающагося общества. Уже въ княженіе его сыновей была сознана необходимость пополнить ее. Съ этой цѣлью въ 1072 году они собрались съ избранными мужами въ Кіевѣ и составили новую Правду, которая, какъ показываетъ ея заглавіе, предназначалась для всей Русской земли [1]).

Н. П. Загоскинъ признаетъ первую часть краткой Правды актомъ законодательной дѣятельности Ярослава Владиміровича. Несомнѣнно, она имѣла въ виду Новгородъ, на что указываютъ свидѣтельство лѣтописи о пожалованіи ея Новгородцамъ, нѣкоторые этнологическіе термины, встрѣчающіеся въ ея текстѣ (русинъ, словенинъ, варягъ, колбягъ), и примыкающій къ ней «урокъ мостниковъ», новгородское происхожденіе котораго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но, предназначенная первоначально для Новгорода, Правда Ярослава получила потомъ распространеніе по всей Русской землѣ, конечно, видоизмѣняясь и дополняясь, соотвѣтственно условіямъ мѣста и времени. Объ этомъ свидѣтельствуетъ распространенная редакція ея, въ которой мы находимъ извѣстіе, что сыновья Ярослава,—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, отмѣнивши месть, все остальное удержали въ томъ видѣ, «яко же судилъ» отецъ ихъ. Значитъ, если принять во вниманіе, что Изяславъ княжилъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, а Всеволодъ въ Переяславлѣ, то необходимо прійти къ заключенію, что во второй половинѣ XI вѣка во всѣхъ этихъ земляхъ, съ придачею къ нимъ и новгородскаго сѣвера, дѣйствовала Русская Правда, уже въ редакціи Ярославичей принявшая наименованіе «Правды уставленой Руськой земли» [2]).

Н. Дювернуа считаетъ Русскую Правду юридическимъ сборникомъ частнаго лица. Разсказъ лѣтописца о дарованіи ея Новгородцамъ онъ признаетъ вѣрнымъ только въ томъ смыслѣ, что I-я часть

---

[1]) *И. Д. Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 224—225, 234, 236.

[2]) *Н. П. Загоскинъ*, Курсъ исторіи русскаго права, т. I (Ученыя Записки Казанскаго Университета, 1906 г., кн. 7 и 8, стр. 314—315).

ея возникла въ Новгородѣ при Ярославѣ. Въ доказательство своего мнѣнія, онъ ссылается на то обстоятельство, что Правда Ярослава оказалась неудовлетворительной и потребовала дополнительнаго устава уже при сыновьяхъ его, какъ извѣстно, княжившихъ въ южной Руси. Необходимость дополненій, обнаружившаяся такъ скоро послѣ ея составленія, показываетъ, что она возникла не на югѣ, ибо въ то время не могли такъ быстро совершаться перемѣны въ юридической жизни одной и той же мѣстности. Другое указаніе на новгородское происхожденіе Ярославовой Правды даетъ противопоставленіе словенина русину, которое мы видимъ въ ея текстѣ. Наконецъ, вполнѣ естественно, что въ Новгородѣ право опредѣлилось и кристаллизовалось раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, такъ какъ Новгородская община была сильнѣе и крѣпче другихъ общинъ того времени, а потому ея автономія раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, могла выработать твердыя юридическія нормы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшія дополненія къ Правдѣ Ярослава, присоединенныя къ ней при его дѣтяхъ, показываютъ, что дѣйствіе ея не ограничивалось однимъ только Новгородомъ, а простиралось далеко за его предѣлы. Если на первыхъ порахъ она имѣла мѣстный новгородскій характеръ, то впослѣдствіе она мало по малу стала общимъ кодексомъ всѣхъ древне-русскихъ волостей [1]).

Итакъ, всѣ названные писатели даютъ очень сходныя объясненія и почти повторяютъ другъ друга. Первая Правда, говорятъ они, была составлена для Новгорода и первоначально имѣла областной характеръ. Но, заключая въ себѣ общерусское право съ незначительными только мѣстными проявленіями и особенностями, она вскорѣ получила и общую силу, будучи рецепирована прочими областями Россіи. Что касается 2-й Правды, то она уже въ моментъ своего появленія имѣла характеръ общаго права и предназначалась къ дѣйствію на территоріи всей Русской земли.

Другая группа ученыхъ, составляющихъ большинство, смотритъ на краткую Правду, какъ на памятникъ, съ самаго начала и въ обѣихъ частяхъ имѣвшій общерусское значеніе. Причемъ одни изъ нихъ, стоящіе за оффиціальное происхожденіе ея, исходятъ изъ понятія о единой законодательной власти для всей Россіи; другіе же,

[1]) *Н. Дювернуа*, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 61—63, 67.

признающіе этотъ сборникъ работой частнаго лица, исходятъ, повидимому, изъ предположенія о единствѣ и общности обычнаго права, дѣйствовавшаго тогда въ различныхъ областяхъ.

Къ числу этихъ писателей принадлежитъ прежде всего Карамзинъ. Хотя древніе списки Русской Правды, говоритъ онъ, сохранились только въ Новгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя мѣстныя особенности, напр., въ нихъ говорится объ изгояхъ, о жителяхъ новгородскихъ и т. п., но не можетъ быть сомнѣнія, что Ярославъ, будучи великимъ княземъ, далъ этотъ уставъ цѣлому государству. Въ самомъ дѣлѣ, дѣти Ярославовы и Владиміръ Мономахъ съ боярами кіевскими, черниговскими и переяславскими отмѣнили и прибавили нѣкоторыя статьи; слѣдовательно, въ Кіевѣ и другихъ южныхъ городахъ судили также по законамъ Ярослава [1]). Это мнѣніе Карамзина находится въ тѣсной связи съ его взглядомъ на Ярослава, какъ на единовластнаго монарха всей Россіи, начиная отъ береговъ Балтійскаго моря до Азіи, Венгріи и Дакіи [2]).

Погодинъ видитъ въ Русской Правдѣ не туземные славянскіе обычаи, а скандинавское право. Этимъ правомъ руководились Варяги у себя на родинѣ, а затѣмъ, послѣ призванія ихъ славянскими племенами, перенесли его въ Россію. Здѣсь оно дѣйствовало сначала въ качествѣ обычнаго права. Но Ярославъ придалъ ему письменную форму подъ именемъ Русской Правды. Запись эта была составлена въ Новгородѣ, такъ какъ въ ней упоминается руснинъ и словенинъ; словенами назывались только новгородцы, и это наименованіе извѣстно было въ одномъ Новгородѣ; въ Кіевѣ были бы названы поляне, въ Черниговѣ сѣверяне и т. д. Кромѣ того, новгородское происхожденіе Русской Правды обнаруживается и въ томъ, что она встрѣчается только въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Написанная въ Новгородѣ, Русская Правда имѣла однако силу не только здѣсь, но и въ другихъ городахъ, вездѣ, гдѣ жили Варяги. Это само собой разумѣется и становится очевиднымъ, если обратить вниманіе на тѣ измѣненія Правды Ярослава, которыя состоялись при Изяславѣ Кіевскомъ, Святославѣ Черниговскомъ и Всеволодѣ Пере-

---

[1]) *Карамзинъ*, Исторія государства Россійскаго. 1851, т. II, стр. 46—47; примѣчанія къ 2-му тому, стр. 46.

[2]) Ibid., стр. 27.

яславскомъ. Если названные князья измѣнили законы Ярослава, то ясно, что прежде они исполняли ихъ [1]).

Тобинъ исходитъ изъ того положенія, что до развитія удѣльной системы и установленія татарскаго ига Русское государство было единымъ, и на всемъ пространствѣ его дѣйствовало общее законодательство. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, древнѣйшая Правда была издана Ярославомъ не для Новгорода, а для всей обширной территоріи, находившейся подъ властью этого князя. Свое мнѣніе онъ аргументируетъ слѣдующими доводами. По точному смыслу лѣтописнаго сказанія, Правда была дана Ярославомъ не Новгородцамъ только, какъ принято толковать текстъ лѣтописи, а всѣмъ воинамъ, участвовавшимъ въ ополченіи. Въ Русской Правдѣ о Новгородѣ совсѣмъ не упоминается; слѣдовательно, она не могла быть льготной грамотой въ пользу Новгородцевъ. Въ числѣ субъектовъ права она называетъ не только Русина и Словенина, не только Варяга и Изгоя, но и Колбяговъ, которые, принадлежа къ тюрко-татарскому племени, жили не въ Новгородской области, а на югѣ Россіи. Древнѣйшая Правда Ярослава имѣла общій характеръ еще и потому, что была дополнена въ законодательной коммиссіи, состоявшей изъ трехъ князей—Кіевскаго, Черниговскаго и Переяславскаго, а также изъ другихъ лицъ, которыя могли быть или представителями прочихъ неявившихся на съѣздъ князей или депутатами отдѣльныхъ городовъ и областей. Наконецъ, эти дополненія къ древнѣйшей Правдѣ, выработанныя на упомянутомъ общемъ съѣздѣ, предназначались для всей Русской земли, какъ опредѣленно сказано въ ихъ надписаніи [2]).

Баронъ Розенкампфъ, отвергая скандинавское происхожденіе Русской Правды, считаетъ ее «туземнымъ плодомъ древняго времени». Ея содержаніе составляютъ не обычаи той или другой мѣстности, а общіе обычаи народовъ, соединенныхъ въ Русской землѣ. «Русская Правда», говоритъ онъ, «представляетъ намъ собраніе или соединеніе правилъ, какъ слѣдствіе совокупленія разныхъ на-

---

[1]) *М. Погодинъ*, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. III, стр. 359—360, 366—367.

[2]) *Tobien*, Die aeltesten Gerichts-Ordnungen Russlands. Dorpat. 1846, стр. 12—13; *Онъ-же*, Die Prawda Russkaja. St. Petersburg. 1844, стр. 3.

родовъ въ одинъ, извѣстный подъ общимъ именемъ Руси». Неправильно ограничивать дѣйствіе ея предѣлами Новгородскаго княжества, а тѣмъ болѣе придавать ей характеръ городского права, дѣйствовавшаго въ одномъ Новгородѣ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, она имѣла общее значеніе [1]).

А. Поповъ допускаетъ возможность, что краткая Правда была составлена въ Новгородѣ, и потому Новгородскій лѣтописецъ внесъ ее въ свою лѣтопись. Но въ то же время онъ опредѣленно высказывается за то, что этотъ памятникъ заключаетъ въ себѣ постановленія для всей Русской земли. Содержаніе его составляютъ обычаи, общіе болѣе или менѣе всѣмъ племенамъ, что выражается самимъ названіемъ его—Русская Правда. «Составляя общее законодательство древней Россіи, Русская Правда развивается до тѣхъ поръ, пока сама Россія составляетъ одно цѣлое. Съ раздробленіемъ государства, съ образованіемъ княжествъ должна была прекратиться общая Правда и прекратилась. Съ этого времени каждое княжество начало считать себя самостоятельнымъ цѣлымъ и имѣло свои судебные обычаи. Монголы способствовали развитію этой мысли. Правда изъ Русской превратилась въ Новгородскую, Псковскую, Московскую, Кіевскую и проч.» [2]).

Взглядъ на Правду, какъ на памятникъ общерусскаго права, раздѣляютъ и новѣйшіе изслѣдователи—В. И. Сергѣевичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, М. А. Дьяконовъ, А. Н. Филипповъ, М. Н. Ясинскій и др. Опредѣляя ея источники, они называютъ нормы обычнаго права, а также уставы и судебныя рѣшенія древне-русскихъ князей, но не пріурочиваютъ этихъ источниковъ къ той или другой области. Для нихъ какъ будто не существуетъ сомнѣній въ томъ, что обычное право и судебная практика вездѣ были одинаковы, что уставы однихъ мѣстныхъ князей имѣли силу и въ другихъ волостяхъ, въ качествѣ источниковъ права. Поэтому, къ какой бы территоріи не относилось содержаніе Русской Правды, все равно, она была выраженіемъ повсемѣстнаго общерусскаго права. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ изъ названныхъ ученыхъ попадаются мимолетныя за-

---

[1]) *Баронъ Розенкампфъ*, Обозрѣніе Кормчей Книги, 2-е изд., стр. 145—149.

[2]) *А. Поповъ*, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр 29—30, 31.

мѣчанія, какъ бы намекающія на областной характеръ этого памятника. Напр., В. И. Сергѣевичъ говоритъ: «мѣсто составленія краткой Правды опредѣляется ея названіемъ—русская; такъ называлась въ это время Кіевская волость; краткая редакція Правды составлена въ Кіевѣ» [1]). М. Ф. Владимірскій-Будановъ тоже указываетъ на земли Кіевскую, Сѣверскую, Волынскую, Полоцкую и Туровскую, какъ на территорію зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси, нашедшихъ свое выраженіе въ Русской Правдѣ [2]). Но эти болѣе или менѣе случайныя мысли не получили надлежащаго развитія и не отразились на общемъ опредѣленіи и пониманіи названными учеными характера Русской Правды.

Взглядъ на этотъ сборникъ, какъ на памятникъ областного права, мы находимъ у Морошкина и П. И. Бѣляева.

Нельзя считать Русскую Правду, говоритъ Морошкинъ, уложеніемъ для цѣлой Россіи. Въ лѣтописяхъ и юридическихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ указаній на такое значеніе ея. Напр., грамота Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригой 1229 г. упоминаетъ о вирѣ, объ испытаніи желѣзомъ; но объ уставѣ, на коемъ основываются эти положенія, нѣтъ ни слова. Судная грамота великаго князя Василія Дмитріевича, пожалованная Двинскимъ жителямъ, не имѣетъ сходства съ Русской Правдой и не содержитъ никакого на нее указанія. Судныя грамоты—Псковская, Новгородская, Московская («Запись, что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ») ссылаются на «старую правду», но нигдѣ не предполагаютъ въ основаніи своихъ постановленій Ярославовой Правды и т. д. Въ виду этого Морошкинъ не согласенъ съ Карамзинымъ, который «въ удѣльномъ состояніи правосудія русскаго, въ особливыхъ судныхъ грамотахъ и наказахъ видитъ упадокъ достоинства Русской Правды. Она не могла лишиться достоинства и силы общаго народнаго уложенія, ибо никогда ихъ не имѣла,—она не была въ Россіи всеобщимъ земскимъ уложеніемъ». Онъ считаетъ Русскую Правду мѣстнымъ южно-русскимъ кодексомъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Наз-

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 1903 г., стр. 56.

[2]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Помѣстья Литовско-Русскаго государства, стр. 2.

ваніе *Роськая* едва ли принадлежитъ сѣверному, новгородскому нарѣчію; напротивъ, въ Кіевской области рѣка Роса играла важную роль въ первомъ періодѣ нашей исторіи; Руссы же могли прійти въ Россію двумя путями—не только морскимъ варяжскимъ въ Новгородъ, но и сухопутнымъ въ Кіевъ. Кромѣ того, въ южной Россіи скорѣе могла появиться письменная Правда, принимая во вниманіе ея близость къ Византіи, высшую степень образованности, сосѣдство съ славянами, прежде другихъ получившими письменность, наконецъ, то обстоятельство, что въ Кіевѣ христіанство было введено раньше, чѣмъ въ Новгородѣ [1]).

Если Морошкинъ пріурочиваетъ Русскую Правду къ южной Россіи, то П. И. Бѣляевъ признаетъ мѣстомъ происхожденія ея сѣверъ. Сравненіе Русской Правды съ уставными грамотами Московскаго государства приводитъ его къ убѣжденію, что эти памятники сходны между собою во многихъ отношеніяхъ, не только по содержанію, но и по формѣ изложенія. Это наблюденіе даетъ ему основаніе думать, что Русская Правда была заимствована изъ уставной грамоты, которую Ярославъ въ 1-й четверти XI вѣка далъ Новгородцамъ, и которую, очевидно, имѣлъ въ виду лѣтописецъ въ извѣстномъ сообщеніи о пожалованіи имъ правды и устава. Съ другой стороны, П. И. Бѣляевъ находитъ сходство, какъ внѣшнее, такъ и по существу, между Русской Правдой и Псковской судной грамотой. Отсюда онъ заключаетъ, что оба памятника черпали изъ какихъ то родственныхъ по своему содержанію источниковъ, каковыми, по его мнѣнію, были судебныя грамоты. Слѣдовательно, по характеру своихъ источниковъ, Русская Правда должна быть отнесена къ циклу сѣверныхъ памятниковъ новгородско-псковскаго права [2]).

Если оставить въ сторонѣ взгляды Морошкина и П. И. Бѣляева, то объ остальныхъ мнѣніяхъ можно сказать, что въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ мысль о существованіи единаго и общаго права, дѣйствовавшаго безразлично на всей территоріи Россіи. Но историче-

---

[1]) *Рейцъ*, Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. 1836, стр. 394—398.

[2]) *П. И. Бѣляевъ*, Источники древне-русскихъ законодательныхъ памятниковъ (Журн. Мин. Юстиціи, 1899, № 10, стр. 80—88, 98—113).

скій ходъ правового развитія Россіи не оправдываетъ такого предположенія. Общерусскаго права не было даже въ XVII вѣкѣ. Реальное бытіе имѣли тогда западно-русское право въ видѣ Литовскаго Статута и московское право, кодифицированное въ Уложеніи 1649 г. Оба кодекса существенно отличались одинъ отъ другого. Это было время концентраціи русскаго народа въ двухъ крупныхъ политическихъ организаціяхъ, когда областныя различія въ значительной мѣрѣ были уже нивеллированы и замѣнены общими нормами. Но въ предшествующій періодъ мѣстное разнообразіе въ правѣ проявлялось болѣе пестро и раздробленно. Въ концѣ XV вѣка на той территоріи, которая вошла потомъ въ составъ Московскаго государства, мы наблюдаемъ три своеобразныя системы права, отразившіяся въ судныхъ грамотахъ Пскова и Новгорода и въ судебникѣ Ивана III. Еще раньше, какъ въ Московскомъ государствѣ, такъ и въ Литовской Руси, каждая область имѣла свое особое право, утвержденное, какъ обычай, и отчасти опредѣленное, какъ законъ, соотвѣтствующей уставной грамотой. Если въ эпоху уставныхъ грамотъ, т. е. въ XIV и XV в.в., когда совершался процессъ объединенія древнерусскихъ волостей подъ властью Москвы и Литвы и когда уже значительно усилилась нормирующая роль законодательной власти, мы наблюдаемъ такой партикуляризмъ въ области права, то что же сказать о болѣе раннихъ вѣкахъ, когда отдѣльныя земли политически были разобщены и когда господствовало обычное право, по общему признанію, отличающееся замѣчательной способностью къ мѣстному разнообразію своихъ нормъ? А это было время составленія Русской Правды. Очевидно, общерусское право, какъ реальное явленіе, тогда не существовало. Его можно себѣ представить лишь, какъ сводъ разнообразныхъ областныхъ правъ съ сохраненіемъ всѣхъ мѣстныхъ особенностей, или же, какъ научную систему, устанавливающую среднія, равнодѣйствующія, общеобязательныя нормы, повсемѣстно примѣняемыя, съ устраненіемъ всего того, что составляло своеобразныя черты и признаки отдѣльныхъ областей.

Какъ мы видѣли, нѣкоторые изслѣдователи смотрятъ на Русскую Правду, какъ на оффиціальный кодексъ, и придаютъ ей общерусскій характеръ на томъ основаніи, что Россія въ XI вѣкѣ составляла единое государство, въ которомъ верховная власть изда-

вала законы обязательные для всѣхъ областей. Эта аргументація не согласуется съ условіями политическаго быта древней Россіи. Послѣдующими историками права было доказано, что Россія въ періодъ Русской Правды дробилась на множество мелкихъ государствъ; причемъ каждое изъ нихъ имѣло свою самостоятельную законодательную власть, дѣятельность которой ограничивалась предѣлами отдѣльныхъ княжествъ. Хотя и въ первый періодъ нашей исторіи бывали случаи, когда нѣсколько волостей соединялись подъ властью одного и того же князя,—напр., князья кіевскіе нерѣдко въ то же время управляли и Новгородомъ,—но эти случаи представляли собой внѣшнее объединеніе, имѣвшее характеръ личной уніи. Такая связь не означала, что тотъ или другой князь на всей территоріи своихъ совокупныхъ владѣній управлялъ одними и тѣми же способами, судилъ по однимъ и тѣмъ же правиламъ, издавалъ общеобязательные законы. Даже въ болѣе позднюю эпоху, когда отдѣльныя земли крѣпче и тѣснѣе, чѣмъ въ XI вѣкѣ, объединились подъ властью Московскихъ и Литовскихъ князей, даже тогда законодательная дѣятельность послѣднихъ долгое время выражалась въ видѣ мѣстныхъ законовъ, т. е. уставныхъ грамотъ, выдаваемыхъ различнымъ областямъ, а не въ формѣ общаго кодекса. При такихъ условіяхъ, какъ могло появиться общее законодательство въ періодъ Ярослава Мудраго?

Въ виду сказаннаго, мнѣ кажется, что положеніе, выставленное мною въ началѣ этой главы и характеризующее Русскую Правду, какъ сводъ двухъ областныхъ правъ—Новгородскаго и Кіевскаго, это положеніе ближе, чѣмъ господствующія воззрѣнія, стоитъ къ тѣмъ особенностямъ правоваго и государственнаго быта, которыми опредѣляется наша древность.

II.

Новгородскія особенности первой Правды.

Такъ какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется не разъ останавливаться на толкованіи тѣхъ или другихъ статей краткой Правды, то считаю необходимымъ предпослать ему оговорку, имѣющую методологическое значеніе. Въ нашей литературѣ прочно укрѣпилась традиція — въ затруднительныхъ случаяхъ объяснять

краткую Правду путемъ сравненія ея съ тѣми постановленіями распространенной редакціи, которыя перешли сюда изъ краткой. Выводы, полученные на основаніи такого совмѣстнаго разсмотрѣнія обоихъ текстовъ, признавались общими и примѣнялись одинаково къ тому и къ другому памятнику. Профессоръ Гетцъ въ недавно опубликованномъ изслѣдованіи о Русской Правдѣ указалъ на ошибочность такого смѣшенія матеріала. По его мнѣнію, древнѣйшая Правда должна быть объясняема на основаніи собственнаго текста; пользованіе же текстомъ распространенной редакціи является неправильнымъ пріемомъ толкованія[1]). Къ сожалѣнію, проф. Гетцъ въ своей работѣ фактически очень часто отступаетъ отъ этого методологическаго правила, имъ же самимъ установленнаго. Тѣмъ не менѣе мысль его по существу мнѣ кажется правильной. Я бы только далъ ей иное обоснованіе сравнительно съ тѣмъ, какое мы находимъ у проф. Гетца. Послѣдній исходитъ изъ того соображенія, что одна Правда отдѣляется отъ другой значительнымъ промежуткомъ времени, въ продолженіе котораго русское право должно было подвинуться впередъ, и такъ какъ пространная редакція отражаетъ въ себѣ позднѣйшую стадію правового развитія, то слѣдовательно, было бы рисковано на основаніи ея содержанія толковать смыслъ краткой редакціи, опредѣляющей болѣе древнее состояніе русскаго права. Я нахожу возможнымъ придавать значеніе не только этому обстоятельству, но и тому, что распространенная редакція возникла въ иномъ мѣстѣ, и авторомъ ея было другое лицо. Матеріалъ, рецепированный ею изъ краткой Правды, былъ переработанъ не только согласно требованіямъ времени, но и примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, а также соотвѣтственно личному своеобразному пониманію автора, которое, какъ увидимъ впослѣдствіи, имѣло огромное значеніе. Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ дало такіе результаты, что обращеніе къ распространенной редакціи въ цѣляхъ объясненія краткой представляется мнѣ приблизительно столь же неправильнымъ, какъ пользованіе Судебникомъ 1497 г. для объясненія тѣхъ частей Псковской судной грамоты, которыя были имъ заимствованы, или же ссылка на Уло-

---

[1]) *Dr. L. K. Goetz*, Das Russische Recht, Stuttgardt, 1910, B. I, стр. 3.

женіе 1649 г. при толкованіи тѣхъ артикуловъ Литовскаго Статута, которые вошли въ составъ Московскаго кодекса.

Подробнѣе эта мысль будетъ развита во второмъ выпускѣ предлагаемаго опыта. Сейчасъ же достаточно сказать, что въ дальнѣйшемъ изложеніи я сознательно буду воздерживаться отъ экскурсій въ область пространной редакціи Русской Правды, убѣдившись, по указаннымъ основаніямъ, въ неправильности этого пріема. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перехожу къ разсмотрѣнію тѣхъ признаковъ въ первой Правдѣ, совокупность которыхъ позволяетъ мнѣ пріурочить ее къ Новгороду.

Эта правда упоминаетъ варяговъ и колбяговъ: «аще ли ринеть моужь моужа, любо отъ себѣ, любо къ собѣ,—3 гривнѣ, а видока два выведеть; или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротоу» [1]). Остановимся сначала на словѣ «варягъ». Варяги часто упоминаются лѣтописью, въ качествѣ наемныхъ воиновъ скандинавскаго происхожденія, къ которымъ обращались за помощью новгородскіе князья. Но варягами назывались также и нѣмецкіе купцы, съ которыми торговали русскіе. Такое значеніе это слово имѣетъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами конца XII вѣка. Въ текстѣ этого договора договаривающіяся стороны обыкновенно именуются новгородцами и нѣмчинами: «а оже оубьють коупчиноу Новогородца или Нѣмчина коупчиноу», «оже родится тяжа въ Нѣмцехъ, любо Нѣмчиноу Новгородѣ» и т. д. Но въ одной статьѣ употреблена другая терминологія, не смотря на то, что контрагенты остаются тѣ же: «оже емати скотъ Варягоу на Роусинѣ или Роусину на Варязѣ [2])». Слѣдовательно, варягъ и нѣмчинъ—одно и то же. Конечно, варяги въ томъ и другомъ значеніи, какъ воины и купцы, какъ скандинавы и нѣмцы, могли встрѣчаться во многихъ городахъ древней Руси. Но Новгородъ въ этомъ отношеніи выдѣлялся. Здѣсь они составляли постоянное и заурядное явленіе. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, необходимо было считаться съ ними при опредѣленіи юридическихъ отношеній. Естественно, что не могла игнорировать ихъ и Русская Правда.

---

[1]) Академ. списокъ, ст. 9.

[2]) Мирная грамота Новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г., ст. 3. 11. 13, 10.

Варяги упоминаются и въ другой статьѣ первой Правды: «аще ли челядинъ съкрыется, любо оу варяга, любо оу кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и въ третіи день, то изымати емоу свои челядинъ, а три гривны за обидоу» [1]). Эта статья у многихъ изслѣдователей возбуждаетъ недоумѣніе. Почему, спрашиваетъ Калачевъ, говорится объ укрывательствѣ бѣглаго раба только варягомъ или колбягомъ? «Развѣ челядинъ не могъ бы точно такъ-же скрыться у Руспна или Словенина»? Недоумѣніе свое онъ разрѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что цитированная статья, по его предположенію, представляетъ частные «практическіе случаи, записанные для памяти» [2]). Иное толкованіе находимъ мы у проф. Гетца. По его объясненію, слова—варягъ и колбягъ—отсутствовали въ первоначальной редакціи древнѣйшей Правды. Соотвѣтствующая статья ея была изложена въ общей формѣ, т. е. предусматривала укрывательство бѣглаго холопа вообще, кѣмъ бы то ни было. Наименованіе варяговъ и колбяговъ есть позднѣйшая вставка переписчика. Она была вызвана не желаніемъ отмѣтить и воспроизвести въ текстѣ спеціальный случай судебной практики, а ошибкой переписчика, машинально повторившаго тѣ слова, которыя онъ только что написалъ въ предшествующей статьѣ [3]). Къ объясненію проф. Гетца присоединяется и академикъ М. А. Дьяконовъ [4]).

Статья однако допускаетъ возможность другого толкованія, придающаго ей раціональный характеръ. Оставляя пока въ сторонѣ колбяговъ, попытаемся уяснить себѣ, почему Русская Правда должна была обратить особенное вниманіе на укрывательство бѣглыхъ рабовъ варягами. Текстъ заключаетъ въ себѣ намекъ на то, что варяги составляли изолированную и замкнутую группу населенія, отдѣленную отъ остального общества. Въ немъ сказано: «а его за три дни не *выведоуть*», «то *изымати* емоу свои челядинъ»; тогда какъ въ другихъ случаяхъ говорится: «аще кто челядинъ *поити* хощеть,

---

[1]) Акад. спис., ст. 10.

[2]) *Калачевъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Р. Правды. 1846, стр. 29, примѣч. 3.

[3]) *Dr. Goetz*, Das Russische Recht, B I, стр. 126—128.

[4]) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, 1911 г., т.. XVI, кн. I-я, стр. 240.

познавъ свои», «а господинъ начнеть не дати его, то холопа *поити*» [1]). Если укрывшагося раба надо было выводить и изымать, то значитъ, онъ находился въ мѣстѣ огражденномъ и замкнутомъ. Такая изолированность варяговъ обнаруживается и въ другой статьѣ первой Правды: «аще поиметь кто чюжь конь, любо ороужіе, любо портъ, а познаетъ въ своемъ мироу, то взяти емоу свое, а 3 гривнѣ за обидоу» [2]). «Свой миръ», упоминаемый въ этой статьѣ, традиціонно толкуютъ въ смыслѣ своей общины въ противоположность другимъ общинамъ—городскимъ или сельскимъ. Но въ этомъ выраженіи можно видѣть и указаніе на своихъ людей, земляковъ, туземцевъ, въ противоположность иностранцамъ, о которыхъ говоритъ предшествующая статья, и которые, слѣдовательно, составляли обособленный міръ, не слившійся съ мѣстнымъ обществомъ.

Такимъ образомъ, текстъ Русской Правды даетъ основаніе думать, что варяги жили среди русскаго населенія отдѣльной колоніей. Такой обособленный бытъ ихъ представлялъ благопріятныя условія для укрывательства въ ихъ средѣ бѣглыхъ холоповъ. Случаи такого рода въ практикѣ, повидимому, были довольно частымъ, распространеннымъ бытовымъ явленіемъ. Поэтому не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что Русская Правда, говоря объ укрывателяхъ бѣглыхъ холоповъ, называетъ только варяговъ и колбяговъ.

Въ этомъ отношеніи варяги, можетъ быть, находились въ такихъ же бытовыхъ условіяхъ, какъ русскіе въ Византіи, которымъ по договорамъ X вѣка было предоставлено жить только въ предмѣстьѣ Св. Мамы. Аналогичное положеніе вызывало одинаковыя послѣдствія. Обособленность русскихъ въ Византіи, конечно, должна была привлекать въ ихъ среду бѣглыхъ греческихъ рабовъ, искавшихъ себѣ болѣе или менѣе надежнаго убѣжища. Договоры предусматриваютъ эту возможность и даютъ на этотъ счетъ соотвѣтствующія постановленія [3]). Тѣ же, вѣроятно, условія побудили и составителя Русской Правды обратить вниманіе на легкую и заманчивую возможность укрывательства бѣглыхъ холоповъ у варяговъ.

---

[1]) Академ. спис., ст. 15 и 16.

[2]) Ibid., ст. 12.

[3]) Договоръ Игоря съ греками 945 г., ст. 3.

Спрашивается, какія же указанія можно извлечь изъ разсмотрѣнной статьи для опредѣленія мѣста ея происхожденія? Статья эта заключаетъ въ себѣ такія характерныя черты, что при чтеніи ея мысль невольно переносится въ Новгородъ, гдѣ существовали готскій и нѣмецкій дворы для мѣстопребыванія западно-европейскихъ купцовъ и гдѣ доступъ въ эти иностранные дворы для мѣстныхъ жителей былъ затрудненъ различными ограничительными правилами [1]).

Что касается колбяговъ, то въ литературѣ этому слову придается различное значеніе. Преобладаетъ мнѣніе, что это были иностранцы. Одни усматриваютъ въ нихъ иностранцевъ западно-европейскаго происхожденія, другіе принимаютъ ихъ за восточныхъ инородцевъ. Какъ бы то ни было, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что наименованіе «колбяги» встрѣчаются именно въ новгородскихъ памятникахъ, въ качествѣ топографическаго термина. Оно обыкновенно присоединяется къ обозначенію Климецкаго погоста Обонежской пятины: [2]) «изъ Климецкаго погоста изъ Колбягъ Русинъ Лихачевъ сынъ Палицынъ» [3]); «порядилъ есми сына своего Прокопья на время въ Колбяги къ церкви священномученику Клименту въ дьячки» [4]). На этомъ основаніи упоминаніе о колбягахъ и прежде считалось однимъ изъ признаковъ новгородскаго происхожденія 1-й Правды.

Отъ иностранцевъ перейдемъ къ туземному населенію и посмотримъ, какія особенности представляетъ первая Правда въ этой области.

Въ ней говорится: «оубьеть моужь моужа, то 40 гривенъ за голову». Казалось бы, этого достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что за убійство всякаго свободнаго человѣка уплачивался одинъ и тотъ же штрафъ. Но авторъ Русской Правды хотѣлъ, чтобы у читателя не оставалось на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Поэтому

---

[1]) *Н. И. Костомаровъ.* Сѣверно-русскія Народоправства. 1904, стр. 328—339; *А. И. Никитскій,* Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 111—140.

[2]) *Неволинъ,* О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ 16 в., Приложенія, стр. 184.

[3]) Указатель Россійскихъ Законовъ, ч. I, стр. 114.

[4]) Акты юридическіе. 1838, № 197.

онъ не ограничивается установленіемъ общаго принципа, но даетъ еще примѣрный перечень убитыхъ лицъ, различая ихъ по общественному и служебному положенію, а также по племенному происхожденію, съ тѣмъ чтобы этими частными примѣрами только раскрыть общее понятіе мужа и вновь подтвердить равенство уголовной защиты для всѣхъ безразлично: «аще боудеть роусинъ, любо гридінъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изгои боудеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань» [1]). Такимъ образомъ, правило, что жизнь каждаго гражданина охраняется одинаково, выражено 1-й Правдой сначала въ общей формѣ, а потомъ черезъ перечисленіе отдѣльныхъ случаевъ и оцѣнку ихъ одной и той же мѣрой денежнаго взысканія. Совсѣмъ иное мы видимъ во 2-й Правдѣ. Здѣсь нѣтъ общаго понятія о мужѣ. Здѣсь говорится объ огнищанахъ, о подъѣздномъ, тіунѣ, старомъ конюхѣ, сельскомъ старостѣ, ратайномъ и рядовичѣ княжихъ, о смердѣ; жизнь названныхъ лицъ оцѣнивается различно: за убійство ихъ назначается то 80, то 12, то 5 гривенъ [2]).

Постановленія 1-й Правды объ увѣчьяхъ, ранахъ и ударахъ тоже имѣютъ общій характеръ. Кто бы ни былъ потерпѣвшій, плата одна и таже. Текстъ нѣкоторыхъ ея статей прямо указываетъ на все свободное населеніе: «аще ли рпнеть моужъ моужа»; «или холопъ оударитъ свободна моужа» [3]). Во 2-й Правдѣ этотъ отдѣлъ уголовнаго права отсутствуетъ. Слѣдовательно, она не имѣла возможности выразить во всей полнотѣ принципъ неравенства по отношенію къ посягательствамъ на здоровье. Но здѣсь есть статья о мукѣ, обнаруживающая ея основную тенденцію и въ этой области: «или смердъ оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны, а въ гнищанінѣ и въ тивунищѣ и въ мечници 12 гривьнѣ» [4]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно частное различіе между 1-й и 2-й Правдой—по отношенію къ мечнику. Въ 1-й Правдѣ убійство мечника приравнивалось къ убійству изгоя, не смотря на то, что ихъ раздѣляло громадное разстояніе на обще-

---

[1]) Академ. спис., ст. 1.

[2]) Ibid., ст. 18—23.

[3]) Ibid., ст. 9, 16.

[4]) Ibid., ст. 31, 32.

ственной лѣстницѣ. Мечники были княжескими чиновниками, а изгои нерѣдко находились въ положеніи смердовъ, какъ это видно изъ грамоты Смоленскаго князя Ростислава 1150 г., которая заключаетъ въ себѣ пожалованіе церкви селъ съ изгоями. Между тѣмъ во 2-й Правдѣ за муку мечника назначается штрафъ, въ четыре раза превышающій плату за муку смерда.

Мнѣ кажется, что идея равноправія гражданъ, окрашивающая содержаніе первой Правды, составляла особенность Новгорода. Она обнаруживается въ памятникахъ, касающихся его исторіи.

Новгородскій договоръ съ нѣмцами 1195 года говоритъ о свободныхъ лицахъ вообще, называя ихъ мужами, какъ и первая Правда: «а оже моужа свяжуть безъ вины»; «оже оударять моужа ороужеемъ» [1]). Изъ общей массы свободнаго населенія этотъ договоръ выдѣляетъ только посла, заложника и священника, назначая за убійство ихъ болѣе высокій штрафъ, чѣмъ за убійство обыкновенныхъ людей [2]). Но они выдѣлены по политическимъ и религіознымъ основаніямъ, а не по тѣмъ сословно-служебнымъ отношеніямъ, которыми обусловлены различія въ уголовномъ правѣ 2-й Правды.

Разсматриваемая особенность 1-й Правды нашла себѣ и принципіальное выраженіе въ памятникахъ новгородскаго права. Въ договорѣ новгородцевъ съ польскимъ королемъ Казиміромъ 1471 г. по этому поводу сказано слѣдующее: «а намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшего, такъ и селянина, а судити ему въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно» [3]). Здѣсь гарантируется равенство всѣхъ гражданъ передъ княжескимъ судомъ. Тотъ же принципъ равенства по отношенію къ суду церковному получилъ формальное признаніе въ Новгородской судной грамотѣ: «нареченному на архіепископство Великаго Новгорода и Пскова священному иноку Ѳеофилу судити судъ свой, судъ святительски по святыхъ отецъ правилу, по Манаканупу, а судити ему всѣхъ равно, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодчего человѣка» [4]).

---

[1]) Ст. 4, 5.
[2]) Ст. 2, 15.
[3]) Ст. 5.
[4]) Ст. 1.

Впрочемъ, въ Новгородской судной грамотѣ мы встрѣчаемъ и отступленія отъ этого общаго правила. Сюда относится прежде всего слѣдующій случай: «а кто наведетъ наводку на посадника, или на тысетцкаго, или на владычня намѣстника, или на иныхъ судей, или на докладчиковъ, или истець на истца у суда, или у доклада, или у поля, ино взять великимъ княземъ и Великому Ноугороду на виноватомъ на боярнѣ 50 рублевъ. а на житьемъ дватцять рублевъ, а на молодшемъ десять рублевъ за наводку» [1]). Наводка, о которой здѣсь говорится, состояла въ томъ, что истецъ или отвѣтчикъ приводилъ въ судъ своихъ пріятелей и съ ихъ помощью оказывалъ давленіе на судей, заставляя ихъ постановить приговоръ въ свою пользу. Такъ какъ сильный и богатый человѣкъ могъ собрать вокругъ себя большее количество пособниковъ и такимъ образомъ могъ оказать болѣе энергичное воздѣйствіе на исходъ процесса въ благопріятномъ для себя смыслѣ, то естественно, что уголовная отвѣтственность за это дѣяніе усиливалась или понижалась, въ зависимости отъ общественнаго положенія виновнаго, пропорціонально его богатству, силѣ и вліянію. Другой случай такой: «а кого утяжутъ въ наѣздѣ и въ грабежи, ино взять великимъ княземъ и Великому Ноугороду на виноватомъ,— на боярнѣ пятьдесятъ рублевъ, а на житьемъ дватцать рублевъ, а на молодчемъ десять рублевъ» [2]). И здѣсь бояре, житьи люди и молодшіе отвѣчаютъ неодинаково изъ вниманія къ тому обстоятельству, что самоуправство, совершенное сильнымъ и богатымъ человѣкомъ, въ сопровожденіи многихъ помощниковъ и слугъ, принимаетъ болѣе грозные размѣры, болѣе нарушаетъ общественный порядокъ и безопасность, чѣмъ самоуправство, исходящее отъ мелкаго человѣка. Наконецъ, Новгородская судная грамота устанавливаетъ неодинаковую отвѣтственность за уклоненіе судей-докладчиковъ отъ своихъ обязанностей: «а докладчикомъ садиться на недѣлю по трижды, въ понедѣльникъ, въ середу и въ пятокъ; а кой докладчикъ не сядетъ на тотъ день, ино взять на боярнѣ два рубля, а на житьемъ рубль» [3]). Здѣсь бояре уплачиваютъ за нерадѣніе по

[1]) Ст. 6.
[2]) Ст. 10.
[3]) Ст. 26.

службѣ болѣе высокій штрафъ, чѣмъ житьи люди, потому что они, какъ лица, имущественно обезпеченныя, имѣли больше досуга, а слѣдовательно и возможности аккуратно исполнять общественныя обязанности. Такимъ образомъ, всѣ разсмотрѣнные случаи ничего общаго не имѣютъ съ тѣми неравенствами уголовнаго права, о которыхъ рѣчь идетъ во 2-й Правдѣ. Они обращаютъ вниманіе только на то, кто совершилъ преступленіе, чтобы въ зависимости отъ этого обстоятельства опредѣлить соотвѣтствующую мѣру наказанія, но вовсе не интересуются вопросомъ, кому принадлежитъ нарушенное право, и не устанавливаютъ въ этомъ отношеніи никакихъ различій. Та или другая мѣра отвѣтственности опредѣляется главнымъ образомъ степенью экономической состоятельности, а не сословнымъ положеніемъ или служебнымъ рангомъ лица. Наконецъ, это классовое различіе проявляется своеобразно: чѣмъ выше общественное положеніе виновнаго, тѣмъ строже его отвѣтственность и наоборотъ.

Въ договорѣ Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ общее положеніе о гражданскомъ равноправіи нарушается только слѣдующимъ постановленіемъ: «а сведется вира, убьютъ сотцкого въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны» [1]). Но сотскіе въ Новгородѣ были представителями мѣстнаго общества, а не княжими людьми [3]). Слѣдовательно, это различіе тоже не совпадаетъ съ тѣмъ, которое характеризуетъ постановленія 2-й Правды.

То общество, которое имѣетъ въ виду первая Правда, не смотря на юридическое равенство всѣхъ, фактически расчленялось на отдѣльныя группы по племеннымъ, соціальнымъ и служебнымъ различіямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ перечислены и названы. Посмотримъ, нѣтъ ли въ этихъ наименованіяхъ указаній на Новгородъ.

Съ точки зрѣнія племенной 1-я Правда различаетъ словенина и русина. Относительно названія «словенинъ» не можетъ быть сомнѣній,—оно обозначало Новгородца. Но что значитъ слово «русинъ»? Не противорѣчитъ ли упоминаніе о немъ нашей мысли о новгородскомъ происхожденіи первой Правды? Это слово употребля-

---

[1]) Ст. 15.

[2]) *А. Прѣсняковъ*, Княжое право въ древней Руси, стр. 177.

лось въ различныхъ значеніяхъ. Оно иногда обозначало жителя любой волости, если только онъ противопоставлялся иностранцамъ. Напр., въ договорѣ Олега съ греками 911 года говорится: «аще кто убьеть Крестьяна Русинъ или Христьянинъ Русина»; «аще украдеть Русинъ что любо у Крестьянина и пакы Христьянинъ у Русина» [1]). Въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами 1195 г. русиномъ названъ новгородецъ: «оже емати скотъ Варягу на Русинѣ или Русину на Варязѣ» [2]). Въ договорѣ Смоленскаго князя съ нѣмцами 1229 г. это наименованіе примѣняется къ жителю Смоленской области: «аще латининъ дасть Роусину товаръ свои»; «Роусиноу не звати Латина на полѣ биться» [3]). Русинами назывались также варяги, составлявшіе на первыхъ порахъ княжескую дружину: «Игорь же, совокупивъ вои многи—Варяги, Русь и Поляны, Словѣни и Кривичи и Тѣверцьцѣ и Печенѣги, поиде на Греки» [4]). Наконецъ, это слово обозначало и жителей Кіевской земли [5]).

Многіе писатели отождествляютъ русина первой Правды съ варягомъ. Но этому объясненію противорѣчитъ то обстоятельство, что варяги упоминаются въ текстѣ ея дважды и каждый разъ подъ собственнымъ именемъ. Это слово не имѣло въ Правдѣ и общерусскаго значенія, потому что русина она противополагаетъ не иностранцу, а словенину, т. е. новгородцу. Очевидно, оно употреблено въ болѣе узкомъ, областномъ смыслѣ для наименованія жителя Кіевской Руси.

Упоминаніе о русинѣ въ Новгородской Правдѣ представляется вполнѣ естественнымъ при томъ политическомъ, церковномъ и торговомъ общеніи, которое существовало между Новгородомъ и Кіевомъ въ XI и XII в.в. Изъ Кіева обыкновенно приглашались князья; послѣдніе посылали въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ или же сами являлись туда вмѣстѣ съ служилыми людьми. Новгородская епископія зависѣла отъ Кіевскаго митрополита; на первыхъ порахъ

---

[1]) Ст. 4, 6.

[2]) Ст. 10.

[3]) Ст. 10, 15.

[4]) *П. Мрочекъ-Дроздовскій*, Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Приложенія ко второму выпуску, стр. 176—186.

[5]) *В. И. Сергѣевичъ*, Древности русскаго права. т. 1-й, 1909 г., стр. 88—91.

различныя церковныя должности въ Новгородѣ нерѣдко замѣщались кіевлянами. Въ Новгородѣ постоянно находились кіевскіе купцы, такъ какъ туда направлялась съ юга торговля хлѣбомъ. Первая Правда должна была считаться съ этими явленіями, а потому и неудивительно, если она рядомъ съ словениномъ называетъ и русина. Такъ Новгородская судная грамота, подъ вліяніемъ аналогичныхъ условій, упоминаетъ въ числѣ возможныхъ свидѣтелей на судѣ Псковитянина, [1]) т. е. жителя другого княжества, съ которымъ Новгородъ находился въ постоянномъ общеніи.

Съ соціальной точки зрѣнія 1-я Правда различаетъ гридей, купцовъ и изгоевъ.

Гриди были младшіе дружинники князя. Такъ они обыкновенно назывались въ Новгородѣ. Въ другихъ волостяхъ они извѣстны были подъ именемъ отроковъ и дѣтскихъ. Наименованіе «гриди» встрѣчается здѣсь лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ [2]). Такимъ образомъ, первая Правда, упоминая о младшихъ дружинникахъ, пользуется той терминологіей, которая господствовала главнымъ образомъ въ Новгородѣ и не привилась въ другихъ областяхъ Россіи.

Затѣмъ слѣдуютъ купцы. Конечно, купцы были вездѣ, хотя нигдѣ они не играли такой видной роли въ общественной жизни, какъ въ Новгородѣ. Быть можетъ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія то обстоятельство, что Русская Правда употребляетъ терминъ «купчина». Такая грамматическая форма часто попадается въ новгородскихъ памятникахъ: «а оже оубьють коупчиноу Новгородца или Нѣмчина коупчиноу»; «а изъ Бѣжиць, княже, людей не выводити въ свою землю..., ни закладниковъ приимати..., ни смерда, ни купцины» [3]).

Остаются еще изгои. Свидѣтельства древнихъ памятниковъ объ изгояхъ немногочисленны. Онѣ относятся главнымъ образомъ къ сѣверо-западной Россіи, т. е. къ областямъ Смоленской, Псковской, и Новгородской. Причемъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ

---

[1]) Ст. 22.

[2]) *П. Мрочекъ-Дроздовскій*, Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Приложенія ко 2-му выпуску, стр. 25—29: *А. Пресняковъ*, Княжое право, стр. 241—242.

[3]) Мирная грамота Новгородцевъ съ Нѣмцами 1195 г., ст. 3; Памятники исторіи Великаго Новгорода, 1909 г., стр. 11, 13 и др.

изгояхъ мы находимъ только въ новгородскомъ законодательствѣ. Такъ, уставъ князя Всеволода опредѣляетъ кругъ лицъ, которыя считались изгоями, и подчиняетъ ихъ вѣдомству церкви; уставъ о мостовой повинности новгородскихъ обывателей, приписываемый Ярославу, указываетъ тѣ участки городской территоріи, которые долженъ былъ замащивать епископъ съ изгоями: «а владыцѣ сквозѣ городняя ворота съ изгои и съ другымы изгои до Острои городни». Такое вниманіе законодательства къ изгоямъ, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ Новгородѣ они составляли болѣе многочисленный и замѣтный классъ общества, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Возможно поэтому, что и первая Правда, упоминая о нихъ, считалась съ этими условіями и особенностями новгородскаго быта.

Наконецъ, въ числѣ должностныхъ лицъ князя 1-я Правда называетъ мечниковъ и ябедниковъ. Должность мечника была общерусской. Нельзя того же сказать о должности ябедника. Въ качествѣ частныхъ лицъ, промышляющихъ ложными доносами и потому преслѣдуемыхъ судомъ, ябедники очень извѣстны памятникамъ московскаго и западно-русскаго права: но въ качествѣ княжихъ чиновниковъ они, повидимому, упоминаются только новгородскою лѣтописью. Сюда относится лѣтописный разсказъ подъ 1218 г. о новгородской смутѣ, вызванной ложными слухами о томъ, будто бы посадникъ Твердиславъ выдалъ князю новгородца Матея Душильчевича за то, что этотъ послѣдній связалъ бирича ябедничa Мосейца[1]). Нельзя ли на этомъ основаніи видѣть въ ябедникѣ Русской Правды отраженіе новгородскихъ порядковъ?

Вторая Правда обнаруживаетъ особенное вниманіе къ князю. Она подробно перечисляетъ его служилыхъ людей, говоритъ объ его имуществѣ, въ частности, о селахъ, конныхъ стадахъ, борти и конѣ. Въ ней излагаются княжескіе уставы и уроки. Она указываетъ на принадлежность князю судебной власти: его дворъ служитъ мѣстомъ суда, безъ его слова нельзя было подвергнуть кого либо пыткѣ или наказанію, въ его пользу поступали уголовные

[1]) *П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій.* О древне-русскихъ ябетникахъ.—см. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1884, кн. I, стр. 5.

штрафы. Наконецъ, она исчисляетъ пошлины судебныя, вирныя и мостовыя, которыя платились княжескимъ чиновникамъ—мечнику, вирнику и мостнику [1]). Наоборотъ, замѣчательную особенность первой Правды составляетъ полное отсутствіе въ ней прямыхъ указаній на князя. О немъ можно только догадываться по упоминанію о гридинахъ, мечникахъ и ябедникахъ, состоявшихъ на княжеской службѣ.

Такая особенность первой Правды отчасти находится въ связи съ ея новгородскимъ происхожденіемъ, ибо исторія Новгорода не представляла благопріятной почвы для развитія княжеской власти. Конечно, этимъ я не хочу сказать, что для автора первой Правды, поскольку она воспроизводила новгородскій бытъ, не было никакихъ поводовъ, чтобы упомянуть о князѣ. Мысль моя заключается лишь въ томъ, что условія этого быта были таковы, что не выдвигали князя на первый планъ, а потому на основаніи новгородской практики нельзя было бы изобразить полную и законченную фигуру древнерусскаго князя, во весь ростъ и во всеоружіи его авторитета и правъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Новгородъ не былъ постоянной княжеской резиденціей. Князья, правившіе имъ, часто оставались въ своихъ волостяхъ, лишь изрѣдка навѣщая свое придаточное владѣніе. Новгородской областью они управляли черезъ посредство посадниковъ и намѣстниковъ, назначая въ качествѣ таковыхъ или своихъ сыновей, или другихъ родственниковъ, или же лучшихъ мужей изъ дружины. Такой порядокъ былъ настолько обычнымъ, что Новгородская судная грамота, въ видѣ общаго правила, говоритъ не о судѣ князя, а о судѣ его намѣстника [2]). Эта грамота также свидѣтельствуетъ, что судебная функція въ Новгородѣ осуществлялась не однимъ намѣстникомъ князя съ подчиненными ему слугами. Рядомъ съ нимъ конкуррировали и другіе органы—церковные, земскіе и частные (третейскіе). Такъ судебная власть принадлежала архіепископу, его намѣстнику и ключнику, посаднику и тысяцкому, выборной коллегіи докладчиковъ, судебнымъ засѣдателямъ и приставамъ, по избранію

---

[1]) Акад. сп., ст. 18—23, 25, 30, 31, 32, 38, 41—43.

[2]) Ст. 2 и 3.

спорящихъ сторонъ, «и инымъ судьямъ» [1]). Надо думать, что эти особенности судоустройства возникли задолго до составленія Новгородской судной грамоты. Если бы у Новгородцевъ и раньше не существовало собственной судебной организаціи, помимо княжеской, то трудно было бы объяснить состояніе ихъ государственной жизни въ тѣ періоды, когда они нерѣдко въ теченіе многихъ мѣсяцевъ оставались безъ князя, трудно было бы также понять и первую страницу нашей исторіи, когда Новгородцы, свергнувъ варяжское владычество, нѣкоторое время сами собой управляли.

Итакъ, если первая Правда не упоминаетъ о князѣ, въ качествѣ судьи, то этотъ пропускъ находитъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ новгородской практикѣ, которую она воспроизводила, князь не только не былъ единственнымъ органомъ правосудія, но даже не игралъ въ немъ преобладающей и первенствующей роли. Онъ былъ лишь одной изъ составныхъ частей довольно сложной судебной организаціи.

Какъ уже сказано, 2-я Правда подробно и внимательно останавливается на служилыхъ людяхъ князя и охраняетъ ихъ жизнь и здоровье повышенными штрафами; между тѣмъ первая—только мимоходомъ называетъ мечниковъ и ябедниковъ, подчиняя ихъ общимъ нормамъ права и приравнивая ихъ къ прочимъ классамъ общества. Въ этой особенности ея также можно видѣть отпечатокъ Новгорода. Въ Новгородѣ княжескіе слуги далеко не имѣли того авторитета и значенія, какими они пользовались въ другихъ княжествахъ, въ качествѣ правительственнаго класса. Здѣсь въ государственномъ управленіи принимали широкое участіе представители мѣстнаго общества, которыми замѣщалось большинство должностей. Уже это обстоятельство умаляло значеніе административно-судебнаго персонала, зависѣвшаго отъ князя. Но кромѣ того, отношенія между княжими мужами и новгородцами были проникнуты началами недовѣрія и отчужденности. Послѣдніе постоянно заботились о томъ, чтобы ограничить ихъ роль въ государственномъ управленіи разнообразными болѣе или менѣе стѣснительными правилами и условіями. Всѣ эти особенности Новгорода отчетливо обнаружива-

[1]) Новгородская судная грамота. ст. 1. 3. 4, 5, 6, 8. 9, 15. 25. 26 и 27.

ются въ договорахъ его съ князьями, начиная съ XIII в. Однако отсюда не слѣдуетъ, что ихъ не было раньше. Предшествующіе договоры до насъ не дошли. Но уже Новгородцы XII вѣка были того мнѣнія, что свои вольности они получили отъ прадѣдовъ современныхъ имъ князей, [1]) а послѣдующіе договоры обыкновенно ссылались на грамоты Ярослава, какъ на свой первообразъ. Такимъ образомъ, если первая Правда ничего не говоритъ о привилегіяхъ княжескихъ слугъ и почти игнорируетъ послѣднихъ, то въ этомъ, какъ мнѣ кажется, обнаруживается результатъ новгородскаго вліянія.

Этому вліянію надо приписать и отсутствіе въ 1-й Правдѣ какихъ либо указаній на князя, въ роли крупнаго землевладѣльца. Извѣстно, что новгородскимъ князьямъ отводились во временное пользованіе особыя недвижимыя имущества, которыя назывались пожнями; имъ предоставлялось также въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ извѣстное время право охоты, рыбной ловли и медоваренія; но они не имѣли права пріобрѣтать земельную собственность на территоріи Новгорода; во всѣхъ почти договорахъ повторяется одно и тоже запрещеніе: «а въ Бежицахъ, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не държати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородьской».

Если княжеская власть въ 1-й Правдѣ находится въ тѣни, то частное лицо, наоборотъ, стоитъ въ ней на первомъ планѣ и проявляетъ свою индивидуальность весьма ярко, что также согласно съ новгородской исторіей, которая характеризуется слабостью государственной власти и соотвѣтствующимъ развитіемъ личнаго начала.

Первая Правда открываетъ широкое поле частной иниціативѣ и самодѣятельности въ области права. Наказаніе преступника она предоставляетъ потерпѣвшему: за убійство мстятъ родственники убитаго, за увѣчье дѣти изувѣченнаго, за раны и побои самъ пострадавшій [2]). Такая же активная роль принадлежитъ ему при возстановленіи имущественныхъ правъ: если хозяинъ бѣглаго холопа найдетъ его у варяга или колбяга, «то изымати емоу свои челядинъ»;

[1]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, 1905 г., стр. 65.

[2]) Акад. спис., ст. 1, 2 и 5.

если собственникъ украденной вещи опознаетъ ее, «то взяти емоу свое» [1]). Сходныя постановленія находимъ мы въ Новгородской судной грамотѣ. Въ одномъ изъ нихъ говорится: обвиненный въ татьбѣ, разбоѣ, грабежѣ, поджогѣ или убійствѣ долженъ быть поставленъ на судѣ, «а до суда надъ нимъ силы не дѣять» [2]). Здѣсь запрещается насиліе надъ преступникомъ, какъ самоуправство. Но это запрещеніе не исключало возможности частной расправы съ нимъ послѣ судебнаго приговора, и дѣйствительно, въ послѣднемъ случаѣ осужденный отвѣтчикъ, повидимому, выдавался истцу [3]). Точно также Новгородская судная грамота запрещаетъ самоуправное возстановленіе имущественныхъ правъ, въ случаѣ ихъ нарушенія: «а кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ, или о дву, или больши, или менши, ино ему до суда на землю не наѣзщать, ни людей своихъ не насылать, а о землѣ позвати къ суду» [4]). Но въ то же время выигравшій тяжбу могъ насильственно завладѣть присужденной ему землей: «а кто кого утяжетъ къ землѣ и судную грамоту возьметъ, ино ему ѣхать на свою землю по судной грамотѣ, да и володѣть ему тою землею, а въ томъ пени нѣтъ» [5]).

Сопоставленіе первой Правды съ Новгородской судной грамотой показываетъ, что оба памятника въ своихъ опредѣленіяхъ одинаково считались съ руководящей ролью и самодѣятельностью частнаго лица въ процессѣ.

Характерно также, что карательныя послѣдствія различныхъ преступленій первая Правда опредѣляетъ, все время имѣя въ виду потерпѣвшаго. Поэтому личныя наказанія называются местью; уголовные штрафы поступаютъ въ пользу обиженнаго; его усмотрѣнію предоставлено подвергнуть виновнаго тому или другому наказанію: «аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову»; «оже ли себе не можеть мьстити, то взяти емоу за обидоу 3 гривнѣ, а лѣтцю мъзда» [6]). Напротивъ, во 2-й Правдѣ замѣтна общественная точка

[1]) Акад. сп., ст. 10 и 12.
[2]) Новгородская суди. грам., ст. 36.
[3]) Ibid., ст. 37; ср. ст. 33.
[4]) Ст. 7.
[5]) Ст. 12.
[6]) Академ. спис., ст. 1 и 2.

зрѣнія на преслѣдованіе преступленій: въ ея текстѣ слово «месть» отсутствуетъ; наказывать кого либо—по ея терминологіи значитъ «мучить»; уголовные штрафы—виры и продажи—уплачиваются князю [1]). Однимъ словомъ, въ 1-й Правдѣ, въ отличіе отъ второй, преобладающей цѣлью наказанія является удовлетвореніе потерпѣвшаго.

Такой частноправный взглядъ на задачи карательной дѣятельности можно поставить въ связь съ тѣмъ доминирующимъ значеніемъ частныхъ интересовъ, которое отличаетъ общественный бытъ Новгорода. Въ подтвержденіе этой мысли сошлюсь на аналогичный примѣръ Литовско-Русскаго государства. Здѣсь также личное начало преобладало надъ принципомъ государственности, и эта особенность государственнаго строя имѣла сходныя послѣдствія въ области уголовнаго права. Дѣйствительно, въ литовско-русскомъ правѣ одной изъ основныхъ цѣлей наказанія было личное удовлетвореніе обиженнаго, а потому, съ одной стороны, мы видимъ въ немъ широкое развитіе частныхъ штрафовъ, уплачиваемыхъ потерпѣвшему подъ именемъ головщины, навезки, гвалта, вины и т. д.; причемъ иногда они соединялись съ другими наказаніями, но часто ими только и ограничивалась уголовная отвѣтственность преступника. Съ другой стороны, и личныя наказанія въ значительной степени служили той же цѣли частнаго возмездія. По литовско-русскому праву, потерпѣвшій могъ настаивать на болѣе легкомъ наказаніи, чѣмъ то, какое было опредѣлено въ законѣ; онъ могъ и совсѣмъ простить виновнаго; осужденный выдавался ему на казнь; отъ его усмотрѣнія зависѣло требовать личнаго наказанія или ограничиться денежнымъ выкупомъ; мѣра личной отвѣтственности иногда опредѣлялась по взаимному соглашенію сторонъ [2]) и т. п. Наказаніе являлось въ Литовско-Русскомъ государствѣ съ признаками частной мести не только по характеру своему, но иногда и по наименованію. Въ одной мировой сдѣлкѣ XVI вѣка по поводу преступленія, явленной суду, потерпѣвшій выражается такъ: «гневъ свои ему отпустилъ, прикаючи ему самъ за себе и за вѣси приятели свои того ему ни-

[1]) Акад. спис., ст. 19, 31, 31, 36, 40—42.

[2]) *Г. В. Демченко.* Наказаніе по Литовскому Статуту, стр. 174.—178, 43, 45 и др.

коли не *мстити,* але о то вечне молчати маю, на што есми ему и листъ свои подъ печатми людеи добрыхъ далъ» [1]).

Исключительное вниманіе 1-й Правды къ интересамъ частнаго лица отразилось и на характерѣ ея постановленій, опредѣляющихъ главнымъ образомъ внѣшній составъ и матеріальные результаты преступнаго дѣйствія. Это понятно: съ точки зрѣнія потерпѣвшаго безразлично, какъ совершено правонарушеніе — умышленно, неосторожно или случайно; первостепенное значеніе имѣетъ тотъ принципъ, что причиненная ему обида во всякомъ случаѣ должна быть возмѣщена. Напротивъ, 2-я Правда обнаруживаетъ нѣкоторый интересъ и къ внутренней сторонѣ преступленія, различая убійство въ обиду, убійство въ разбоѣ и убійство вора на мѣстѣ кражи [2]). Установленіе этихъ различій было естественнымъ послѣдствіемъ оцѣнки преступленій съ точки зрѣнія общества. Указанная особенность 1-й Правды повторяется въ памятникахъ новгородскаго права, въ которыхъ мы точно также не находимъ никакихъ слѣдовъ внутренняго анализа виновности.

Наконецъ, 1-я Правда проявляетъ особенно заботливое отношеніе къ праву личной неприкосновенности, детально предусматривая всевозможные виды ея нарушенія. Кромѣ того, въ посягательствахъ этого рода позорящему моменту она придаетъ гораздо больше значенія, чѣмъ моменту физическаго вреда. Напр., за ударъ батогомъ, жердью, чашей, тупой стороной или рукояткой меча и т. п. взыскивается 12 гривенъ, тогда какъ за раны и даже за отсѣченіе пальца всего 3 гривны. Эта черта тоже можетъ быть приписана Новгороду и объяснена тѣмъ высокимъ и самостоятельнымъ положеніемъ, которое занимала здѣсь отдѣльная личность. По крайней мѣрѣ, въ новгородскихъ памятникахъ мы находимъ такую же преувеличенную оцѣнку чести, сравнительно съ физическимъ здоровьемъ. Напр., въ договорѣ съ нѣмцами 1195 года сказано: «а оже моужа свяжуть безъ вины, то 12 гривенъ за соромъ старыхъ коунъ; оже оударять моужа ороужеемъ, любо коломъ, то 6 гривенъ за рану старые» [3]).

---

[1]) *Г. В. Демченко.* Наказаніе по Литовскому Статуту, стр. 47.

[2]) Акад. спис., ст. 18—20.

[3]) Ст. 4 и 5.

Въ заключеніе слѣдуетъ остановиться еще на одной характерной особенности 1-й Правды, касающейся судопроизводства. Сюда относится слѣдующее постановленіе: «аже гдѣ възыщеть на дроузѣ проче, а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аще боудеть обидя не вдалъ боудеть достопно свои скотъ, а за обидоу 3 гривнѣ» [1]). Въ литературѣ господствуетъ мнѣніе, что въ этой статьѣ рѣчь идетъ о взысканіи долга по договору займа. На этомъ основаніи нѣкоторые писатели утверждаютъ, что «уголовныя и гражданскія правонарушенія въ древности не различались; всякое правонарушеніе, какъ убійство, такъ и неплатежъ долга, одинаково называлось обидой; ст. 14 Ак. сп. обидой называетъ неплатежъ долга и полагаетъ за это наказаніе» [2]). Такъ толкуютъ цитированную статью, опираясь главнымъ образомъ на распространенную редакцію Русской Правды, гдѣ она изложена въ связи съ постановленіями о договорахъ и гдѣ слово «проче» замѣнено словомъ «куны». Но если держаться текста краткой редакціи, то едва ли можно принять это толкованіе. Прежде всего оно не согласуется со смысломъ сопутствующихъ постановленій. Статьи—предшествующая и послѣдующая—говорятъ объ искахъ по поводу пропавшихъ вещей: «аще познаетъ кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое: нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ» (ст. 13); «аще кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свои, то къ ономоу вести, оу кого то боудеть коупилъ, а тои ся ведеть ко дроугомоу» (ст. 15) и т. д. Разсматриваемая статья, стоящая въ серединѣ и находящаяся въ тѣсной связи съ ними, повидимому, имѣетъ тотъ же смыслъ и относится къ тому же предмету. *Если статьи 13 и 15-я* опредѣляютъ порядокъ виндикаціи опознанныхъ вещей, то статья 14-я опредѣляетъ способъ взысканія «прочаго», т. е. того, что пропало вмѣстѣ съ опознанной вещью, но чего нѣтъ на лицо. Это убытокъ отъ преступленія, который можетъ быть возмѣщенъ денежной уплатой, но не возвращеніемъ вещи. Въ такомъ значеніи употребляется этотъ терминъ Русской Правдой и въ другихъ аналогичныхъ

---

[1]) Акад. сп., ст. 14.

[2]) *В. И. Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія, стр. 342.

случаяхъ: «то псцу лицемъ взяти, а прока емоу желѣти, что съ нимъ погыбло» [1]). Съ другой стороны, общепринятое толкованіе не подтверждается также и текстомъ статьи. Она выражается неопредѣленно, какъ относительно мѣста взысканія, такъ и относительно лица, противъ котораго направлено взысканіе: «аже *гдѣ* възыщеть *на дроузѣ* проче». Съ моей точки зрѣнія такая неопредѣленность понятна, потому что отвѣтчикомъ по этому иску является тотъ, кто не въ состояніи посредствомъ свода очистить себя отъ обвиненія въ кражѣ или утайкѣ. Здѣсь напередъ нельзя сказать, кто и гдѣ будетъ платить за «проче». Такимъ отвѣтственнымъ лицомъ можетъ быть тотъ, у кого впервые была найдена пропавшая вещь, если онъ не пойдетъ на сводъ, но можетъ быть и кто либо другой. Совсѣмъ иное дѣло—иски, возникающіе изъ договора займа: здѣсь заранѣе извѣстны и личность должника и его мѣстожительство.

Что касается словъ: «ити ему на изводъ предъ 12 человѣка», то это выраженіе обыкновенно понимается въ смыслѣ указанія на судъ 12 мужей. Отсюда приходятъ къ болѣе или менѣе важнымъ выводамъ. Напр., проф. Гетцу такое толкованіе послужило однимъ изъ основаній для того, чтобы отнести первую Правду къ той отдаленной эпохѣ, когда князь совсѣмъ не вмѣшивался въ отправленіе правосудія и когда существовалъ только общинный судъ [2]); другіе пользовались этой статьей, какъ однимъ изъ доказательствъ германскаго происхожденія Русской Правды [3]) и т. д. Мнѣ кажется, что статья говоритъ о свидѣтеляхъ, а не о судьяхъ. Такое объясненіе подсказывается смысломъ ближайшихъ и окружающихъ ее статей, съ которыми она объединена въ одно цѣлое по предмету и по цѣли своихъ опредѣленій. Всѣ онѣ интересуются одной и той же стороной дѣла, имѣя въ виду опредѣлить способъ доказыванія искового требованія, а не тотъ компетентный судъ, къ которому надо обращаться за разрѣшеніемъ спора. Дѣйствительно, статьи 13 и 15-я описываютъ порядокъ виндикаціи пропавшихъ вещей, опознанныхъ у отвѣтчика,—средствомъ ея служилъ сводъ. Въ параллель и соотвѣтственно этому, ст. 14-я изображаетъ процедуру денежнаго взы-

---

[1]) Карамз. спис., ст. 36.

[2]) Das Russische Recht. B. I. стр. 171—175.

[3]) *М. Погодинъ*, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. III. стр. 381.

сканія за пропавшую вещь, которой у отвѣтчика на лицо не оказалось: такъ какъ въ данномъ случаѣ сводъ былъ не примѣнимъ, то истецъ долженъ былъ обратиться къ другому процессуальному средству, каковымъ являлось представленіе 12 свидѣтелей. Толкованіе это кажется мнѣ болѣе естественнымъ и правдоподобнымъ, чѣмъ общераспространенный взглядъ на 12 человѣкъ, какъ на судей, ибо принятіе послѣдняго сопровождается слѣдующими недоумѣніями. Съ одной стороны, первая Правда нигдѣ не опредѣляетъ подсудности дѣлъ: что же заставило автора ея указать эту подсудность только по отношенію къ случаю, предусмотрѣнному 14-й статьей? Съ другой стороны, если эта статья говоритъ о судьяхъ, то почему она умалчиваетъ о доказательствахъ? И въ этомъ оношеніи ее придется разсматривать, какъ необъяснимое исключеніе въ составѣ первой Правды, вообще внимательно опредѣляющей судебныя доказательства не только по имущественнымъ, но и по личнымъ правонарушеніямъ [1]).

Статья 14-я въ томъ объясненіи, которое я далъ ей, [2]) заключаетъ въ себѣ черты, свидѣтельствующія о ея новгородскомъ происхожденіи. Въ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами конца XII вѣка мы находимъ слѣдующее постановленіе: «оже емати скотъ Варягоу на Роусинѣ, или Роусиноу на Варязѣ, а ся его заприть, то 12 моужь послухы идеть ротѣ, взъметъ свое» [3]). Здѣсь фигурируютъ тѣ же 12 мужей въ качествѣ послуховъ. Разница лишь въ томъ, что по договору запирающійся отвѣтчикъ не платитъ уголовнаго штрафа, который взыскивается съ него по Русской Правдѣ. Она обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о договорномъ долгѣ, а во второмъ случаѣ о долгѣ изъ деликта.

---

[1]) Акад. спис.. ст. 2, 9. 13, 15.

[2]) Приблизительно въ томъ же смыслѣ истолковалъ ее Грыцко еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Къ сожалѣнію его толкованіе не имѣло успѣха (Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. книга 5-я, стр. 102—109).

[3]) Ст. 10.

III.

Вторая часть краткой редакціи, какъ Правда Кіевской Руси.

Надъ второй частью краткой редакціи стоитъ слѣдующее заглавіе: «Правда оуставлена *Роуськои земли,* егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула». Что разумѣть подъ Русской землей, для которой была установлена вторая Правда? Въ памятникахъ, современныхъ ей, это слово употреблялось въ различныхъ значеніяхъ.

Давно уже замѣчено, что Русью или Русской землей называлась Кіевская область. Не имѣя въ виду самостоятельно изслѣдовать этотъ вопросъ, я ограничусь приведеніемъ только нѣсколькихъ примѣровъ, на которые обыкновенно ссылаются въ доказательство такого словоупотребленія. По поводу посѣщенія кіевскимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ брата своего Ростислава князя смоленскаго, лѣтописецъ выражается такъ: «Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ Рускыи землѣ и отъ всихъ царьскихъ земль, а Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верьхнихъ земль и отъ варягъ, и тако угадаста о пути своемъ». Здѣсь Русской землей названо Кіевское княжество, въ отличіе отъ Смоленскаго, которое причислено къ группѣ верхнихъ земель. Кіевская волость подъ именемъ Руси противополагается и Новгороду: сообщая о поѣздкѣ архимандрита новгородскаго Юрьева монастыря въ Кіевъ, лѣтописецъ говоритъ: «ходи игуменъ Діонисій съ любовью въ Русь». Кіевъ называется Русью также въ отличіе отъ Ростова, Суздаля и Владиміра: «томъ же лѣте пойде Дюрги съ ростовцы и съ суздальцы и съ всѣми дѣтьми въ Русь»; владимірскій князь Михалко оставилъ Владиміръ и «поеха въ Русь». Наименованіе «Русская земля» настолько срослось съ Кіевомъ, что не распространялось даже на ближайшія къ нему волости Черниговскую и Переяславскую: кіевскіе князья, находившіеся въ войнѣ съ ростовскимъ и черниговскимъ князьями, говорили венгерскому королю, что за нихъ стоитъ вся Русская земля и Черные Клобуки [1]); кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ, имѣя намѣреніе посадить въ Переяславлѣ брата своего Святослава, требуетъ отъ переяславскаго князя, чтобы онъ перешелъ въ Курскъ;

[1]) *В. И. Сергѣевичъ*, Древности русскаго права, т. I, 1909, стр. 88—91.

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР

послѣдній отвѣчаетъ: «отецъ мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли,... оже ти, брате, не досыти всю землю Русскую державчи, а хочешь и сее волости» [1]) и т. д. Всѣ представленные примѣры относятся къ XII вѣку. Но эта терминологія, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, идетъ изъ весьма глубокой древности [2]).

Иногда Русью и Русской землей обозначается совокупность всѣхъ славяно-русскихъ племенъ и всѣхъ волостей. Лѣтописецъ говоритъ: «словѣнескъ языкъ въ Руси: поляне, древляне, новъгородьци, полочане, дьрьговичи, сѣверо, бужане, зань сѣдять по Бугу, послѣ же волыняне; се суть инии языцѣ, иже дань дають Руси: Чюдь, Весь, Меря, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера» и т. д. Этотъ примѣръ показываетъ, что «Русью называется вся совокупность восточныхъ славянскихъ племенъ, въ томъ числѣ—новгородцы, полочане и сѣверяне, а не только поляне; дань даютъ Руси между прочимъ Пермь, Печора и проч., отъ которыхъ кіевляне, конечно, никогда не получали дани» [3]). Въ лѣтописи встрѣчается такое выраженіе: «постави Ярославъ Лариона митрополитомъ Руси»; здѣсь Русью названы всѣ земли, исповѣдывавшія христіанскую вѣру. Слово «Русская земля» имѣетъ общее значеніе также въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ лѣтописца: «не было того,... оже бы кто вшелъ ратію въ силную землю въ Суздальскую, оже вышелъ цѣлъ, хотя бы и вся Русская земля, и Галичьская, и Киевьская, и Смоленьская, и Черніговская, и Новгородъская, и Рязаньская»; «приказаша (татары) Олександрови Кыевъ и всю Русскую землю» [4]) и т. д.

Наконецъ, каждая отдѣльная волость, если она противопоставляется иностранному государству, называется Русью и Русской землей. Въ договорѣ Олега съ греками 911 г. подъ этимъ именемъ надо разумѣть любое изъ тѣхъ русскихъ княжествъ, которыя участвовали въ заключеніи договора и приняли на себя соотвѣтствующія обязательства [5]). Въ заключительномъ опредѣленіи договора съ нѣмцами 1229 г. Русской землей названы волости Смолен-

---

[1]) *П. Мрочекъ-Дроздовскій.* Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Прилож. къ II выпуску, стр. 182, прим. 2.

[2]) Древности русскаго права, т. I, стр. 19.

[3]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, 1905, стр. 287.

[4]) *П. Мрочекъ-Дроздовскій*, Приложенія къ II вып., стр. 182, прим. 2.

[5]) Ст. 8, 11, 12, 13.

ская, Полоцкая и Витебская: «тая правда Латинескомоу възяти оу Роускои земли оу вълъсти князя смольнеского и оу полотьского князя вълъсти и оу витьбеского князя вълъсти» и т. д.

Такимъ образомъ, въ письменныхъ памятникахъ нашей древности выраженіе «Русская земля» имѣло различныя значенія. Въ политическомъ смыслѣ оно примѣнялось къ Кіевской землѣ для обозначенія ея отличія отъ волостей Новгородской, Смоленской, Ростовской, Владимірской и др. Въ этнографическомъ смыслѣ оно обнимало собою всю совокупность древне-русскихъ княжествъ. Наконецъ, всякая волость, если надо было оттѣнить ея противоположность по отношенію къ другой національности, могла быть названа Русской землей.

При такой многозначности термина, трудно съ увѣренностью сказать, какую территорію имѣетъ въ виду надписаніе 2-й Правды, упоминающее о Русской землѣ. Однако это сомнѣніе правильнѣе всего разрѣшить въ пользу Кіевской области. Въ самомъ дѣлѣ, первая часть краткой редакціи, какъ показываетъ предшествующій анализъ ея содержанія, воспроизводитъ въ себѣ право Новгорода. Поэтому, если въ заглавіи второй части авторъ ея нашелъ нужнымъ оговориться, что далѣе слѣдуетъ Правда Русской земли, то послѣднимъ выраженіемъ онъ хотѣлъ, повидимому, обозначить мѣстность, отличную отъ Новгорода и извѣстную подъ этимъ наименованіемъ. Но такъ называлась именно Кіевская область, когда она сопоставлялась съ другими княжествами. Едва ли есть основаніе въ данномъ случаѣ придавать «Русской землѣ» иной смыслъ. Безспорно, иногда она служила общимъ наименованіемъ, которое безразлично примѣнялось ко всѣмъ волостямъ, если онѣ противополагались иностранцамъ, т. е. грекамъ, нѣмцамъ, половцамъ, татарамъ и др. Но этотъ смыслъ термина не согласуется съ обстоятельствами дѣла: отношеніе между первой Правдой и второй не даетъ намъ соотвѣтствующаго сочетанія противоположныхъ понятій. Точно также нельзя допустить пониманія Русской земли въ смыслѣ совокупности всѣхъ волостей, ибо общая Правда для всей Руси въ условіяхъ того времени не могла появиться, какъ потому что не было такой власти, которая въ правѣ была бы «уставить» ее, такъ и потому что въ обычномъ правѣ вслѣдствіе его мѣстнаго разнообразія тоже не существовало общерусскихъ нормъ.

Мысль о принадлежности 2-й Правды Кіевской Руси, опирающаяся на заглавіе, находитъ себѣ дальнѣйшее подтвержденіе въ ея текстѣ. Одна изъ ея статей прямо указываетъ на уставъ кіевскаго князя Изяслава, какъ на свой источникъ: «а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудьци» [1]). Упоминаніе въ текстѣ объ Изяславѣ могло быть вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что эта статья по своему происхожденію противорѣчила общему надписанію, стоящему надъ 2-й Правдой и, по господствующему толкованію, приписывающему ее совмѣстному законодательству Изяслава, Всеволода и Святослава; необходимо было поэтому отмѣтить возникновеніе ея изъ единоличной практики кіевскаго князя и тѣмъ оттѣнить отличіе ея отъ прочихъ статей, взятыхъ изъ иныхъ источниковъ. Но мнѣ кажется, что составитель Русской Правды, ссылаясь на Изяслава, по данному поводу, руководился другими побужденіями. Плата за убійство стараго конюха, взысканная этимъ княземъ съ Дорогобужцевъ, была настолько велика и необычна, что онъ не рѣшился включить ее въ свой сборникъ въ качествѣ общаго правила для всѣхъ аналогичныхъ случаевъ. Съ точки зрѣнія составителя это былъ исключительный случай, объясняемый особенными личными симпатіями князя къ своему старому заслуженному конюху. Вотъ почему о рѣшеніи Изяслава по этому дѣлу онъ сообщаетъ, какъ объ отдѣльномъ фактѣ судебной практики, возлагая на самаго князя отвѣтственность за его правомѣрность, не обобщая его и не придавая ему характера отвлеченной юридической нормы. При такомъ объясненіи 21 статьи Акад. сп., сопровождаемой ссылкой на уставъ Изяслава, она не даетъ основанія утверждать, что остальное содержаніе 2-й Правды взято изъ уставной практики другихъ князей.

Кіевскій отпечатокъ 2-й Правды составляютъ и нѣкоторыя характерныя черты въ ея содержаніи, отмѣченныя выше. Прежде всего особенное ея вниманіе къ князю и его служебному штату. Какъ извѣстно, до второй половины XII вѣка, т. е. до возвышенія сѣверо-восточной Руси, изъ всѣхъ древне-русскихъ волостей въ

---

[1]) Акад. сп., ст. 21.

Кіевѣ княжеская власть получила наиболѣе яркое развитіе и занимала наиболѣе блестящее положеніе. Изъ-за обладанія этимъ городомъ главнымъ образомъ боролись князья; онъ служилъ преимущественно ареной ихъ дѣятельности и основнымъ нервомъ, опредѣлявшимъ ихъ взаимныя отношенія. Кіевскимъ князьямъ принадлежала политическая гегемонія надъ прочими русскими землями: они руководили ихъ внѣшней политикой и были иниціаторами различныхъ мѣръ по упорядоченію внутреннихъ неустройствъ и столкновеній. Наконецъ, на кіевскомъ столѣ мы видимъ въ этотъ періодъ больше всего талантливыхъ правителей. Естественно, что кіевская область давала наиболѣе яркій и выразительный матеріалъ для характеристики и опредѣленія княжеской власти, которымъ и воспользовался съ этой цѣлью составитель Русской Правды.

Другую отличительную черту 2-й Правды составляютъ сословныя неравенства уголовнаго права, выражающіяся въ привилегированномъ положеніи огнищанъ сравнительно съ смердами. Эта особенность ничего не говоритъ противъ Кіева, какъ мѣста ея происхожденія; напротивъ, она вполнѣ согласуется съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о состояніи общества въ юго-западной Россіи, въ частности въ кіевскомъ княжествѣ. Давно уже замѣчено, что въ первый періодъ нашей исторіи земли Галицкая, Волынская и Кіевская представляли особенно благопріятныя условія для развитія боярскаго класса. Здѣсь онъ достигъ болѣе высокаго и вліятельнаго положенія, чѣмъ въ прочихъ княжествахъ [1]). Такой аристократическій строй общества, составляющій характерную особенность юго-западнаго края, въ отличіе отъ сѣверо-западной Руси, сохранился въ этомъ краѣ и въ послѣдующій періодъ Литовскаго владычества. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ сравнить уставныя грамоты кіевскую и волынскую съ соотвѣтствующими грамотами другихъ областей—смоленской, полоцкой и витебской: въ то время какъ послѣднія имѣютъ въ виду всѣ классы общества, первыя адрессованы къ однимъ только боярамъ и шляхтѣ [2]).

---

[1]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, стр. 62—65.

[2]) *М. Н. Ясинскій*, Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 103—105.

Заглавіе 2-й Правды не ограничивается наименованіемъ той мѣстности, для которой она была уставлена, но сверхъ того, заключаетъ въ себѣ слѣдующее опредѣленіе: «егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ» и т. д. Въ этомъ опредѣленіи обыкновенно видятъ указаніе на князей, по мнѣнію однихъ, непосредственно кодифицировавшихъ на съѣздѣ 2-ю Правду, а по мнѣнію другихъ, давшихъ лишь своею уставною дѣятельностью матеріалъ для составленія ея частнымъ лицомъ. Здѣсь лежитъ, повидимому, «камень преткновенія», при столкновеніи съ которымъ отстаиваемая мною точка зрѣнія, если и не совсѣмъ разбивается, то во всякомъ случаѣ нѣсколько измѣняетъ свой видъ. И въ самомъ дѣлѣ, если послѣдовать за господствующимъ, твердо установившимся, толкованіемъ заглавія, то необходимо расширить территорію, послужившую родиной 2-й Правды, примѣняясь къ пространству власти названныхъ князей, т. е. къ волости Кіевской надо присоединить еще Черниговскую и Переяславскую. Но спрашивается, дѣйствительно ли общепринятое пониманіе такъ безспорно и несомнѣнно, что исключаетъ возможность иного объясненія? Развѣ нельзя допустить, что выше приведенныя слова «егда ся съвокоупилъ» и т. д. имѣютъ въ виду опредѣлить время составленія 2-й Правды, оставляя вопросъ о ея авторѣ совершенно открытымъ? Изъ того, что въ заглавіи ея упоминается съѣздъ Ярославичей, какъ событіе, одновременное съ ея составленіемъ, не слѣдуетъ непремѣнно, что она была выработана этимъ съѣздомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Краткая Правда, какъ сборникъ, обѣ части котораго составлены одновременно и однимъ и тѣмъ же лицемъ.

I.

Мнѣнія ученыхъ о времени возникновенія краткой редакціи.

Въ литературѣ глубоко укоренилось мнѣніе, что краткая Правда сложилась изъ двухъ отдѣльныхъ сборниковъ, составленныхъ въ разное время: первый возникъ при Ярославѣ, второй при сыновьяхъ его. Въ этомъ мнѣніи сходятся, какъ тѣ писатели, которые признаютъ Русскую Правду оффиціальнымъ памятникомъ, такъ и тѣ, которые считаютъ ее произведеніемъ частнаго лица. Въ заглавіи 2-й Правды, упоминающемъ о съѣздѣ Изяслава, Святослава и Всеволода, тѣ и другіе ученые видятъ главное основаніе, чтобы пріурочить ее ко времени Ярославичей. Что же касается отнесенія 1-й Правды къ эпохѣ Ярослава, то эта мысль неодинаково аргументируется представителями двухъ названныхъ школъ. Приверженцы оффиціальной теоріи основываются главнымъ образомъ на лѣтописномъ извѣстіи о пожалованіи Ярославомъ «правды и устава» новгородцамъ. Болѣе сложна аргументація ихъ противниковъ, подвергающихъ извѣстіе лѣтописи критикѣ и не довѣряющихъ ему. Прежде всего они отмѣчаютъ въ содержаніи 1-й Правды такія особенности, которыя свидѣтельствуютъ о болѣе архаическомъ состояніи права, а слѣдовательно и о болѣе раннемъ ея возникновеніи. Такъ, 1-я Правда знаетъ еще месть, тогда какъ вторая не только не упоминаетъ о ней, но и устанавливаетъ различныя ограниченія самосуда; первая правда имѣетъ въ виду свободныхъ людей вообще, вторая уже различаетъ общественное положеніе потерпѣвшихъ—огнищанъ, смердовъ и др.; первая Правда не говоритъ о вирахъ и продажахъ, а ограничивается только частными штрафами въ пользу потерпѣв-

шаго, между тѣмъ вторая опредѣляетъ штрафы въ пользу князя, говоритъ о собственности княжеской, о его тіунахъ, старостахъ, о княжемъ дворѣ и т. д., чѣмъ доказывается то, что ко времени ея составленія власть князя, значеніе его суда и дружины замѣтно развились и усилились, сравнительно съ той эпохой, которая отразилась въ 1-й Правдѣ [1]). Болѣе древнее возникновеніе послѣдней подтверждается и мѣстонахожденіемъ ея въ памятникѣ. Вторая часть краткой редакціи сопровождается слѣдующимъ заглавіемъ: «Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ» и т. д. Это надписаніе надъ 2-й Правдой даетъ основаніе считать предшествующій ей текстъ трудомъ болѣе раннимъ [2]), тѣмъ болѣе что въ этомъ текстѣ встрѣчаются такіе архаизмы, какъ слово «скотъ» для обозначенія денегъ [3]). Наконецъ, ссылаются еще на показанія лѣтописца и составителя распространенной редакціи Русской Правды. Хотя первая Правда и не признается актомъ пожалованія со стороны Ярослава, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ льготъ, однако полагаютъ, что лѣтописецъ имѣлъ достаточныя основанія, чтобы помѣстить ея текстъ въ обзорѣ событій, относившихся къ эпохѣ этого князя. Что касается составителя распространенной редакціи, то онъ также связываетъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя постановленія первой Правды съ именемъ Ярослава. Напримѣръ, уставами Ярослава онъ признаетъ статьи ея о наказаніи за убійство и объ отвѣтственности холопа, ударившаго свободнаго мужа [4]).

Такъ рѣшается въ литературѣ вопросъ о времени происхожденія краткой Правды. Особнякомъ стоятъ мнѣнія отдѣльныхъ писателей, уклоняющіяся отъ общепринятыхъ взглядовъ.

---

[1]) *Дювернуа*, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 69—70; *М. Н. Ясинскій*, Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, 1898 г., стр. 126; *А. Н. Филипповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права, 1912 г., стр. 120—121; *М. Дьяконовъ*, Очерки обществ. и госуд. строя древней Руси, 1912 г. стр. 48.

[2]) *В. И. Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія, стр. 55; *М. Грушевскій*, Історія України-Руси, т. III, стр. 363.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ*, Цит. соч., стр. 55; *М. Дьяконовъ*, Цит. соч., стр. 48.

[4]) *В. И. Сергѣевичъ*, Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ, 1904 г., стр. XIII; *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Das Russische Recht (Русская Правда), стр. 19—20.

Ланге считаетъ обѣ части краткой редакціи изданными въ княженіе Ярослава, хотя и въ два пріема. Основывается онъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Вторая Правда, какъ показываетъ ея заглавіе, была установлена на съѣздѣ Изяслава, Всеволода и Святослава. Очевидно, этотъ съѣздъ былъ созванъ еще при жизни ихъ отца и по его распоряженію, такъ какъ тотъ съѣздъ, на которомъ они отмѣнили месть, по счету былъ вторымъ и позднѣйшимъ, состоявшимся уже послѣ смерти Ярослава; о немъ въ пространной редакціи Русской Правды дается такое извѣстіе: *„по Ярославѣ* же *паки* совкупившеся сынове его". Кромѣ того, Ланге ссылается и на ст. 42-ю Акад. сп., которая начинается словами—«а се поклонъ вирныи»—и оканчивается выраженіемъ—«то ти оурокъ Ярославль». Онъ сравниваетъ это обозначеніе законодателя въ настоящемъ времени съ тѣмъ, которое сопровождаетъ ту-же статью въ позднѣйшей Правдѣ, но указываетъ уже на прошедшее время («а се покони вирнии *были* при Ярославѣ»), и приходитъ къ тому заключенію, что запись 42-й статьи современна Ярославу [1]).

Г. Н. Шмелевъ относитъ появленіе 1-й Правды ко времени Владиміра Св. Основаніемъ ему служитъ извѣстное мнѣніе В. О. Ключевскаго о томъ, что составленіе Русской Правды было вызвано потребностями церкви, которая нуждалась въ руководствѣ по свѣтскому праву для суда надъ церковными людьми. Принимая это мнѣніе, онъ находитъ, что, такъ какъ уставъ Владиміра Св., впервые даровавшій церкви право суда, былъ изданъ въ концѣ X вѣка, то вполнѣ естественно, что начальная Правда могла возникнуть еще при жизни Владиміра Св. въ концѣ X-го или въ началѣ XI вѣка [2]).

Баронъ Розенкампфъ, основываясь на лѣтописномъ сказаніи, не сомнѣвается въ томъ, что Ярославъ далъ новгородцамъ жалованную грамоту. Но въ тоже время онъ не рѣшается отождествлять ее съ Русской Правдой. Эта грамота, вѣроятно, утверждала старое управленіе Новгорода и его независимость, опредѣляла взаимныя права князя и населенія, вѣдомство различныхъ властей и т. п. Между тѣмъ Русская Правда содержитъ въ себѣ постановленія о

---

[1]) *Н. Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 7—8.

[2]) Книга для чтенія по русской исторіи, составленная подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, т. I, стр. 384—385.

вирахъ и продажахъ и другія судебныя правила. Это памятникъ иного характера. Очевидно, она возникла не изъ пожалованія Ярослава, а изъ древнихъ народныхъ обычаевъ, которые на первыхъ порахъ не нуждались въ письменномъ выраженіи и сохранялись изъ поколѣнія въ поколѣніе памятью и преданіемъ. Ими руководились въ своихъ рѣшеніяхъ суды княжескіе, епископскіе и боярскіе. Впослѣдствіи дьяки и тіуны начали записывать эти рѣшенія. Записи болѣе раннія пополнялись послѣдующими приписками. Такъ постепенно, путемъ разновременныхъ дополненій, сложился сборникъ, извѣстный подъ именемъ Русской Правды. Наряду съ позднѣйшими наслоеніями, въ ней можно выдѣлить статьи весьма древняго происхожденія, относящіяся ко времени Владиміра Св. и даже болѣе раннему, ибо и тогда существовала Русская Правда. То обстоятельство, что ей предшествуетъ заглавіе «Судъ Ярослава», не доказываетъ, что она была издана этимъ княземъ. Примѣры церковныхъ уставовъ Владиміра Св. и Ярослава, а также Судебника царя Константина свидѣтельствуютъ, что въ древней письменности различные памятники нерѣдко приписывались такимъ князьямъ, которые на самомъ дѣлѣ не были ихъ авторами. Кромѣ того, упомянутое заглавіе Русской Правды могло означать не то, что Ярославъ издалъ этотъ кодексъ, а то, что при немъ или во время его княженія судили по правиламъ, въ ней записаннымъ [1]).

У Татищева мы находимъ по этому поводу слѣдующія соображенія. Хотя Русская Правда дана была Ярославомъ, однако многія обстоятельства убѣждаютъ въ томъ, что этотъ законъ былъ сочиненъ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Ярослава. Такъ, въ договорѣ Олега съ греками предписывается платить за убійство, бой и проч. по закону русскому, причемъ точно опредѣляется и размѣръ платежа. Затѣмъ лѣтописецъ сообщаетъ намъ о Гостомыслѣ, прославившемся своимъ правосудіемъ, и о Рюрикѣ, заботившемся о повсемѣстномъ утвержденіи равнаго суда, что возможно было только при условіи существованія уже въ то время письменнаго законодательства. Деньги въ Русской Правдѣ называются скотомъ, что также является приз-

---

[1]) *Баронъ Розенкампфъ*, Обозрѣніе Кормчей Книги, изд. 2-е, стр. 143—145, 149—150.

накомъ глубокой ея древности, потому что это наименованіе уже при Олегѣ вышло изъ употребленія: деньги назывались тогда скурой или кожами. Наконецъ, «нарѣчіе и обстоятельства» ея отличаются такими особенностями, которыя не встрѣчаются въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ. Все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ тому заключенію, что Русская Правда была сочинена задолго до Рюрика, повидимому, еще въ то время, когда сѣверные славяне жили въ Вандаліи, откуда они потомъ перешли въ Россію вмѣстѣ съ своими законами. Однако въ этихъ законахъ уже при Ярославѣ обнаружились недостатки и «обстоятельства», не согласныя съ условіями того времени. Надо было исправить и дополнить ихъ. Въ удовлетвореніе этой потребности и возникла 2-я Правда, которая была составлена по порученію Ярослава нѣсколькими его сыновьями и вельможами [1]).

Мнѣніе Татищева было принято издателями Болтинскаго списка Русской Правды, въ предисловіи къ которому сказано слѣдующее: «Правда Руская, великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ 1017 году Новгородцамъ данная, не есть сочиненіе тогдашняго времени, но за нѣсколько вѣковъ до Ярослава существовавшая, и токмо онымъ великимъ княземъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ поправленная, въ сообразность настоящаго вѣка обычаевъ и обстоятельствъ, что самое и достопамятный Татищевъ, въ предисловіи на сіи законы, основательно примѣтилъ. Что же дѣйствительно законы у Руссовъ за нѣсколько столѣтій до Ярослава были, въ томъ никакова сумнѣнія не настоитъ, потому что и въ договорѣ Олега 1-го съ греческими императорами, во многихъ статьяхъ, на нихъ дѣлается ссылка, и исполненіе по содержанію тѣхъ статей предписывается; но древность ихъ поглотила, и токмо отрывки ихъ остались въ Правдѣ Руской» [2]).

Издатели Синодальнаго списка Русской Правды тоже примыкаютъ къ этому мнѣнію: «Ярославъ, говорятъ они, пришедши въ Кіевъ, далъ законы новгородцамъ, которые, безъ сомнѣнія, не были сочинены въ то время, но задолго до него существовали въ Кіевѣ». Въ доказательство они указываютъ на то, что виры взыскивались

---

[1]) Продолженіе древней россійской вивліофики, часть I, стр. 1—4, 16.

[2]) Правда Руская или законы великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владимира Всеволодовича Мономаха, 1792 г., стр. II—III.

съ разбойниковъ Владиміромъ Св. Далѣе договоры Олега и Игоря съ греками ссылаются на русскій законъ, опредѣленія котораго о наказаніи за убійство и удары сходны съ соотвѣтствующими постановленіями Русской Правды. Кромѣ того, «краткость въ выраженіяхъ, неудопонятность въ словахъ, и наконецъ очевидные слѣды глубочайшей древности, ознаменованные тѣмъ, что Правда Русская содержитъ въ себѣ, по большей части, одни только уголовныя дѣла, свойственныя закону младенчествующихъ народовъ: все сіе заставляетъ относить начало ея ко временамъ отдаленнѣйшимъ» [1]).

Тотъ же взглядъ, иначе только аргументируя его, высказываетъ Раковѣцкій. На Русскую Правду онъ смотритъ, какъ на памятникъ глубокой старины. Извѣстіе лѣтописи о пожалованіи ея Ярославомъ не означаетъ, что прежде у новгородцевъ не было никакихъ правъ. Славяне еще во времена язычества знали искусство письма и имѣли общій религіозно-гражданскій кодексъ, многія постановленія котораго перешли потомъ въ партикулярныя законодательства отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Этимъ старо-славянскимъ правомъ руководились также различныя русскія земли, въ томъ числѣ и Новгородъ. Но князья нерѣдко нарушали его. Чтобы обезпечить его ненарушимость, Новгородцы воспользовались критическимъ положеніемъ Ярослава и, пообѣщавъ ему военную помощь, взамѣнъ того потребовали, чтобы онъ подтвердилъ ихъ прежнія права. Право, подтвержденное Ярославомъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ, можетъ быть, измѣненное сообразно обстоятельствамъ и требованіямъ времени, получило названіе Русской Правды [2]).

По мнѣнію Тобина, писанное право въ Россіи существовало гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Уже договоры русскихъ съ греками, относящіеся къ X вѣку, ссылаются на законъ и уставъ русскіе. Если слово «законъ» могло обозначать и неписанный обычай, то подъ уставомъ несомнѣнно надо разумѣть письменный законодательный актъ, можетъ быть, древнѣйшую Правду. Дѣйствительно, отдѣльныя постановленія договоровъ, которыя приводятся въ нихъ, какъ заимствованныя изъ русскаго устава, въ общемъ согласуются съ ея содержаніемъ. Тождество ихъ подтверждается и

---

[1]) Русскія Достопамятности, ч. I, стр. 22, 23—24.

[2]) *Rakowiecky*, Prawda Ruska, т. I, стр. 135—138, 242—244.

терминологіей лѣтописца, который употребляетъ наименованія «правда» и «уставъ», какъ однозначащія слова: «и давъ имъ правду и уставъ списавъ». Наконецъ, выраженіе «списавъ» показываетъ, что Ярославова Правда не была вновь составленнымъ памятникомъ, а представляла собою списокъ, копію раньше существовавшаго устава. Если обратиться затѣмъ къ содержанію начальной Правды, то окажется, что въ ней нѣтъ никакихъ указаній на христіанство, она не знаетъ ни князя, ни бояръ и т. п. Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, Тобинъ относитъ происхожденіе первой Правды къ дохристіанскому и даже докняжескому періоду русской исторіи. Эту мысль онъ выражаетъ въ слѣдующемъ тезисѣ: «Die Prawda Russkaja in ihrer ältesten Gestaltung gehört nuzweifelhaft nicht nur der *vorchristlichen*, soudern namentlich der *vormonarchischen* Zeit Russlands an». Отсюда слѣдуетъ, что Ярославъ далъ не новую Правду, а только подтвердилъ дѣйствіе прежней, не рѣшаясь въ чемъ-либо измѣнить первобытное народное право. Лишь сыновья его нашли возможнымъ дополнить старую Правду новыми постановленіями, примѣнительно къ измѣнившимся условіямъ общественной жизни. Дѣйствительно, въ ихъ дополненіяхъ есть уже указанія на христіанство, упоминаются князь и его слуги, месть за убійство замѣняется денежными штрафами [1]) и т. д.

Много общаго съ разсмотрѣнными писателями имѣетъ проф. Гетцъ, отодвигающій, подобно имъ, происхожденіе первой Правды далеко за предѣлы княженія Ярослава. Первая Правда, разсуждаетъ онъ, совсѣмъ не знаетъ князя въ роли законодателя и судьи, а такъ какъ законодательно-судебная дѣятельность княжеской власти началась у насъ со времени принятія христіанства, то значитъ, эта Правда старше Владиміра Св. Денежныя взысканія, назначаемыя 1-й Правдой за различныя преступленія, уплачиваются потерпѣвшему или его родственникамъ, а не князю. Эта особенность также указываетъ на возникновеніе ея до Владиміра Св., ибо только при немъ, какъ видно изъ лѣтописи, появились въ русскомъ правѣ публичныя наказанія. Въ 1-й Правдѣ еще не встрѣчается слово «вира», заимствованное изъ Германіи черезъ посредство Скан-

---

[1]) *Tobien.* Die aeltesten Gerichts-Ordnungen Russlands, I, стр. 10—11 *Онъ-же,* Die Prawda Russkaja, I, Theses.

динавовъ. Слѣдовательно, она составлена до вторженія въ Россію скандинавскаго элемента въ лицѣ варяговъ. Первая Правда упоминаетъ о мірѣ въ смыслѣ сельской общины и не знаетъ города. Это —признакъ, сообщающій ей отпечатокъ того времени, когда еще не существовало городовъ. Въ договорахъ Олега и Игоря съ греками неоднократно упоминается русскій законъ. Эти упоминанія, очевидно, имѣютъ въ виду древне-русское право, выраженное въ 1-й части краткой редакціи и т. д.

Не за всѣми статьями 1-й Правды проф. Гетцъ признаетъ одинаковую древность. Нѣкоторыя изъ нихъ были присоединены къ ея тексту позднѣе. Сюда относится прежде всего ст. 3-я Археограф. списка по нумераціи В. И. Сергѣевича: «аще ли будеть русинъ, или гридѣнь, любо купцѣ» и т. д. Это вставка, образовавшаяся изъ записей отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній, послѣ того какъ въ населеніи уже обозначилось различіе общественныхъ классовъ. Вставной характеръ имѣетъ также ст. 13-я Археогр. сп.: «аще ли ринеть моужь моужа» и т. д. Она требуетъ двухъ свидѣтелей. Такое правило возникло подъ вліяніемъ христіанства. Языческое право не знало его, о чемъ свидѣтельствуетъ 4-я ст., требующая только одного свидѣтеля. Статья 14-я, упоминающая о варягахъ и колбягахъ, очевидно, приписана къ тексту въ то время, когда пребываніе иноземцевъ въ Россіи стало заурядным явленіемъ. Впрочемъ, она принадлежитъ еще дохристіанской эпохѣ, потому что въ распространенной редакціи Русской Правды, составленной послѣ христіанства, варяги и колбяги характеризуются, какъ люди, «крещенія не имѣя»; между тѣмъ здѣсь наименованіе ихъ не сопровождается такой квалификаціей. Позднѣйшимъ добавленіемъ надо признать и ст. 18-ю Археографическ. сп.: «аще познаеть кто, не емлеть его» и т. д. Запрещая самоуправство и требуя свода, она противорѣчитъ ст. 17-й, разрѣшающей собственнику пропавшей вещи безъ всякихъ формальностей отобрать ее у владѣльца: «то взяти ему свое». Такое противорѣчіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что ст. 17-я, узаконяющая самоуправство, принадлежитъ первоначальному тексту 1-й Правды, а ст. 18-я, ограничивающая его правилами свода, была вставлена позже, когда появившіеся въ Россіи варяги познакомили нашихъ предковъ съ салическими и рипуарскими законами, уста-

навливающими для аналогичныхъ случаевъ процессъ интерціаціи, т. е. производство, тождественное съ сводомъ. Въ такомъ же смыслѣ ст. 21-я Арх. сп., излагающая процедуру свода о пропавшемъ рабѣ, противорѣчитъ ст. 15-й, допускающей въ этомъ случаѣ самоуправство хозяина. Она тоже послѣдующая приписка, заимствованная изъ германскихъ источниковъ. Наконецъ, несомнѣнно, добавочными являются ст. 24 и 25-я Арх. сп. о порчѣ копья, щита и одежды. Онѣ перешли въ 1-ю Правду изъ пространной редакціи, которая въ свою очередь заимствовала ихъ изъ Закона Суднаго людямъ.

Такъ очищаетъ проф. Гетцъ текстъ первой Правды отъ позднѣйшихъ его наслоеній, чтобы отстоять свою мысль о дохристіанскомъ и доваряжскомъ ея происхожденіи. Эту мысль онъ старается защитить и отъ другихъ возраженій, вытекающихъ изъ господствующихъ въ литературѣ взглядовъ. Какъ извѣстно, при рѣшеніи вопроса о времени составленія первоначальной Правды многіе опираются на разсказъ лѣтописца о пожалованіи ея Новгороду Ярославомъ. По мнѣнію проф. Гетца, это извѣстіе истолковано неправильно. Оно относится не къ однимъ новгородцамъ, какъ обыкновенно думаютъ; рядомъ съ ними называются еще старосты и смерды, а потому ничто не мѣшаетъ видѣть въ послѣднихъ часть кіевскаго населенія, ставшаго на сторону Ярослава и примкнувшаго къ новгородскому войску. Съ другой стороны, слова лѣтописи «давъ имъ правду и уставъ» надо понимать не въ смыслѣ немедленнаго изданія законовъ послѣ роспуска ополченія и въ связи съ нимъ, а въ смыслѣ указанія на законодательную дѣятельность Ярослава вообще, послѣдовавшую по прекращеніи войны и вступленіи его на кіевскій столъ. Далѣе, какъ уже было сказано, авторъ распространенной редакціи приписываетъ Ярославу постановленіе 1-й правды объ отвѣтственности холопа за оскорбленіе дѣйствіемъ свободнаго мужа. Проф. Гетцъ не придаетъ этому показанію значенія достовѣрности и считаетъ его столь же ошибочнымъ, какъ и заключительныя слова въ нѣкоторыхъ спискахъ позднѣйшей Правды: «по си мѣсто Судебникъ Ярославль». Затѣмъ высказывается предположеніе, что статья, запрещающая ѣздить на чужомъ конѣ безъ разрѣшенія его хозяина, была заимствована 1-й Правдой изъ Закона Суднаго людямъ; слѣдовательно, она могла войти въ ея текстъ лишь послѣ того, какъ этотъ памятникъ

сталъ извѣстнымъ на Руси. Проф. Гетцъ отвергаетъ заимствованіе и говоритъ, что такое запрещеніе встрѣчается въ законодательствахъ германскомъ, греческомъ и славянскомъ, а потому въ Русской Правдѣ оно могло появиться совершенно самостоятельно [1]) и т. д.

Иными чертами обрисовывается состояніе права во 2-й Правдѣ. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ законодательная и судебная дѣятельность князя. Онъ замѣняетъ общину, игравшую прежде исключительную роль въ отправленіи провосудія. Денежныя пени пріобрѣтаютъ государственный характеръ: теперь онѣ уплачиваются князю, а не потерпѣвшему. Какъ результатъ усиленія княжеской власти, жизнь дружинниковъ охраняется удвоеннымъ штрафомъ. Месть не упоминается и самоуправство запрещено. Различается убійство простое и предъумышленное; слѣдовательно, при оцѣнкѣ преступленій принимается уже во вниманіе субъективный моментъ дѣйствія и т. п. Судя по этимъ особенностямъ, надо признать, что 2-я Правда моложе первой. По мнѣнію проф. Гетца, она отражаетъ въ себѣ позднѣйшую стадію юридическаго развитія, наступившую послѣ принятія христіанства и реформы Владиміра Св. въ области уголовнаго права. Въ этотъ періодъ князь дѣлается важнымъ факторомъ правового развитія, направляя его и постепенно ограничивая господство народнаго обычнаго права. Но княжеская власть медленно расширяла сферу своего вліянія. Вторая Правда обозначаетъ только первые шаги въ этомъ направленіи, что обнаруживается въ слѣдующихъ ея особенностяхъ. По своему внѣшнему составу она является случайнымъ сборникомъ юридическхъ нормъ въ значительной степени проникнутыхъ казуистическимъ характеромъ; распространенная редакція Русской Правды въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо выше ея. Содержаніе ея ограничивается однимъ уголовнымъ правомъ; гражданскія правоотношенія остаются еще внѣ княжеской регламентаціи. Обычное право оказываетъ еще сильное вліяніе на 2-ю Правду, и дѣйствительно, наряду съ постановленіями, назначающими взысканіе «продажи» и почерпнутыми изъ княжеской судебной прак-

---

[1]) *Goetz.* Das Russische Recht, B. I, стр. 270—274, 177—183, 154, 176, 132, 147, 134—136, 138—139, 249—251, 248—249, 214—215; B. II, стр. 263—266.

тики, мы находимъ въ ней статьи, употребляющія старый терминъ «за обиду» и, повидимому, заимствованныя изъ обычнаго права; точно также величина различныхъ штрафовъ опредѣляется въ ней не по усмотрѣнію князя, а примѣнительно къ тѣмъ нормамъ, которыя издавна были выработаны народной жизнью и были извѣстны уже 1-й Правдѣ. Въ текстѣ 2-й Правды мы находимъ едва замѣтные слѣды христіанства, она не знаетъ иноземцевъ, содержаніе ея не обнаруживаетъ вліянія германскаго права и т. д. Эти наблюденія приводятъ проф. Гетца къ тому выводу, что 2-я Правда была продуктомъ законодательной и судебной практики первыхъ князей христіанской эпохи, т. е. Владиміра Св. и Ярослава, при которыхъ новыя начала государственной и правовой жизни еще не успѣли выразиться во всей полнотѣ и законченности. Есть даже возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ указать и выдѣлить постановленія ея, принадлежащія тому и другому князю. Напримѣръ, статья о «поклонѣ вирномъ» прямо указываетъ на своего автора: «то ти оурокъ Ярославль»; другая статья, упоминающая о церковной десятинѣ при распредѣленіи судебныхъ пошлинъ, по всей вѣроятности, относится ко времени Владиміра Св. То обстоятельство, что заглавіе 2-й Правды опредѣляетъ ее, какъ уставъ, изданный на съѣздѣ сыновей Ярослава, не колеблетъ проф. Гетца въ его убѣжденіи. Это заглавіе онъ объясняетъ, какъ позднѣйшую приписку къ тексту, заимствованную изъ распространенной редакціи, которая упоминаетъ о съѣздѣ Ярославичей по другому поводу въ связи съ сообщеніемъ объ отмѣнѣ мести за убійство. Такой же послѣдующей вставкой считаетъ онъ и постановленіе 2-й Правды о старомъ конюхѣ, основанное на уставѣ Изяслава [1]) и т. д.

Представленный обзоръ литературы можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ итогахъ. Время происхожденія 1-й Правды опредѣляется различно: одни ученые, составляющіе большинство, относятъ ее къ княженію Ярослава Мудраго; другіе видятъ въ ней памятникъ дохристіанской и даже докняжеской Руси. Замѣчается также разногласіе и при рѣшеніи вопроса о времени появленія 2-й Правды: по господствующему мнѣнію, она возникла при сы-

[1]) *Goetz*, Das Russische Recht, B. II, стр. 221—234, 248—252, 262—263, 192, 194, 195—197, 204—206, 63.

новьяхъ Ярослава; но высказываются и другіе взгляды, пріурочивающіе ее къ періоду Ярослава и даже Владиміра Св. Расходясь въ хронологическихъ опредѣленіяхъ, всѣ изслѣдователи краткой Правды тѣмъ не менѣе согласно утверждаютъ, что обѣ части ея составлены въ разное время. Эта мысль, пользующаяся всеобщимъ признаніемъ, возбуждаетъ однако сомнѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ отмѣчаютъ важныя отличія первой Правды сравнительно со второй, свидѣтельствующія о томъ, что между ними лежитъ громадное разстояніе: одна допускаетъ существованіе мести, совсѣмъ не упоминаетъ о княжескомъ судѣ, опредѣляетъ только частные штрафы, представляетъ общество, какъ однородную, юридически безразличную массу и т. д.; между тѣмъ другая не знаетъ мести, говоритъ о судебной дѣятельности князя, различаетъ отдѣльные общественные классы, назначаетъ уголовныя взысканія въ пользу князя и т. п. Говорятъ, что всѣ эти отличія были вызваны развитіемъ права, совершившимся въ промежуткѣ между обоими памятниками. Но если допустить, что первая Правда составлена при Ярославѣ, а вторая при сыновьяхъ его, то спрашивается, чѣмъ былъ обусловленъ и какъ могъ произойти такой колоссальный переворотъ въ области права за короткій періодъ времени, продолжительность котораго исчисляется всего двумя-тремя десятками лѣтъ? Отвѣта мы не находимъ. Представители господствующей теоріи только констатируютъ этотъ изумительный фактъ, но не даютъ ему объясненія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые ученые отодвинули происхожденіе 1-й Правды далеко отъ Ярослава въ глубь вѣковъ, чуть ли не въ доисторическую эпоху.

Затѣмъ извѣстно, что вторая Правда считается съ первой, какъ съ дѣйствующимъ кодексомъ, не утратившимъ своей силы и обязательности ко времени ея появленія, и потому заключаетъ въ себѣ только такія постановленія, которыя ее дополняютъ. Эта особенность ея признается почти всѣми изслѣдователями. Здѣсь мы наталкиваемся на другое недоумѣніе. Если ко времени составленія 2-й Правды древне-русское право приняло совсѣмъ иной видъ сравнительно съ тѣмъ, какой оно имѣло въ первой, все равно когда—при Ярославѣ, какъ думаетъ большинство, или же въ дохристіанскій и докняжескій періодъ, какъ доказываютъ нѣкото-

рые, — то спрашивается, почему, вмѣсто того чтобы создать новую Правду, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ общественной жизни, проникнутую отъ начала до конца новыми юридическими принципами, почему вмѣсто этого ограничились составленіемъ дополненія къ устарѣвшему сборнику, который теперь долженъ былъ потерять всякое практическое значеніе и отойти въ область археологіи? Въ литературѣ этотъ вопросъ не только не разрѣшается, но даже не ставится.

Еще одно замѣчаніе, касающееся не всѣхъ изслѣдователей Русской Правды, а только тѣхъ, которые утверждаютъ, что 1-я Правда возникла въ Новгородѣ при Ярославѣ, затѣмъ была принята, въ качествѣ практическаго руководства для судовъ, южнорусскими княжествами и, наконецъ, при сыновьяхъ Ярослава получила здѣсь дополненіе въ видѣ 2-й Правды. Эти ученые считаютъ вполнѣ естественнымъ и не возбуждающимъ никакихъ сомнѣній то обстоятельство, что кодексъ новгородскаго права цѣликомъ заимствуется южной Русью, и что мѣстная южно-русская кодификація проявляетъ себя лишь въ той мѣрѣ, поскольку она могла служить дополненіемъ къ чужеземному сборнику. Между тѣмъ всѣ эти предположенія представляются сомнительными и маловѣроятными, если считаться съ условіями исторической дѣйствительности. Намъ извѣстенъ примѣръ рецепціи Псковского права при составленіи Судебника Іоанна III, но въ этомъ случаѣ Москва усваивала не всю Псковскую судную грамоту, а только отдѣльныя ея части, причемъ, заимствованныя постановленія перерабатывались въ духѣ московскаго законодательства. Тоже самое надо сказать и о рецепціи Литовскаго Статута при составленіи Уложенія 1649 г. Наоборотъ, относительно разсматриваемаго случая утверждаютъ, будто южная Русь восприняла новгородскій кодексъ въ полномъ его объемѣ и безъ всякихъ измѣненій, при чемъ не заимствованное законодательство приспособлялось къ мѣстному праву, а напротивъ мѣстная кодификація примѣнялась къ содержанію рецепированнаго сборника. Этотъ фактъ настолько необыченъ, что слѣдовало бы не только указать, но и объяснить его, особенно принимая во вниманіе ту особенность нашей древности, что каждая волость стремилась къ тому, чтобы князь судилъ и управлялъ ею по мѣстной старинѣ

и пошлинѣ. Однако соотвѣтствующаго объясненія въ литературѣ мы не встрѣчаемъ.

Подъ вліяніемъ этихъ сомнѣній я пришелъ къ мысли, что обѣ Правды написаны одновременно однимъ и тѣмъ же лицемъ. Дальнѣйшее изложеніе представляетъ попытку доказать эту мысль.

II.

Взаимная зависимость и единство обѣихъ частей краткой Правды.

Многіе основательно указываютъ, что 2-я часть краткой редакціи не имѣетъ самостоятельнаго характера, но служитъ лишь дополненіемъ къ первой. Выполняя свое служебное назначеніе, она поэтому касается только тѣхъ вопросовъ, которые не были разрѣшены въ 1-й Правдѣ, и проходитъ мимо тѣхъ, которые тамъ получили болѣе или менѣе обстоятельную разработку. Для иллюстраціи сказаннаго приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ числѣ лицъ, убійство которыхъ предусмотрѣно 2-й Правдой, названы огнищане, но пропущены гридины. Этого пропуска нельзя объяснять простымъ и случайнымъ недосмотромъ, потому что гридины составляли замѣтный классъ служилыхъ людей, на который нельзя было не обратить вниманія, и потому что наименованіе огнищанъ должно было неизбѣжно соединяться съ представленіемъ о гридинахъ, такъ какъ тѣ и другіе были составными частями одной и той же княжеской дружины. Нѣкоторые писатели, стремясь придать 2-й Правдѣ желательную имъ полноту, предлагаютъ понимать подъ огнищанами не только старшихъ, но и младшихъ дружинниковъ [1]). Это произвольное предположеніе. Проще и естественнѣе допустить, что гридины сознательно были исключены въ виду того, что убійство ихъ было предусмотрѣно 1-й Правдой. Далѣе—2-я Правда знаетъ мечника и относится къ нему съ нѣкоторымъ вниманіемъ, ограждая его личность отъ самоуправной муки и исчисляя его долю при распредѣленіи судебныхъ пошлинъ [2]). Слѣдовательно,

---

[1]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Феадализмъ въ удѣльной Руси, стр. 465—466; *Goetz*, Das Russische Recht, B. II, стр. 21, 54—55.

[2]) Акад. сп., ст. 32, 41.

трудно предположить, чтобы она забыла о немъ въ болѣе серьезномъ случаѣ, когда дѣло касалось жизни. Тѣмъ не менѣе 2-я Правда не назначаетъ никакой платы за его убійство. Очевидно, авторъ ея сознательно умолчалъ о мечникѣ, исходя изъ того соображенія, что объ огражденіи его жизни уже позаботилась 1-я Правда. Несомнѣнно также, что практикѣ Кіевской Руси извѣстны были случаи убійства купца и изгоя, и если они не нашли себѣ мѣста въ текстѣ 2-й Правды, то лишь потому что въ примѣрномъ перечнѣ убитыхъ, который даетъ 1-я Правда, уже были названы и купецъ и изгой. Быть можетъ, только относительно ябедниковъ допустимо предположеніе, что они пропущены 2-й Правдой не только потому, что о нихъ говоритъ первая, но и потому что должность съ такимъ наименованіемъ неизвѣстна была Кіевской Руси. Итакъ, въ постановленіяхъ объ убійствѣ 2-я Правда систематически игнорируетъ тѣхъ лицъ, которыя упомянуты первой, поскольку онѣ могли оказаться въ положеніи убитыхъ.

Въ связи съ этимъ, карательныя послѣдствія убійства опредѣляются 2-й Правдой тоже примѣнительно къ первой. Она ничего не повторяетъ, а только дополняетъ. Ей извѣстны три платы за убійство—80, 12 и 5 гривенъ, смотря по служебному и общественному положенію потерпѣвшаго. Въ этомъ штрафномъ тарифѣ бросается въ глаза рѣзкій скачекъ отъ 80 къ 12 гривнамъ при отсутствіи средней промежуточной нормы. Но если мы примемъ во вниманіе дополнительный характеръ Правды, то не будемъ удивляться этому пробѣлу: недостающій средній штрафъ за убійство въ размѣрѣ 40 гривенъ показанъ въ первой Правдѣ; поэтому не было надобности повторять сказанное; предполагалось, что читатель прочтетъ обѣ части краткой редакціи и такимъ образомъ составитъ себѣ полное понятіе о наказаніяхъ за различные виды убійства.

Вторая Правда ограничиваетъ отвѣтственность убійцы одними денежными взысканіями и умалчиваетъ о возможности личной мести. Эту особенность ея принято объяснять отмѣной мести, будто бы состоявшейся на съѣздѣ сыновей Ярослава; причемъ обыкновенно приводятъ, какъ доказательство, свидѣтельство пространной редакціи, въ которой сначала воспроизведена статья 1-й Правды о мести за убійство, затѣмъ прибавлено слѣдующее замѣ-

чаніе: «по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ—Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ і отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати», и далѣе слѣдуютъ постановленія объ убійствѣ, взятыя изъ 2-й Правды. На этомъ основаніи заключаютъ, что 2-я Правда въ своемъ содержаніи отразила ту реформу уголовнаго права, которая произошла при сыновьяхъ Ярослава и документально была записана въ пространной редакціи. Но во-1-хъ, приведенная цитата говоритъ объ отмѣнѣ «убіенія за голову», а не мести, что не одно и тоже. Месть—это родовое понятіе, заключающее въ себѣ всевозможныя формы личнаго возмездія по отношенію къ преступнику въ интересахъ потерпѣвшаго; убіеніе же могло быть только однимъ изъ частныхъ проявленій мести. Слѣдовательно, отмѣнить убіеніе не значитъ отмѣнить месть. Во-вторыхъ, запись пространной редакціи, повидимому, есть лишь предположеніе и догадка ея автора, а не дѣйствительный историческій фактъ. Пользуясь краткой Правдой, какъ однимъ изъ своихъ источниковъ, онъ замѣтилъ, что въ 1-й части ея, приписанной имъ Ярославу, за убійство слѣдуетъ или месть родственниковъ или денежный выкупъ; между тѣмъ во 2-й части такой альтернативости нѣтъ, а говорится только о штрафахъ. Въ то же самое время онъ обратилъ вниманіе на заглавіе 2-й Правды, въ которомъ сказано, что она была уставлена во время съѣзда Изяслава, Всеволода и Святослава. Эти наблюденія привели его къ мысли, что месть за убійство, которую конкретно онъ понималъ въ смыслѣ убіенія, была отмѣнена на съѣздѣ сыновей Ярослава. Догадку эту, выраженную безъ достаточной осторожности въ формѣ категорическаго утвержденія, авторъ распространенной редакціи внесъ въ свой текстъ и помѣстилъ ее между постановленіями объ убійствѣ, заимствованными изъ разныхъ источниковъ, т. е. изъ 1-й и 2-й Правды, и соединенными въ одну послѣдовательную группу, не смотря на ихъ внутреннюю несогласованность и взаимное несоотвѣтствіе. Очевидно, она должна была служить переходной ступенью отъ однихъ постановленій къ другимъ и объяснять недоумѣвающему читателю, почему дальнѣйшія статьи объ убійствѣ въ опредѣленіи карательныхъ послѣдствій его разнятся отъ предъидущихъ. Замѣтка пространной редакціи сыграла великую

роль въ научной литературѣ, посвященной изслѣдованію Русской Правды. Являясь по своему первоначальному происхожденію и характеру плодомъ толкованія и логическимъ умозаключеніемъ ея автора, она впослѣдствіи была принята въ исторической наукѣ за извѣстіе о подлинномъ и реальномъ событіи. Такъ возникла легенда объ отмѣнѣ мести при Ярославичахъ, которая, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, до сихъ поръ занимаетъ видное мѣсто въ нашей литературѣ. Легендѣ этой противорѣчили историческіе факты, показывающіе, что месть существовала и при сыновьяхъ Ярослава; сюда относится, напримѣръ, извѣстный разсказъ лѣтописи объ усмиреніи воеводой Святослава народнаго волненія на Бѣлоозерѣ и о выдачѣ имъ волхвовъ, виновниковъ смуты, на месть родственникамъ убитыхъ. Съ другой стороны, если бы месть была отмѣнена Ярославичами, то мы навѣрно нашли бы этотъ законъ въ сборникѣ, содержащемъ ихъ уставы. Это былъ актъ величайшей важности, который имѣлъ больше правъ на запись и вниманіе, чѣмъ постановленія о кражѣ гуся, курицы, утки, голубя и т. п., съ такой заботливостью собранныя во 2-й Правдѣ. Но современные послѣдователи составителя распространенной редакціи возражаютъ: месть была отмѣнена послѣ того, какъ 2-я Правда была уже составлена, а потому законъ этотъ и не могъ быть включенъ въ ея текстъ; при этомъ они ссылаются на слово «паки», употребленное въ текстѣ распространенной редакціи и будто бы обозначающее второй съѣздъ сыновей Ярослава, состоявшійся послѣ того, на которомъ была издана 2-я Правда. По поводу этихъ возраженій можно замѣтить слѣдующее. Прежде всего, если допустить, что месть была отмѣнена послѣ составленія 2-й Правды, то въ такомъ случаѣ отсутствіе ея въ этомъ памятникѣ нельзя объяснять ея отмѣной. Кромѣ того, самая мысль о второмъ съѣздѣ Ярославичей весьма сомнительна, какъ основанная на очевидномъ недоразумѣніи. Слово «паки» часто употребляется въ древнихъ памятникахъ съ тою цѣлью чтобы оттѣнить противоположность двухъ случаевъ, показать отличіе послѣдующихъ положеній и мыслей отъ предшествующихъ. Напримѣръ, въ договорѣ русскихъ съ греками 911 г. мы встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: «аще украдетъ Русинъ что любо у Крестьянина, и пакы Христьянинъ у Русина [1]) и т. д. Здѣсь

[1]) Ст. 4.

пакы значитъ *наоборотъ*. Русская Правда, опредѣляя послѣдствія кражи, говоритъ: «оже будеть лице, лице поіметь,... паки ли лиця не будеть, а будеть былъ княжь конь, то платити зань 3 гривны» [1]). Здѣсь *паки* усиливаетъ противоположность двухъ случаевъ и различіе вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій. Такой же смыслъ имѣетъ этотъ терминъ и въ цитированной раньше статьѣ пространной редакціи: «по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его» и т. д. Въ данномъ случаѣ *паки* относятся не къ одному только слову *совкупившеся,* но опредѣляетъ все установленіе Ярославичей въ смыслѣ отличія его отъ той практики, которой слѣдовалъ ихъ отецъ. Мифическій характеръ второго съѣзда обнаруживается также и въ томъ обстоятельствѣ, что перечень участниковъ его, приведенный въ пространной редакціи, есть не что иное, какъ повтореніе и копія соотвѣтствующей записи, заключающейся въ заглавіи 2-й Правды. Въ числѣ княжескихъ совѣтниковъ пропущены только Чюдинъ и Микула, если только эти имена не обозначали одного и того же лица, да кромѣ того, Никифоръ названъ безъ предиката «Кыянинъ». Но полное и точное воспроизведеніе состава съѣзда, со всѣми подробностями и въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣленъ въ заглавіи 2-й Правды, не требовалось по существу дѣла и не имѣло значенія для обоснованія той мысли, которую имѣлъ въ виду авторъ пространной редакціи.

Къ вопросу, занимавшему наше вниманіе на этихъ страницахъ, мнѣ придется еще вернуться во 2-мъ выпускѣ предпринятаго труда и тамъ, можетъ быть, болѣе полно развить свою точку зрѣнія, а пока, мнѣ кажется, и сказаннаго достаточно, чтобы отвергнуть мысль объ отмѣнѣ мести за убійство при Ярославичахъ, какъ собственную гипотезу составителя распространенной редакціи придуманную имъ для согласованія и объясненія различныхъ текстовъ, но не оправдываемую историческою дѣйствительностью, а потому ни для кого необязательную. Въ связи съ этимъ положеніемъ, я думаю, что месть не исключается 2-й Правдой изъ круга наказаній за убійство, но молчаливо ею предполагается. Если она прямо и не говоритъ о мести, то потому что вообще избѣгаетъ повтореній и не касается тѣхъ нормъ, которыя нашли свое выраженіе въ 1-й Правдѣ.

---

[1]) Троицкій списокъ, ст. 39—40.

Дополнительнымъ характеромъ 2-й Правды объясняется также отсутствіе въ ней отдѣла о преступленіяхъ противъ тѣлесной неприкосновенности, уже съ достаточной полностью изложенныхъ въ 1-й Правдѣ. Она говоритъ о мукѣ «безъ княжа слова». Но это преступленіе, имѣющее иную юридическую природу. Опредѣляющимъ моментомъ въ его составѣ является не столько посягательство на здоровье, сколько самоуправство, т. е. нарушеніе правъ судебной власти. Тѣмъ больше вниманія посвящаетъ она имущественнымъ правонарушеніямъ, которыя слабо представлены въ 1-й Правдѣ.

Во 2-й Правдѣ неоднократно даются указанія на судъ князя: напримѣръ, говорится, что пойманаго вора должно вести «на княжь дворъ», запрещается мучить огнищанина, тіуна и др. «безъ княжа слова», по поводу убійства стараго конюха приводится рѣшеніе князя Изяслава, опредѣляются судебныя пошлины въ пользу князя и его чиновниковъ [1]) и т. д. Такимъ образомъ, были всѣ поводы къ тому, чтобы въ связи съ постановленіями о княжескомъ судѣ обратить вниманіе и на правила судопроизводства. Однако въ этой области мы замѣчаемъ почти полный пробѣлъ. Его опять надо поставить въ зависимость отъ того обстоятельства, что судопроизводство и въ частности доказательства довольно обстоятельно разсмотрѣны въ 1-й Правдѣ.

Исключеніе составляетъ лишь 28-я ст. Акад. сп.: «аще же пріидетъ кровавъ моужь любо синь, то не искати ему послуха». Она представляетъ собою повтореніе соотвѣтствующаго постановленія 1-й Правды, редактированнаго почти тѣми же словами: «или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человѣкоу томоу; аще не будетъ на немъ знаменіа» [2]) и т. д. Комментаторы затрудняются объяснить тѣ побужденія, которыя заставили автора 2-й Правды повторить то, что сказано въ первой. Напримѣръ, по мнѣнію академика М. А. Дьяконова, это случилось отъ невнимательности его: «статья 28-я, говоритъ онъ, является буквальнымъ повтореніемъ начала ст. 2; очевидно составитель, замѣтивъ, что это правило уже записано, не счелъ нужнымъ допи-

---

[1]) Акад. спис., ст. 21, 31, 32, 38, 41.

[2]) Акад. сп., ст. 2.

сывать его вторично» [1]). Напротивъ, проф. М. Ф. Владимирскій-Будановъ допускаетъ, «что краткое повтореніе 2-й ст. Акад. сп. въ ст. 28 могло имѣть особую цѣль: первая Правда не ограничивается простымъ указаніемъ, что знаки на тѣлѣ потерпѣвшаго исключаютъ необходимость свидѣтельскихъ показаній», но сверхъ того, прибавляетъ, что, «если потерпѣвшій не можетъ мстить за себя самъ, то долженъ ограничиться полученіемъ съ виновнаго трехъ гривенъ и платы лекарю; вторая Правда, въ которой месть вообще отсутствуетъ, могла намѣренно изложить постановленіе о нанесеніи ранъ и побоевъ такъ, чтобы о мести не было помину, какъ дѣйствительно въ ней и изложено» [2]). Мнѣ кажется, что ключъ къ разгадкѣ недоумѣнія лежитъ въ слѣдующемъ. Оба текста, хотя и совпадаютъ другъ съ другомъ, но въ то же время и различаются по наименованію свидѣтелей, ибо первая Правда говоритъ о видокѣ, а вторая о послухѣ. Извѣстно, что по древне-русскому праву, поскольку оно проявилось въ Новгородско-Псковскомъ законодательствѣ, эти термины обозначали далеко не тождественныя понятія. Съ этой точки зрѣнія, сказать, что истцу, окровавленному или покрытому синяками, не надо имѣть видока, еще не значило, что онъ освобождался и отъ необходимости представить послуха. Слѣдовательно, составитель 2-й Правды не безъ основанія могъ думать, что онъ вноситъ въ ея текстъ новое и дополнительное правило, когда записывалъ въ него, что мужу кровавому или синему не нужно искать послуха.

Представленныхъ примѣровъ достаточно, чтобы отвергнуть мнѣніе В. И. Сергѣевича, будто бы 2-я Правда появилась въ свѣтъ, какъ самостоятельный сборникъ, первоначально существовавшій отдѣльно и только впослѣдствіи объединенной съ 1-й Правдой въ одномъ памятникѣ, который сохранили намъ новгородскія лѣтописи. Очевидно, что, по мысли автора ея, она съ самаго начала предназначалась къ тому, чтобы служить припиской къ 1-й Правдѣ и въ соединеніи съ послѣдней составлять одно неразрывное цѣлое. Внутренняя зависимость ихъ предполагала и имѣла своимъ послѣдствіемъ внѣшнюю и редакціонную связь.

---

[1]) Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, стр. 50.

[2]) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1912 г., № 10, стр. 3.

Аналогичныя наблюденія надъ текстомъ 1-й Правды обнаруживаютъ и въ ней такіе пробѣлы, которые не согласуются съ общепринятымъ мнѣніемъ объ отдѣльномъ и самостоятельномъ существованіи этого кодекса и которые какъ бы предопредѣляли продолженіе ея въ видѣ 2-й Правды, гдѣ они подлежали заполненію соотвѣтствующимъ содержаніемъ. Вотъ примѣры, наводящіе на такое заключеніе.

Многихъ поражаетъ, что 1-я Правда настолько невнимательна къ князю, что даже имени его не упоминаетъ, какъ будто его совсѣмъ не существовало. Такую небрежность до извѣстной степени можно объяснить ея новгородскимъ происхожденіемъ. Однако одного этого объясненія недостаточно. Какъ бы ни была скромна и ограничена роль новгородскаго князя, все-же нельзя отрицать, что онъ признавался необходимымъ органомъ государственнаго устройства, котораго нельзя было игнорировать. Исторія Новгорода начинается лѣтописнымъ извѣстіемъ: «и начаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся; и рѣша сами въ собѣ: поищемь собѣ князь, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Отсюда слѣдуетъ, что призваніемъ новгородскаго князя было умиротвореніе общественной жизни и установленіе правды. Если такъ, то почему же сборникъ, воспроизводящій въ себѣ эту правду, обходитъ его полнымъ молчаніемъ? Почему 1-я Правда игнорируетъ князя и въ тоже время тщательно предусматриваетъ удары разными орудіями, порчу одежды и т. п.? Думаю что если бы составитель ея смотрѣлъ на свой сборникъ, какъ на законченный трудъ, то онъ не допустилъ бы въ изложеніи столь существеннаго изъяна, потому что «русская правда» даже въ предѣлахъ Новогорода не могла быть безъ князя. Но онъ зналъ, что это лишь первая часть работы, за которой послѣдуетъ продолженіе, гдѣ будетъ возможность остановиться на князѣ и дать о немъ надлежащія опредѣленія на основаніи болѣе благодарнаго и богатаго матеріала, какой заключала въ себѣ практика Кіевской Руси. Дѣйствительно, абсолютное молчаніе о князѣ въ 1-й Правдѣ искупается во второй противоположной крайностью. Она такъ внимательно относится къ князю, посвящаетъ ему и слугамъ его такъ много статей, что нѣкоторые

изслѣдователи на этомъ основаніи признаютъ ее кодификаціей по преимуществу «княжаго права».

Въ системѣ наказаній, извѣстныхъ 1-й Правдѣ, публичные штрафы отсутствуютъ; напротивъ, главное мѣсто занимаютъ частныя пени, уплачиваемыя «за обиду» потерпѣвшему или его родственникамъ. Такая односторонность ея, какъ сказано раньше, представляется отраженіемъ новгородскаго общественнаго быта, характеризуемаго слабостью государственной власти и преобладающимъ значеніемъ личности. Естественно, что при этихъ условіяхъ интересы частнаго лица въ уголовномъ правѣ должны были стоять на первомъ планѣ, что дѣйствительно обнаруживается въ нѣкоторыхъ новгородскихъ памятникахъ. Напр., въ договорѣ съ нѣмцами конца XII вѣка указаны почти исключительно частныя взысканія за убійство, увѣчье, удары и другія преступленія, о платѣ же князю говорится только въ одной статьѣ [1]). Тѣмъ не менѣе новогородскому праву извѣстны были и княжескіе штрафы, т. е. виры и продажи. Они встрѣчаются не только въ договорѣ съ нѣмцами, сейчасъ упомянутомъ, но и въ другихъ памятникахъ. Напримѣръ, изъ грамоты кн. Мстислава и его сына Всеволода 1130 г. мы узнаемъ, что эти князья пожаловали Георгіевскому монастырю въ Новгородѣ имѣніе Буицы «съ данію и съ вирами и съ продажами». Въ уставѣ новгородскаго князя Святослава 1137 г. говорится, что онъ назначилъ въ пользу церкви св. Софіи «за десятину отъ виръ и продажь 100 гривенъ новыхъ кунъ» и т. д. Слѣдовательно, 1-я Правда, умалчивая о вирахъ и продажахъ, не даетъ намъ полнаго изображенія уголовнаго права, не только русскаго вообще, но и новгородскаго въ частности. Въ такомъ случаѣ чѣмъ объяснить этотъ пропускъ? Мнѣ кажется, его надо поставить въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что, по плану автора 1-й Правды, составленіемъ ея не исчерпывалась задача кодификаціи. Онъ предвидѣлъ послѣдующее дополненіе, куда должны были войти всѣ недостающія нормы. Поэтому въ 1-й части кодекса онъ могъ ограничиться одними частными штрафами, не рискуя навлечь на себя упреки въ неполнотѣ изложенія, такъ какъ ему было извѣстно, что о вирахъ и продажахъ рѣчь будетъ впереди въ томъ отдѣлѣ Русской Правды, который посвящался глав-

[1]) Ст. 7.

нымъ образомъ князю и гдѣ слѣдовательно умѣстнѣе всего было коснуться и этихъ наказаній.

Первая Правда, установивъ общій принципъ, что за убійство мужа уплачивается 40 гривенъ, сверхъ того перечисляетъ тѣхъ лицъ, за убійство которыхъ взыскивалась означенная плата, называя гридина, купца, ябедника, мечника, изгоя, словенина и русина. Это перечисленіе настолько случайно, отрывочно и безпорядочно, что изслѣдователи Русской Правды затрудняются опредѣлить тѣ побужденія, которыми руководился авторъ ея въ подборѣ именъ. Естественнѣе всего было предположить, что онъ свелъ въ одно цѣлое нѣсколько судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ потерпѣвшими были названныя лица. Такъ думаетъ, напр., Калачовъ, говоря что статья «очевидно составлена изъ нѣсколькихъ практическихъ рѣшеній, выраженныхъ въ одной общей формѣ, при чемъ различныя названія лицъ (по должностямъ или сословіямъ), коихъ убійство служило къ тому основаніемъ, были естественно удержаны; вотъ почему это номенклатура далеко не полная и расположенная въ порядкѣ произвольномъ или, лучше сказать, совершенно случайнымъ» [1]). Къ мнѣнію Калачова примыкаетъ проф. Гетцъ [2]) и др. Однако возможно иное объясненіе, какъ мнѣ кажется, болѣе близкое къ дѣйствительности. Если эту загадочную номенклатуру обсуждать сравнительно съ дѣйствительнымъ составомъ древне-русскаго общества, примѣрнымъ изображеніемъ котораго она должна была служить, то придется признать ее случайнымъ подборомъ отдѣльныхъ примѣровъ, очевидно, взятыхъ изъ судебной практики, но не охватывавшихъ всего населенія и не заключавшихъ въ себѣ ничего характернаго и типичнаго въ смыслѣ опредѣленія основныхъ его разрядовъ и подраздѣленій; но если поставить ее въ связь съ тѣми классами общества, которые имѣетъ въ виду 2-я Правда, то въ такомъ случаѣ въ ней можно открыть нѣкоторый смыслъ и раціональную подкладку, извѣстную руководящую идею, которая состояла въ томъ, что авторъ 1-й Правды называлъ лишь тѣ имена, которыя отсутствуютъ во второй, и наоборотъ, систематически и

---

[1]) *Н. Калачовъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія, 1846 г., стр. 29, примѣч. 3.

[2]) *L. K. Goetz*, Das Russische Recht, B. I, стр. 132.

тщательно замалчивалъ тѣхъ лицъ, которыя тамъ встрѣчаются. Такъ, въ числѣ убитыхъ 1-я Правда упоминаетъ гридина. Можно было бы ожидать, что одновременно съ нимъ будетъ названъ и огнищанинъ, потому что въ новгородскихъ памятникахъ они обыкновенно сопутствуютъ другъ другу: напримѣръ, «приде Ростиславъ изъ Кіева и позва новгородце на порядъ—огнищане, гридь, купце вячшее»; «идоша съ княземъ Ярославъмь (новгородцы на Черниговъ)—огнищане, грідьба и купци» [1]) и т. п. Однако это ожиданіе не оправдывается. Огнищане пропущены, но не безповоротно и не на всегда, а съ тѣмъ, чтобы во 2-й Правдѣ посвятить имъ нѣсколько особыхъ постановленій. Въ дальнѣйшемъ перечнѣ 1-й Правды встрѣчается купецъ. Это вполнѣ естественно, принимая во вниманіе ту важную роль, которую игралъ въ Новгородѣ торговый классъ. Тѣмъ не менѣе, хотя въ Новгородской области торговля имѣла преобладающее значеніе, однако ей не чуждо было и земледѣліе. Поэтому казалось бы, что вмѣстѣ съ купцами могли быть названы и смерды, составлявшіе довольно обширный и замѣтный классъ населенія, тѣмъ болѣе что въ новгородскихъ договорахъ съ князьями они постоянно упоминаются рядомъ: напримѣръ, «кто купьць, поидеть въ свое сто, а смѣрдъ поидеть въ свой погостъ»; «а изъ Бѣжиць, княже, людий не выводити въ свою волость,... ни закладниковъ приимати,... ни смерда, ни купцины» и т. д. Однако смерды обойдены полнымъ молчаніемъ. Это не случайный пробѣлъ и не результатъ пренебрежительнаго отношенія къ простымъ людямъ. Авторъ 1-й Правды могъ пропустить смердовъ, такъ какъ ему было извѣстно, что они найдутъ себѣ мѣсто въ Правдѣ Кіевской Руси съ ея по преимуществу земледѣльческимъ бытомъ. Наконецъ, изъ должностныхъ лицъ князя названы мечники и ябедники. Въ памятникахъ они появляются рѣдко, гораздо чаще встрѣчаются въ нихъ тіуны. Это замѣчаніе имѣетъ силу не только относительно древней Руси вообще, но и относительно Новгорода въ частности. Въ договорахъ его съ князьями мы сплошь и рядомъ находимъ такія выраженія: «а держати ти свой тивунъ на половинѣ въ своей волости Волоцькой», «дворяномъ твоимъ и тивунимъ погонъ имати, како то пошло», «а тіуну твоему судити въ одринѣ съ новгородскими приставы» и т. п. Слѣдова-

[1]) *В. И. Сергѣевичъ*, Древности русскаго права, т. I, стр. 359.

тельно, тіуны были настолько обычными слугами князя, что составитель 1-й Правды, конечно, прежде всего вспомнилъ бы ихъ, касаясь этого разряда лицъ. Тѣмъ не менѣе онъ не называетъ ихъ опять таки не потому, что забываетъ или игнорируетъ, а въ томъ разсчетѣ, что этотъ пробѣлъ будетъ восполненъ во 2-й части кодекса. Авторъ заботился о полнотѣ цѣлаго, а не о полнотѣ частей. Вотъ почему онъ избѣгалъ повтореній. Въ то же время онъ стремился устранить противорѣчія, такъ чтобы обѣ части краткой редакціи, дополняя другъ друга, вмѣстѣ составили одно цѣлое, проникнутое внутреннимъ единствомъ и согласованное въ своихъ опредѣленіяхъ. Въ этомъ заключалась другая причина, почему огнищане, тіуны и смерды не зачислены въ ряды тѣхъ лицъ, за которыхъ полагалась 40-гривенная плата. Если бы здѣсь они появились, то наглядно бы обнаружилось разногласіе между первой Правдой и второй, такъ какъ послѣдняя назначаетъ за убійство огнищанина и тіуна 80, а за убійство смерда 5 гривенъ. Авторъ старался по возможности сгладить и затушевать различіе между ними, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы оно не выступало рѣзко и не бросалось въ глаза. Тѣмъ же стремленіемъ замаскировать противорѣчія и установить внутреннюю связь и взаимное соотвѣтствіе между обѣими частями краткой редакціи объясняется и та особенность 1-й Правды, что она не ограничивается установленіемъ общей нормы: «убьеть мужъ мужа, то 40 гривенъ за голову», но кромѣ того дополняетъ ее поименнымъ перечисленіемъ лицъ, за которыхъ взыскивался такой штрафъ. Это дополненіе было бы излишнимъ и непонятнымъ при отдѣльномъ и независимомъ существованіи 1-й Правды, но оно представлялось не только умѣстнымъ, но и необходимымъ при объединеніи ея со второй въ одинъ неразрывный памятникъ. Въ самомъ дѣлѣ, формула 1-й Правды «убьеть мужъ мужа» распространяетъ 40-гривенный штрафъ на все свободное населеніе, между тѣмъ какъ по 2-й Правдѣ за огнищанина, подъѣздного, тіуна и стараго конюха взыскивается 80, за сельскаго старосту и ратайнаго 12, а за рядовича и смерда всего 5 гривенъ. Значитъ, далеко не за всѣхъ мужей уплачивалось 40 гривенъ. Составитель Русской Правды обратилъ вниманіе на это противорѣчіе и, чтобы смягчить его, прибавилъ къ тексту собственное пояснительное примѣчаніе,

которымъ значительно съузилъ кругъ примѣненія общей нормы, назвавъ по имени тѣхъ лицъ, за которыхъ долженъ былъ уплачиваться 40-гривенный штрафъ. Таковыми избранниками оказались русинъ, гридинъ, купецъ, ябедникъ, мечникъ, изгой и словенинъ. Составъ этихъ лицъ былъ опредѣленъ, примѣнительно къ постановленіямъ 2-й Правды, посредствомъ ариѳметическаго дѣйствія вычитанія. Именно, изъ общей совокупности общественныхъ классовъ и служебныхъ ранговъ, извѣстныхъ древней Руси, были выдѣлены тѣ лица, о которыхъ упоминаетъ 2-я Правда, оцѣнивая ихъ жизнь то въ 80, то въ 12, то въ 5 гривенъ, а остальныя попали въ категорію тѣхъ, жизнь которыхъ оцѣнивалась въ 40 гривенъ. Такъ возникъ перечень убитыхъ въ 1-й Правдѣ, причинившій столько затрудненій и хлопотъ ея комментаторамъ, потому что съ одной стороны, онъ имѣетъ характеръ лишь примѣрнаго и слѣдовательно растяжимаго поясненія къ общему понятію «мужа», если смотрѣть на 1-ю Правду, какъ на памятникъ изолированный и самостоятельный, но съ другой стороны, онъ обозначаетъ законченную и замкнутую группу лицъ, за убійство которыхъ взыскивалась 40-гривенная плата, если разсматривать 1-ю Правду совмѣстно со второю, какъ часть цѣлаго. Какъ бы то ни было, этотъ перечень представляется мнѣ не случайнымъ соединеніемъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній, какъ принято думать, а искусственнымъ аггрегатомъ, сознательно сочиненнымъ для примиренія 1-й Правды со второй въ ихъ постановленіяхъ, касающихся убійства.

Можно указать еще нѣсколько примѣровъ, тоже характеризующихъ 1-ю Правду, какъ часть кодекса, необходимо предполагающую продолженіе, а не какъ самодовлѣющій и законченный сборникъ, исчерпывающій въ себѣ весь матеріалъ, бывшій въ распоряженіи ея автора, и всесторонне выполняющій ту задачу, которую онъ себѣ поставилъ. Такъ, въ ней отсутствуютъ постановленія объ убійствѣ холопа. Это довольно важный дефектъ, на который нельзя было не обратить вниманія, и который едва ли былъ бы допущенъ, если бы не имѣлась въ виду дополнительная часть, въ которой должны были получить разрѣшеніе, въ предѣлахъ намѣченной задачи, всѣ вопросы, не затронутые въ 1-й Правдѣ. Затѣмъ объ отвѣтственности за кражу она говоритъ только въ одной статьѣ,

предусматривающей похищеніе коня, оружія и одежды и назначающей для всѣхъ этихъ случаевъ одинаковое наказаніе, т. е. штрафъ въ размѣрѣ 3 гривенъ [1]). Другія статьи ея, хотя и касаются этого предмета, но интересуются лишь процессуальной его стороной [2]). Отъ чего зависѣла такая недостаточная и слабая разработка тѣхъ преступленій, которыя обыкновенно привлекаютъ вниманіе и составляютъ излюбленную тему древнихъ кодификацій? Конечно, никто не скажетъ, что имущественный оборотъ въ Новгородѣ ограничивался только названными вещами. Едва ли также можно допустить, что въ новгородскомъ правѣ ко всѣмъ видамъ кражи примѣнялась одна и та же карательная норма. Думаю, что и здѣсь умѣстно то объясненіе, которое я уже неоднократно давалъ для другихъ аналогичныхъ недочетовъ 1-й Правды. По всей вѣроятности, авторъ ея не останавливался долго на кражѣ и не входилъ въ детали, потому что не считалъ вопроса исчерпаннымъ и разсчитывалъ на то, что къ этой темѣ еще будетъ возможность вернуться и развить ее болѣе подробно во 2-й части сборника, тѣмъ болѣе, что сельскохозяйственный бытъ Кіевской Руси давалъ для этой цѣли болѣе благодарный и разнообразный матеріалъ.

Итакъ, 1-я Правда—не самобытный кодексъ, а лишь начальная и вступительная глава произведенія, задуманнаго въ болѣе широкомъ масштабѣ. Мысль его автора заключалась не въ томъ, чтобы составить сборникъ новгородскаго права, а въ томъ, чтобы написать *Русскую Правду*. Первая часть краткой редакціи далеко не выполняла поставленной задачи. Состоя всего изъ 17 статей, она не могла претендовать на такое названіе, ибо очень жалкимъ и бѣднымъ показался бы столь незначительный фрагментъ сравнительно съ громкимъ и величественнымъ заглавіемъ. Очевидно, это заглавіе было разсчитано на весь сборникъ, относилось не только къ 1-й, но одновременно и ко 2-й части краткой редакціи. Авторъ ея понималъ, что при разнообразіи обычаевъ, дѣйствовавшихъ на древне-русской территоріи, въ виду различія между сѣверной и южной частью Россіи, одно новгородское право еще не исчерпы-

[1]) Акад. сп., ст. 12.
[2]) Ibid., ст. 13—15

вало и не покрывало собою понятія *русской правды,* даже если бы оно было воспроизведено во всемъ его объемѣ. Тѣмъ болѣе оно не могло имѣть такого значенія въ данномъ случаѣ, потому что 1-я Правда выразила въ себѣ лишь нѣкоторыя болѣе характерныя и колоритныя его части. Для того, чтобы болѣе или менѣе удовлетворительно выполнить свою задачу, т. е. дать по возможности всестороннее изображеніе русской правды, онъ долженъ былъ включить въ свой кодексъ и право Кіевской земли. Только при этомъ условіи устанавливалось нѣкоторое соотвѣтствіе между содержаніемъ памятника и его многообѣщающимъ наименованіемъ.

Замѣчательно также, что не только 2-я Правда, но и 1-я не дошли до насъ въ отрывочномъ и разрозненномъ видѣ, на что можно было бы разсчитывать, если бы онѣ извѣстное болѣе или менѣе продолжительное время существовали въ разобщенномъ состояніи, какъ независимые сборники, и если бы сліяніе ихъ въ одинъ памятникъ было дѣломъ позднѣйшаго компилятора. Напротивъ, обѣ правды извѣстны намъ только въ объединенномъ видѣ. Конечно, самъ по себѣ этотъ фактъ не имѣетъ рѣшающаго значенія, но въ связи съ другими показаніями онъ можетъ быть отмѣченъ, какъ одно изъ свидѣтельствъ въ пользу предположенія о совмѣстной и одновременной кодификаціи обоихъ сборниковъ, въ пользу того взгляда, что сохранившаяся краткая Правда представляетъ собою первоначальную и аутентическую редакцію ея, а не результатъ послѣдующаго соединенія двухъ отдѣльныхъ памятниковъ.

Кромѣ того, при сравнительномъ разсмотрѣніи обѣихъ частей краткой редакціи, въ нихъ можно обнаружить много общихъ чертъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что авторомъ ихъ было одно и тоже лицо. Прежде всего брасается въ глаза тождество темы: и та, и другая ограничиваются изложеніемъ одного уголовнаго права въ объемѣ личныхъ и имущественныхъ преступленій. Только заключительныя статьи 2-й Правды, опредѣляющія продовольствіе и пошлины въ пользу вирниковъ и мостниковъ, уклоняются въ сторону отъ этихъ вопросовъ и вторгаются въ иную область. Но эта несогласованность ихъ съ остальными частями кодекса сознавалась самимъ авторомъ его, потому что онъ выдѣлилъ и обособилъ ихъ отъ предшествующихъ постановленій особыми заглавіями: «а се

поклонъ вирныи», «а се оурокъ мостниковъ»,—и тѣмъ показалъ, что эти статьи представляются ему добавочными, не вызываемыми непрерывной послѣдовательностью изложенія и не входящими непосредственно въ кругъ тѣхъ вопросовъ, которые были предметомъ его изслѣдованія. Мнѣ кажется, что такая строгая выдержанность темы въ обѣихъ частяхъ краткой Правды возможна была только при условіи редактированія ихъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы авторомъ 2-й Правды было другое лицо, то едва ли бы онъ считалъ обязательными для себя тѣ рамки изложенія, въ которыхъ была заключена 1-я Правда. Надо полагать, что онъ чувствовалъ бы себя болѣе свободнымъ и, вѣроятно, затронулъ бы и другія темы, въ зависимости отъ объема и характера того матеріала, который находился въ его распоряженіи. Примѣрной иллюстраціей къ сказанному можетъ служить распространенная редакція, авторъ которой вышелъ далеко за предѣлы, очерченные краткой Правдой.

Обѣ части краткой Правды трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, но освѣщаютъ его съ различныхъ сторонъ. Первая часть обращаетъ главное вниманіе на интересы и роль частнаго лица въ области уголовного права. Индивидуалистическое направленіе въ ней преобладаетъ и окрашиваетъ собою все ея содержаніе. Такъ, она интерсуется преимущественно преступленіями противъ частныхъ лицъ, не заботясь о князѣ и его служилыхъ людяхъ. Наказанія ея ограничиваются местью и денежными выкупами въ пользу потерпѣвшаго. Она довольно подробно опредѣляетъ правила судопроизводства и ни слова не говоритъ о судебныхъ органахъ [1]), опять таки потому что эта область открывала широкое поприще для активныхъ проявленій частнаго лица,—и дѣйствительно, органамъ судебной власти принадлежало произнесеніе приговора, веденіе же процесса, т. е. представленіе свидѣтелей, производство свода, исполненіе судебныхъ рѣшеній и т. п.,—все это главнымъ образомъ предоставлено было самодѣятельности потерпѣвшаго. Напротивъ, 2-я часть краткой редакціи разсматриваетъ уголовное право преимущественно со сто-

---

[1]) Если не считать 14-й ст. Акад. сп., которая, по господствующему толкованію, будто бы указываетъ на судъ 12 мужей.

роны участія въ немъ государственной власти. Поэтому въ ней мы находимъ правонарушенія, направленныя противъ князя и его слугъ, она указываетъ органы и мѣсто суда, запрещаетъ самоуправство, обращаетъ вниманіе на внутреннюю сторону преступнаго дѣйствія, назначаетъ уголовные штрафы въ пользу князя и т. под.

Различіе между ними наблюдается и въ другомъ отношеніи. Первая Правда сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на общихъ положеніяхъ уголовнаго права и мало интересуется частными случаями и бытовыми подробностями. Напр., она устанавливаетъ общую норму объ убійствѣ, относящуюся ко всѣмъ мужамъ и опредѣляющую одинаковое наказаніе для всѣхъ случаевъ, кто бы ни былъ убитъ. Тотъ же характеръ имѣютъ и постановленія ея о кражѣ. Онѣ даютъ лишь общее понятіе этого преступленія, но не исчерпываютъ того разнообразнаго житейскаго матеріала, который заключался въ судебной практикѣ. Если авторъ ихъ и называетъ нѣкоторые предметы кражи, какъ то—коня, оружіе и одежду, то онъ перечисляетъ ихъ только, какъ теоретически возможные виды похищенія, не соединяя однако съ ними никакого различія въ карательныхъ послѣдствіяхъ. Еще одинъ примѣръ. Требуя представленія свидѣтелей, производства свода и принесенія присяги, 1-я Правда, очевидно, предполагаетъ существованіе суда, передъ которымъ совершались эти процессуальныя дѣйствія. Однако она не облекаетъ его въ реальныя и видимыя формы. Судъ подразумѣвается въ ней, какъ отвлеченная идея. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ 2-я Правда. Постановленія ея конкретнѣе и ближе къ реальной дѣйствительности, онѣ гораздо ярче отражаютъ въ себѣ разнообразныя краски жизни. Убійство здѣсь мыслится, не какъ общее понятіе, а какъ лишеніе жизни опредѣленныхъ лицъ—огнищанина, подъѣздного, тіуна, стараго конюха у стада и др.; кража опредѣляется въ ея многообразныхъ бытовыхъ проявленіяхъ,—именно говорится о похищеніи холопа, вола и коня, овецъ, козъ и свиней, лодки, курицы и т. п.; понятіе суда тоже облекается въ плоть и кровь: называются его органы—князь, мечникъ и вирникъ, указывается его мѣсто—дворъ князя, исчисляются судебныя пошлины и т. д.

Такимъ образомъ, отдѣльныя части краткой редакціи характеризуются различными точками зрѣнія на уголовное право, одна другую дополняющими. Но отсюда отнюдь не вытекаетъ, что онѣ составлялись различными лицами. Наоборотъ, такое двустороннее разсмотрѣніе одного и того же предмета могло быть дано только однимъ авторомъ, который исходилъ изъ заранѣе составленнаго плана изложенія, руководился опредѣленной концепціей своей задачи и стремился послѣдовательно выдержать обѣ противоположныя точки зрѣнія въ соотвѣтствующихъ частяхъ своего труда. Нельзя представить себѣ возможность такого отчетливаго распредѣленія ролей и послѣдовательнаго выполненія ихъ по отношенію къ двумъ лицамъ, жившимъ въ разное время, не знавшимъ другъ друга и не находившимся во взаимномъ соглашеніи относительно плана работы.

Принадлежность краткой Правды авторству одного лица обнаруживается и въ системѣ ея изложенія. Въ обѣихъ частяхъ ея матеріалъ расположенъ по одной и той же схемѣ: сначала рѣчь идетъ о преступленіяхъ противъ личныхъ правъ, а затѣмъ слѣдуетъ имущественныя правонарушенія. Сходство между ними наблюдается, съ другой стороны, даже въ отступленіяхъ отъ этого порядка. Напр., въ отдѣлѣ 2-й Правды, посвященномъ имущественнымъ посягательствамъ, встрѣчается нѣсколько преступленій личнаго характера [1]); аналогичную погрѣшность противъ системы находимъ мы и въ 1-й Правдѣ въ томъ же отдѣлѣ [2]).

Наконецъ, однородность стиля показываетъ, что обѣ части краткой редакціи написаны однимъ и тѣмъ же перомъ. Я укажу на одно характерное выраженіе, одинаково встрѣчающееся на всемъ ея протяженіи. Въ первой Правдѣ сказано: «аще боудеть нога цѣла, *или* начьнеть храмати, тогда чада смирять» [3]). Если понимать союзъ *или* въ современномъ смыслѣ, то можно подумать, что здѣсь предусмотрѣны два разныхъ случая: первый, когда нога будетъ цѣла, и второй, когда она будетъ охромлена. Но языкъ 1-й Правды имѣетъ свои особенности: слово *или* употреблено ею въ значеніи

[1]) Акад. спис., ст. 28, 31, 32, 38.

[2]) Ibid., ст. 16.

[3]) Ibid., ст. 5.

и если. Слѣдовательно, вторая часть цитированной фразы дополняетъ первую, а въ общемъ это постановленіе имѣетъ въ виду только одинъ случай увѣчья, когда нога останется цѣла, но начнетъ хромать. Тотъ же смыслъ придается этому термину и въ другихъ статьяхъ 1-й Правды: «или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока» [1]); «или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротоу» [2]); «поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то поручника за пять дніи» [3]); «или холопъ оударить свободна моужа,... то холопа поятн» [4]). Эта филологическая особенность удерживается и во 2-й части краткой редакціи. Въ ней говорится: «а иже оубьють огнищанина въ разбои, или убиица не ищоуть, то вирное платити въ неи же вн. р. и голова начнеть лежати» [5]). Выраженіе «или оубиица не ищоуть» указываетъ не на второй возможный случай, когда вервь уплачиваетъ виру, а лишь дополняетъ и разъясняетъ предъидущую фразу «а иже оубьють огнищанина въ разбои» и такимъ образомъ устанавливаетъ то положеніе, что община отвѣчала, если на лицо были оба условія вмѣстѣ, а не то или другое изъ нихъ альтернативно. И въ другихъ постановленіяхъ 2-й Правды слово *или* имѣетъ аналогичное значеніе: «или ихъ будеть 18, то потрі гривнѣ и по 30. рѣзанъ платиті моужеви» [6]); «или смердъ оумоучать,... за обиду 3. гривны» [7]); «или ся пригодити въ говѣніе рьбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ» [8]). Такимъ образомъ,

---

[1]) Акад. спис., ст. 2.

[2]) Ibid., ст. 9.

[3]) Ibid., ст. 13.

[4]) Ibid., ст. 16.

[5]) Ibid., ст. 19.

[6]) Ibid., ст. 29.

[7]) Ibid., ст. 31.

[8]) Ibid., ст. 42. По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что толкователи краткой Правды, не принявъ во вниманіе особенностей ея терминологіи, полагаютъ что слово *или* въ 19 ст. Акад. сп. («или убиица не ищоть») представляетъ собою искаженіе текста со стороны переписчика. Напр., Ланге считаетъ его неумѣстно поставленнымъ и предлагаетъ замѣнить его союзами *а* или *и* (Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 106); М. Ф. Владимірскій-Будановъ говоритъ: «здѣсь, очевидно, слѣдуетъ читать вмѣсто *или—и*, потому что убійство въ обиду и убійство въ разбоѣ обозначаетъ одно и тоже преступленіе» (Христоматія, Вып. I, 1908 г., стр. 26, прим. 4) и т. д.

союзъ «или» въ смыслѣ «и если» послѣдовательно употребляется въ обѣихъ частяхъ краткой Правды; между тѣмъ въ распространенной редакціи, составленной другимъ лицомъ, измѣняются и формы выраженія въ аналогичныхъ статьяхъ.

Если обѣ части краткой редакціи объединяются и личностью автора и временемъ происхожденія, то спрашивается, кѣмъ и когда онѣ были написаны?

III.

Авторъ краткой Правды и время ея составленія.

Всѣ сохранившіеся и извѣстные намъ списки краткой редакціи извлечены изъ Новгородскихъ лѣтописей. Слѣдовательно, она должна быть признана произведеніемъ новгородской письменности. То обстоятельство, что одинъ изъ ея списковъ, не дошедшій до насъ, былъ открытъ Татищевымъ въ составѣ Ростовской лѣтописи, не опровергаетъ высказаннаго положенія. Судя по отдѣльнымъ варіантамъ его, приведеннымъ у Татищева, можно догадываться, что онъ не принадлежалъ къ числу первоначальныхъ и древнѣйшихъ списковъ краткой Правды, а потому и не можетъ свидѣтельствовать о мѣстѣ ея составленія. Новгородское происхожденіе краткой редакціи отразилось и на порядкѣ расположенія составныхъ ея частей. Особенность этого порядка заключается въ томъ, что Новгородская Правда положена въ основу сборника и стоитъ на первомъ мѣстѣ, тогда какъ Кіевская Правда слѣдуетъ за нею, въ качествѣ дополнительной части. Такая послѣдовательность изложенія вполнѣ естественна: составитель свода исходилъ отъ своего отечественнаго права и придавалъ ему болѣе важное значеніе, чѣмъ праву другой области. Терминологія краткой редакціи также обличаетъ въ ея авторѣ новгородца. Во 2-й части ея, излагающей право Кіевской Руси, нѣсколько разъ упоминаются огнищане. Это было наименованіе старшихъ дружинниковъ, не встрѣчающееся въ южно-русскихъ памятникахъ и составлявшее

особенность одного Новгорода: мы находимъ его только въ новгородскихъ лѣтописяхъ [1]).

Возникаетъ вопросъ, могъ ли Новгородецъ знать Кіевское право? Такая возможность допустима, потому что въ первые вѣка нашей исторіи Новгородъ находился въ постоянномъ и близкомъ общеніи съ Кіевомъ. Обѣ области были объединены политической связью. Власть Кіевскаго князя распространялась и на Новгородъ. При такихъ условіяхъ, посѣщеніе Кіева новгородцами должно было имѣть характеръ обычнаго и зауряднаго явленія. Оно вызывалось необходимостью разрѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ государственной жизни путемъ соглашенія съ княземъ. Новгородъ подчинялся Кіеву и въ церковномъ отношеніи: по дѣламъ церковнаго управленія и суда. Новгородскіе епископы обязаны были обращаться къ митрополиту и ѣздить въ Кіевъ, оставаясь тамъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Наконецъ, торговые интересы также сближали новгородцевъ съ Кіевомъ, гдѣ они имѣли даже собственную церковь св. Михаила [2]).

Что касается вопроса о времени составленія краткой редакціи, то при рѣшеніи его нужно исходить отъ заглавія, которымъ сопровождается вторая ея часть: «Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула». Эта надпись показываетъ, что 2-я Правда могла возникнуть не ранѣе упомянутаго въ ней съѣзда. Но такъ какъ краткая редакція есть произведеніе одного лица, написанное въ одинъ пріемъ, то таже хронологическая дата должна быть распространена и на 1-ю Правду.

Приведенное заглавіе не можетъ быть признано позднѣйшей припиской къ тексту, потому что подробное и поименное перечисленіе участниковъ съѣзда свидѣтельствуетъ о такомъ близкомъ и непосредственномъ знакомствѣ съ описываемымъ событіемъ, какое могъ имѣть только его современникъ, но не послѣдующій пере-

---

[1]) *П. Мрочекъ-Дроздовскій*, назв. соч., Приложенія ко 2-му выпуску, стр. 117—119.

[2]) *Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви, т. I-й, стр. 671—674; *Н. И. Костомаровъ*, Сѣверно-русскія Народоправства, стр. 349, 371—372.

писчикъ. Автентичность его не опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что Р. Правда считается памятникомъ частнаго происхожденія: употребляя выраженіе — *Правда, оуставлена Роуськои земли,*—авторъ вовсе не имѣлъ въ виду оффиціальной кодификаціи, а, очевидно, хотѣлъ только сказать, что въ сборникъ его вошли княжескіе уставы, подъ именемъ которыхъ онъ разумѣлъ не одни законодательныя постановленія въ точномъ смыслѣ этого слова, но и судебные приговоры, какъ показываетъ ст. 21-я Акад. сп., гдѣ рѣшеніе князя Изяслава по поводу убійства его стараго конюха названо уставомъ. Хронологической датѣ, выставленной въ заглавіи, противорѣчитъ лишь 42-я ст. Ак. сп., которая содержитъ въ себѣ законъ Ярослава, конечно, изданный раньше съѣзда. Но кодификаторъ не скрылъ этого противорѣчія, оговорившись въ концѣ статьи: «то ти оурокъ Ярославль». Эта оговорка еще болѣе подтверждаетъ подлинность надписанія, потому что, въ случаѣ отсутствія послѣдняго, она оказалась бы излишней.

Не всѣ писатели признаютъ подлинность заглавія. Нѣкоторые изъ нихъ оспариваютъ ее . Напр., проф. П. В. Голубовскій полагаетъ, что первоначальный текстъ 2-й Правды не имѣлъ надписи, но вмѣсто нея заключалъ въ себѣ запись объ отмѣнѣ мести, изложенную, вѣроятно, въ той самой редакціи, которая извѣстна намъ изъ пространныхъ списковъ Р. Правды. Повидимому, въ той рукописи, которая служила оригиналомъ переписчику краткой редакціи, текстъ этой записи былъ значительно испорченъ. Въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ ея можно было еще прочитать о томъ, что былъ какой-то съѣздъ сыновей Ярослава, и что въ съѣздѣ принимали участіе такіе то совѣтники; но вторая и самая существенная часть записи, излагавшая результатъ съѣзда. или совсѣмъ выпала изъ текста, или же была настолько искажена, что не представлялось возможности возстановить ее. Теряясь въ догадкахъ, что могла обозначать испорченная запись, переписчикъ остановился на томъ предположеніи, что на съѣздѣ Ярославичей была издана вся вторая половина краткой Правды. Этотъ выводъ казался ему тѣмъ болѣе правильнымъ, что первая часть сборника, только что переписанная имъ, считалась произведеніемъ Ярослава Мудраго. Соотвѣтственно

такому пониманію и былъ восполненъ недостающій текстъ рукописи. Такимъ образомъ, указаніе на законодательную дѣятельность съѣзда, относившееся въ подлинникѣ только къ отмѣнѣ мести, позднѣйшимъ переписчикомъ было обобщено и распространено на всю 2-ю часть краткой редакціи [1]).

Объясненіе проф. П. В. Голубовскаго встрѣтило сочувствіе со стороны акад. М. А. Дьяконова, который нашелъ его заслуживающимъ полнаго вниманія и даже включилъ въ текстъ своего учебника по исторіи русскаго права [2]) Однако, нельзя сказать, чтобы эта оцѣнка была справедлива и отвѣчала дѣйствительности. На мой взглядъ, догадка проф. Голубовскаго совершенно произвольна, и, конечно, жаль будетъ, если она получитъ распространеніе, благодаря авторитетной поддержкѣ М. А. Дьяконова. Видѣть въ заглавіи 2-й Правды результатъ искаженія первоначальнаго текста можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы сохранились другіе ея списки безъ заглавія. Но такими списками мы не располагаемъ. Заглавіе имѣется во всѣхъ рукописяхъ, какъ постоянная и неотъемлемая ихъ принадлежность. Затѣмъ, въ подтвержденіе своей гипотезы, профессоръ Голубовскій не приводитъ никакихъ доказательствъ, основанныхъ на палеографическомъ анализѣ текста. Онъ ссылается только на тотъ фактъ, что рукописи съ теченіемъ времени портятся вслѣдствіе ветхости ихъ, по небрежности переписчиковъ и т. п. Конечно, противъ этого общаго соображенія, какъ такового, ничего нельзя возразить, но едва ли оно убѣдительно по отношенію къ данному случаю.

Скептическое отношеніе къ заглавію 2-й Правды обнаруживаетъ и проф. Гетцъ, тоже признающій его позднѣйшимъ наслоеніемъ къ тексту, появившимся по винѣ переписчика. Послѣдній, переписывая краткую редакцію, легко могъ замѣтить, что въ 1-й части ея говорится о мести, какъ о дѣйствующемъ правѣ, вторая же часть умалчиваетъ о ней, ограничиваясь денежными штрафами.

---

[1]) *П. Голубовскій*, Критико-библіографическій обзоръ трудовъ по древнѣйшему періоду русской исторіи (Кіевскія Университетскія Изв., 1907 г., № 8, стр. 60—62).

[2]) *М. А. Дьяконовъ*, назв. соч., стр. 41—43.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ обратить вниманіе на запись распространенной редакціи, сообщающую объ отмѣнѣ мести на съѣздѣ Изяслава, Святослава и Всеволода и о замѣнѣ ея денежными выкупами. Сопоставивъ оба эти наблюденія, переписчикъ рѣшилъ, что 2-я Правда, судя по общему характеру ея постановленій, очевидно, отражаетъ въ себѣ законодательную реформу названныхъ князей. Пришедши къ такому выводу, онъ нашелъ возможнымъ перенести извѣстіе о съѣздѣ Ярославичей изъ распространенной редакціи въ краткую и здѣсь помѣстить его надъ текстомъ 2-й Правды, въ качествѣ заглавія, опредѣляющаго происхожденіе ея изъ законодательной дѣятельности этихъ князей. Проф. Гетцъ не ограничивается указаніемъ на логическую возможность такого переноса и приписки. Въ отличіе отъ П. В. Голубовскаго, онъ подтверждаетъ свою мысль наблюденіями надъ текстомъ, въ которомъ имъ замѣчены слѣдующія особенности. Распространенная редакція перечисляетъ сыновей Ярослава въ томъ порядкѣ, котораго держатся и лѣтописи, т. е. сначала называется Изяславъ, потомъ Святославъ и, наконецъ, Всеволодъ. Между тѣмъ, въ заглавіи 2-й Правды они поименованы въ иной послѣдовательности: Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ. Первый порядокъ болѣе правиленъ, потому что онъ соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ отношеніямъ, существовавшимъ между сыновьями Ярослава. Слѣдовательно, запись распространенной редакціи надо признать оригиналомъ, а заглавіе 2-й Правды послѣдующимъ искаженіемъ его. Распространенная редакція, по мнѣнію проф. Гетца, даетъ также и болѣе правильный перечень княжескихъ мужей. Именно, она насчитываетъ только трехъ совѣтниковъ, по числу князей, участвовавшихъ въ съѣздѣ,—Коснячка, Перенѣга и Никифора. Между тѣмъ, краткая Правда нарушаетъ это численное соотношеніе, прибавляя къ нимъ еще четвертаго въ лицѣ Чудина Микулы. Такъ какъ онъ поставленъ въ концѣ перечня, то, очевидно, что это позднѣйшая приписка [1]).

Доводы проф. Гетца не могутъ быть признаны убѣдительными. Прежде всего нѣсколько словъ насчетъ логики переписчика. Какъ уже сказано, исходнымъ началомъ его предполагаемаго разсужденія

---

[1]) *Goetz*, назв. соч., т. II, стр. 4—6, 250—252.

былъ тотъ тезисъ, что 2-я Правда, въ отличіе отъ первой, не знаетъ мести. Слѣдующей посылкой служило извѣстіе распространенной редакціи объ отмѣнѣ мести за убійство, состоявшейся на съѣздѣ Ярославичей. Отсюда выводъ: 2-я Правда есть продуктъ законодательной дѣятельности этого съѣзда, не смотря на то, что въ ней рѣчь идетъ далеко не объ одномъ только убійствѣ. Мнѣ кажется, что едвали мы въ правѣ приписывать переписчику такой совершенно немотивированный переходъ отъ одного положенія къ другому, отнюдь не вытекающему изъ перваго, тѣмъ болѣе, что этотъ выводъ противорѣчилъ бы не только логикѣ, но и прямой очевидности. Въ самомъ дѣлѣ, переписчикъ долженъ былъ замѣтить, что въ текстѣ 2-й Правды встрѣчается не только уставъ одного Изяслава, но и урокъ Ярослава. Неужели и эти противорѣчія, рѣзко бьющія въ глаза, не въ состояніи были поколебать его увѣренности въ томъ, что весь этотъ кодексъ есть дѣло съѣзда? Далѣе, необычный порядокъ перечисленія князей не доказываетъ, что заглавіе 2-й Правды появилось позже, чѣмъ лѣтописныя извѣстія о сыновьяхъ Ярослава или запись распространенной редакціи объ отмѣнѣ мести. По этому поводу мы находимъ у проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова слѣдующее замѣчаніе: «составитель, или переписчикъ Русской Правды имѣлъ въ виду перечислить членовъ съѣзда, вовсе не заинтересованный ихъ родовыми счетами; въ лѣтописи, гдѣ рѣчь идетъ о преемствѣ обладанія Кіевскимъ престоломъ, приходилось соблюдать точное родовое старшинство князей; на съѣздѣ для постановленія законовъ это обстоятельство было неважно» [1]). Не служитъ въ пользу проф. Гетца и число княжихъ мужей: если краткая Правда насчитываетъ четырехъ совѣтниковъ, которыхъ нельзя раздѣлить поровну между тремя князьями, то такое отсутствіе ариѳметической правильности есть вѣрный признакъ того, что извѣстіе взято изъ жизни, ибо въ дѣйствительности далеко не все симметрично. Наконецъ, нахожденіе въ перечнѣ краткой Правды Микулы Чудина такъ же, какъ и наименованіе Никифора Кыяниномъ,

---

[1]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Das Russische Recht, стр. 7 (Кіевскія Универс. Извѣстія, 1912 г., № 10).

показываетъ, что авторъ черпалъ свои свѣдѣнія о составѣ съѣзда не изъ распространенной редакціи, гдѣ нѣтъ упомянутыхъ именъ, а изъ другого источника [1]).

Названные писатели не ограничиваются разсмотрѣнными выше доводами и соображеніями, но указываютъ еще цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ противорѣчій, съ которыми придется имѣть дѣло, если согласиться, что заглавіе 2-й Правды подлинно и автентично. Такъ, въ текстѣ 2-й Правды нѣтъ ни одной статьи, которая бы сопровождалась обозначеніемъ того, что она возникла изъ законодательной дѣятельности съѣзда. Мало того, нѣкоторыя статьи ея даже прямо противорѣчатъ заглавію, напр., одна изъ нихъ помѣчена, какъ уставъ Изяслава, а другая, какъ урокъ Ярослава. Наконецъ, если 2-я Правда издана на съѣздѣ Ярославичей, то непонятно, почему въ ней нѣтъ закона объ отмѣнѣ мести, быв-

---

[1]) Оспаривая мысль проф. Гетца, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу присоединиться и къ господствующему взгляду, не усматривающему никакой связи между заглавіемъ 2-й Правды и извѣстіемъ распространенной редакціи объ отмѣнѣ мести. Съ моей точки зрѣнія зависимость между ними существовала, но шла она въ направленіи, обратно-противоположномъ тому, которое указано проф. Гетцомъ, т. е. не краткая Правда заимствовала изъ пространной, а, наоборотъ запись объ отмѣнѣ мести была составлена на основаніи того матеріала, который заключался въ краткой редакціи. При обозрѣніи этого матеріала, какъ я уже имѣлъ случай объ этомъ говорить (стр. 54), можно было замѣтить, что 1-я Правда разрѣшала мстить за убійство, а по 2-й взыскивались только денежные выкупы. При чемъ, заглавіе 2-й Правды показывало, что она была составлена во время съѣзда сыновей Ярослава совмѣстно съ ихъ мужами, поименно перечисленными. При наличіи такихъ указаній, естественно было предположить, что месть за убійство отмѣнили тѣ же самые князья, на томъ же съѣздѣ и съ участіемъ тѣхъ же совѣтниковъ. Смѣю думать, что это умозаключеніе автора распространенной редакціи имѣло за себя больше основаній, чѣмъ противоположный выводъ, къ которому, по мнѣнію проф. Гетца, долженъ былъ прійти переписчикъ краткой Правды. Кромѣ того, и тѣ особенности текста, на которыя правильно обратилъ вниманіе проф. Гетцъ, могутъ быть использованы для доказательства того положенія, которое я здѣсь отстаиваю. Въ самомъ дѣлѣ, составитель краткой Правды, какъ современникъ сыновей Ярослава и какъ новгородецъ по своему происхожденію, недостаточно освѣдомленный въ мѣстническихъ счетахъ южно-русскихъ князей, могъ перечислять ихъ, руководствуясь только критеріемъ большей или меньшей близости ихъ владѣній къ Кіеву: такъ какъ Всеволодъ Переяславскій находился ближе къ Кіевскому князю, чѣмъ Святославъ Черниговскій, то онъ и поставилъ его сейчасъ же послѣ Изяслава, а

шаго самымъ важнымъ актомъ этого съѣзда [1]). Все это справедливо, но недостаточно, чтобы отвергнуть подлинность заглавія. Есть возможность выйти изъ затрудненія другимъ болѣе нормальнымъ способомъ, не прибѣгая къ такой чрезвычайной мѣрѣ.

То обстоятельство, что въ текстѣ 2-й Правды встрѣчается уставъ одного Изяслава и даже урокъ Ярослава, не можетъ подорвать довѣріе къ ея заглавію. На это противорѣчіе давно уже обращено вниманіе, но съ нимъ справлялись, давая ему слѣдующее объясненіе. Хотя въ общемъ 2-я Правда возникла на почвѣ совмѣстнаго законодательства Ярославичей, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя ея постановленія представляли собою продуктъ единоличнаго творчества отдѣльныхъ князей. Эти статьи, не подходившія къ

Черниговскаго князя отодвинулъ на третье мѣсто (*М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, назв. ст., стр. 8, прим. 1). Напротивъ, распространенная редакція была написана значительно позже. Къ тому времени окончательно опредѣлился удѣльный вѣсъ названныхъ князей въ политическихъ событіяхъ южной Россіи. Всѣмъ было извѣстно, что Святославъ игралъ болѣе видную и активную роль въ междукняжеской политикѣ и занялъ Кіевскій столъ раньше, чѣмъ Всеволодъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что авторъ ея измѣнилъ порядокъ перечисленія князей, поставивъ Святослава впереди Всеволода. Перейдя далѣе къ перечню княжескихъ совѣтниковъ, онъ не считалъ нужнымъ повторять его со всѣми подробностями оригинала. Эти подробности, вѣроятно, были интересны современнику и даже, можетъ быть, очевидцу описываемаго событія, но онѣ не представляли важности для той цѣли, которую имѣлъ въ виду авторъ распространенной редакціи. Поэтому запись краткой Правды подверглась упрощенію. Такъ какъ съѣздъ состоялъ изъ трехъ князей, то соотвѣтственно этому и число ихъ совѣтниковъ было ограничено тремя, по одному на каждаго князя. Такимъ образомъ, Микула Чудинъ оказался исключеннымъ изъ состава съѣзда. Этотъ жребій палъ на него не вслѣдствіе сознательнаго выбора, а просто потому что имя его стояло въ концѣ перечня и мѣшало установленію численнаго равновѣсія между князьями и ихъ совѣтниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ потерпѣлъ нѣкоторый ущербъ и Никифоръ: онъ былъ лишенъ своего званія «Кыянина» опять таки потому, что эта подробность для автора распространенной редакціи не имѣла никакого значенія, особенно послѣ того, какъ изъ списка былъ вычеркнутъ Микула по происхожденію Чудинъ, которому можно было бы противопоставить Никифора, въ качествѣ Кіевлянина.

[1]) *Goetz*, назв. соч., т. II, стр. 10 и 249; *М. А. Дьяконовъ*, назв. соч., стр. 41; *П. В. Голубовскій*, назв. ст., стр. 60—61, 63—65.

заглавію памятника, именно и отмѣчены авторомъ, какъ таковыя, т. е. какъ исключенія изъ общей массы постановленій, объединенныхъ подъ фирмою съѣзда. Такимъ образомъ, квалификація двухъ статей, какъ уставовъ Изяслава и Ярослава, не только ничего не говоритъ противъ подлинности заглавія, но напротивъ подтверждаетъ ее. Если бы авторъ 2-й Правды, излагая ея содержаніе, не имѣлъ въ виду уставной дѣятельности съѣзда, то для него не было бы никакой надобности сопровождать изложеніе отдѣльныхъ статей указаніями: это уставъ Изяслава, а это урокъ Ярослава. Мнѣ кажется, что можно пойти дальше и допустить, что вторая половина заглавія, начинающаяся словами—«егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ» и т. д.,—опредѣляетъ лишь время составленія 2-й Правды, а отнюдь не органъ законодательной или судебной власти, результатомъ дѣятельности котораго было появленіе этого кодекса. Если принять такое толкованіе, то въ противорѣчіи съ заглавіемъ окажется только урокъ Ярослава. Но это противорѣчіе сознавалось самимъ авторомъ, который отмѣтилъ его соотвѣтствующей припиской къ тексту, указывающей на болѣе раннее происхожденіе данной статьи.

Отсутствіе во 2-й Правдѣ постановленія объ отмѣнѣ мести тоже не порочитъ ея заглавія. И на этотъ счетъ въ литературѣ давались объясненія, можетъ быть, не вполнѣ убѣдительныя, но во всякомъ случаѣ менѣе радикальныя и рискованныя, чѣмъ предположенія проф. Гетца, П. В. Голубовскаго и А. М. Дьяконова. Именно, указывалось на то, что месть, по всей вѣроятности, была отмѣнена позже, послѣ того какъ 2-я Правда была уже готова. Съ моей же точки зрѣнія, изложенной раньше, законъ объ отмѣнѣ мести ни въ какомъ случаѣ не могъ появиться на страницахъ этого памятника, потому что его и въ дѣйствительности не существовало.

Итакъ, несмотря на попытки отдѣльныхъ писателей подорвать автентичность и достовѣрность заглавія, выдаваемаго ими за измышленіе переписчика, тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что оно остается надежнымъ источникомъ, по которому мы можемъ опредѣлить время возникновенія краткой редакціи.

IV.

Пересмотръ основаній, приводимыхъ въ доказательство болѣе ранняго возникновенія 1-й Правды.

Прежніе историки, утверждая, что 1-я Правда составлена раньше второй, обыкновенно ссылались на свидѣтельство лѣтописца, который изложенію ея предпосылаетъ разсказъ о томъ, какъ Ярославъ, одержавъ въ 1016-мъ году побѣду надъ своимъ братомъ и занявъ Кіевскій столъ, наградилъ помогавшимъ ему новгородцевъ денежными подарками, а также далъ имъ «правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите, яко же писахъ вамъ, тако же держите». Отсюда они заключали, что 1-я Правда была той грамотой, которую новгородцы получили отъ Ярослава, въ качествѣ награды за свою усердную и вѣрную службу князю. Однако, послѣдующіе ученые отвергли достовѣрность лѣтописнаго извѣстія на томъ основаніи, что оно совершенно не соотвѣтствуетъ характеру и содержанію Русской Правды, не заключающей въ себѣ никакихъ привилегій. Кромѣ того, было указано, что въ древнѣйшемъ, такъ называемомъ, Синодальномъ спискѣ Новгородской лѣтописи нѣтъ не только этого извѣстія, но и самой Русской Правды. Слѣдовательно, разсказъ о пожалованіи новгородцевъ былъ сочиненъ впослѣдствіи, по поводу внесенія ея въ текстъ лѣтописи.

Правильность изложенной аргументаціи оспаривается и съ другой точки зрѣнія. Если въ лѣтописи текстъ Р. Правды идетъ непосредственно вслѣдъ за сообщеніемъ ея о дарованіи новгородцамъ устава, то отсюда еще не слѣдуетъ неизбѣжный выводъ, что лѣтописецъ отождествлялъ оба названные памятника, и что это извѣстіе служило лишь предисловіемъ къ Русской Правдѣ, написаннымъ съ тою цѣлью, чтобы объяснить ея происхожденіе. Очень можетъ быть, что онъ сообщалъ намъ о другомъ самостоятельномъ фактѣ, именно, имѣлъ въ виду ту договорную грамоту, которая опредѣляла взаимныя отношенія между новгородцами и Ярославомъ, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ политической жизни. Необходимость новаго ряда между ними вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что Ярославъ, продолжая оставаться Новгородскимъ кня-

земъ, въ то же время занялъ столъ въ Кіевской волости и перенесъ сюда свою резиденцію. Говоря объ этомъ актѣ соглашенія, лѣтописецъ отнюдь не смѣшивалъ его съ послѣдующимъ текстомъ Русской Правды. Если же онъ нашелъ возможнымъ помѣстить ихъ рядомъ, то лишь потому что оба памятника касались области юридическихъ отношеній. Что извѣстіе о пожалованіи новгородцамъ грамоты въ 1016 году могло появиться на страницахъ лѣтописи, независимо отъ Русской Правды, это видно изъ того, что такіе же случаи имѣли мѣсто въ княженіе Ярослава и по другимъ аналогичнымъ поводамъ, напр., въ связи съ назначеніемъ Владиміра Ярославича Новгородскимъ княземъ: «и потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина, и заточи и, а сына своего Володимира посади в Новгородѣ; и писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: по сей грамотѣ ходите» [1]).

Мысль о возникновеніи 1-й Правды въ княженіе Ярослава Мудраго опирается также на свидѣтельство распространенной редакціи. Составитель ея, излагая въ своемъ сборникѣ постановленіе 1-й Правды объ убійствѣ, опредѣляетъ его, какъ правило, которое примѣнялось въ судебной практикѣ Ярослава: «судъ Ярославль Володимѣричь» [2]). Спрашивается, какую цѣну имѣетъ эта историческая дата? Можемъ ли мы довѣриться ей безусловно? Почерпнута ли она изъ жизни или же выражаетъ въ себѣ лишь болѣе или менѣе вѣроятную догадку? Чтобы судить о степени исторической освѣдомленности автора распространенной Правды, посмотримъ, какія у него были свѣдѣнія относительно эпохи не столь отдаленной, какъ время Ярослава. Я имѣю въ виду княженіе Ярославичей. При этихъ князьяхъ, сообщаетъ онъ намъ, въ русскомъ уголовномъ правѣ произошла важная реформа: они отложили убіеніе за голову; во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ судебная дѣятельность ихъ ничѣмъ не отличалась отъ практики отца [3]). Въ этомъ извѣстіи содержится цѣлый рядъ утвержденій, противорѣчащихъ исторіи. Месть имѣла силу и при сыновьяхъ Ярослава, какъ это доказываетъ случай съ волхвами на Бѣлоозерѣ, записанный лѣто-

[1]) Новгородская лѣтопись, изд. Арх. Комм., стр. 66.

[2]) Троицкій сп., ст. 1.

[3]) Троицкій сп., ст. 2.

писью подъ 1070-мъ годомъ. Денежные выкупы за убійство едва ли могли быть нововведеніемъ сыновей Ярослава, потому что взысканіе виръ извѣстно было еще при Владимірѣ Св. и даже гораздо раньше, такъ какъ уже во время Владиміра этотъ обычай, по выраженію лѣтописца, являлся «устроеніемъ дѣднимъ и отнимъ». Наконецъ, указаніе на то, что Ярославичи, отмѣнивъ убіеніе за голову, во всемъ остальномъ слѣдовали своему отцу, не правильно, ибо различіе между первой Правдой и второй, даже если мы ограничимъ свой кругозоръ постановленіями ихъ объ убійствѣ, выражалось не только въ томъ, что одна изъ нихъ знаетъ месть, а другая исключаетъ ее изъ числа наказаній. Итакъ, запись о реформаторской дѣятельности Ярославичей не оправдывается историческими фактами. Какъ показано было раньше, она заключала въ себѣ не дѣйствительный актъ законодательства, документально извѣстный автору распространенной редакціи, а лишь неудачную попытку его объяснить противорѣчіе между 1-й Правдой и второй по вопросу объ отвѣтственности за убійство. Если въ данномъ случаѣ онъ допустилъ крупную ошибку и выдалъ собственное измышленіе за дѣйствительное историческое событіе, то едва ли мы имѣемъ основаніе ожидать отъ него болѣе точныхъ свѣдѣній относительно предшествующей эпохи, въ частности, относительно судебной практики Ярослава Мудраго. Сомнительно, чтобы онъ опредѣленно и достовѣрно зналъ, изъ какого источника взята 1-я ст. краткой Правды, тѣмъ болѣе, что эта статья приписана Ярославу не въ оригинальномъ своемъ видѣ, а въ передѣлкѣ, съ измѣненіями и дополненіями ея первоначальнаго текста[1]). Именно, въ подлинникѣ говорится,

[1]) Текстъ краткой редакціи: «оубьетъ моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу; аще боудеть роусинъ, любо гридінъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои боудеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань». (Ак. сп., ст. 1). Текстъ распространенной редакціи: «аже оубиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо брату чадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ, аче будеть княжь моужь или тиоуна княжа; аще ли будеть русинъ, или гридь, любо купецъ, любо тивунъ бояресъ, любо мечникъ, любо ізгои, ли словѣнинъ: то 40 гривенъ положити зань» (Троицкій сп., ст. 1).

что за убійство, если не будетъ желающихъ мстить, уплачивается 40 гривенъ безразлично, кто бы ни былъ убитъ; между тѣмъ, какъ распространенная редакція, удерживая этотъ штрафъ, присоединяетъ къ нему еще и другую плату въ размѣрѣ 80 гривенъ, которая взыскивалась при томъ же условіи отсутствія мстителей, если убитымъ былъ княжій мужъ или тіунъ. Это дополненіе было заимствовано и перенесено сюда изъ 2-й Правды, въ которой княжіе мужи фигурируютъ подъ именемъ огнищанъ. Но въ то время, какъ 2-я Правда опредѣляетъ взысканіе 80 гривенъ за убійство въ качествѣ самостоятельнаго наказанія, а не какъ замѣну мести, авторъ распространенной редакціи совершенно произвольно сообщилъ ему альтернативный характеръ. Съ другой стороны, благодаря этому дополненію, оказалось, что княжіе мужи и тіуны заняли привилегированное положеніе въ уголовномъ правѣ не со времени Ярославичей, но пользовались имъ и въ княженіе ихъ отца. Такимъ образомъ, Ярославу приписано то, что ему не принадлежало и что составляло достояніе и особенность судебной практики его сыновей.

Такія же сомнѣнія возбуждаетъ и другое аналогичное показаніе составителя распространенной редакціи о томъ, будто бы 16-я ст. Акад. сп. возникла изъ уставной дѣятельности Ярослава Мудраго. Она содержитъ въ себѣ слѣдующее правило: хозяинъ холопа, нанесшаго ударъ свободному мужу, долженъ выдать его потерпѣвшему или же уплатить за него 12 гривенъ; «а за тымъ, гдѣ его налѣзоуть оудареныи тои моужь, да бьють его». Первая половина этого постановленія, при переходѣ въ распространенную редакцію, почти безъ измѣненій удержала свой первоначальный видъ, а вторая часть его была изложена здѣсь съ слѣдующимъ поясненіемъ и припиской: «а затѣмъ, аче и кдѣ налѣзеть оудареныи тъ своего истьця, кто его оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ» [1]). Такимъ образомъ, 16 ст. 1-й Правды трактуется, какъ уставъ Ярослава. Однако, и это свидѣтельство мы не можемъ признать

[1]) Троицкій сп., ст. 58.

вполнѣ надежнымъ и достовѣрнымъ, потому что оно заключаетъ въ себѣ рядъ несообразностей и противорѣчій. Прежде всего названная статья говоритъ о битьѣ, а не убіеніи холопа. Правда, акад. М. А. Дьяконовъ доказываетъ, что термины *бить* и *убить* не всегда различались по своему смыслу: «*бити* означаетъ не только наносить побои или удары, но нерѣдко значитъ и умертвить»; слѣдовательно, по его мнѣнію, нельзя упрекать автора распространенной редакціи въ искаженіи текста краткой Правды [1]. Тѣмъ не менѣе, толкованіе М. А. Дьяконова едва ли правильно. Можетъ быть, оно и не противорѣчитъ филологіи, но во всякомъ случаѣ чрезвычайно затрудняетъ пониманіе 16-й статьи. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя предоставляетъ господину двѣ возможности: или выдачу виновнаго холопа потерпѣвшему или уплату 12 гривенъ; такая альтернатива не имѣла бы никакого смысла, если бы хозяинъ, уплативши штрафъ, рисковалъ сверхъ того возможностью лишиться своего раба, который во всякое время могъ быть убитъ потерпѣвшимъ, встрѣтившимъ его внѣ господскаго дома. Ясно, что статья 16-я имѣла въ виду тѣлесное наказаніе, какъ показываетъ буквальный смыслъ выраженія: *да бьютъ его*. Убіянія холопа она не допускала. Поэтому преемникамъ Ярослава не было никакой надобности отмѣнять не существующій уставъ. Въ исторической замѣткѣ распространенной редакціи мы находимъ и другую непослѣдовательность. Авторъ ея говоритъ, что сыновья Ярослава «оуставиша на куны». Конечно, послѣ этихъ словъ можно было бы ожидать, что отвѣтственность холопа, оскорбившаго свободнаго человѣка, ограничивалась однимъ денежнымъ выкупомъ; однако, изъ дальнѣйшаго текста оказывается, что онъ подвергался или тѣлесному наказанію, или же уплатѣ штрафа. При наличности такихъ искаженій и противорѣчій, какое можетъ быть довѣріе къ тѣмъ историческимъ объясненіямъ, которыя даетъ намъ распространенная редакція?

По всему видно, что ни составитель распространенной редакціи, ни лѣтописецъ не имѣли никакихъ документальныхъ источниковъ, въ

---

[1]) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императ. Академіи наукъ, 1911 г., кн. 1, т. XVI, стр. 248.

которыхъ бы прямо и опредѣленно рѣшался вопросъ объ авторѣ 1-й Правды и о времени ея написанія. Мысль о возникновеніи ея при Ярославѣ сложилась у нихъ на основаніи косвенныхъ и наводящихъ указаній. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія весьма распространенное историческое явленіе, состоящее въ томъ, что юридическіе памятники, неизвѣстно кѣмъ и когда составленные, обыкновенно приписываются выдающимся государямъ, оставившимъ въ народѣ живую и яркую память о себѣ своею законодательной и реформаторской дѣятельностью. Напр., въ Византійской имперіи такими государями, къ которымъ постоянно обращалась мысль потомства, были Константинъ Великій и Юстиніанъ, а у насъ въ Россіи аналогичная роль принадлежала Владиміру Св. и Ярославу Мудрому. Поэтому, ничего нѣтъ удивительнаго, что 1-я Правда, не заключавшая въ себѣ никакихъ свѣдѣній о своемъ происхожденіи, была признана произведеніемъ знаменитаго Ярослава,—это вполнѣ согласно съ законами исторіи. Кромѣ того, и мѣстонахожденіе ея въ составѣ краткой редакціи располагало къ такому выводу: она предшествуетъ 2-й Правдѣ, значитъ, является трудомъ болѣе раннимъ.

Послѣднее соображеніе встрѣчается и у современныхъ ученыхъ, въ качествѣ одного изъ доводовъ, подтверждающихъ старшинство 1-й Правды. Однако, мнѣ кажется, что оно основано на недоразумѣніи. Надписаніе 2-й Правды дѣйствительно оттѣняетъ ея отличіе отъ первой, но не въ смыслѣ времени, а въ отношеніи мѣста. Логическій центръ тяжести этого надписанія заключается въ словахъ—*Правда оуставлена Роуськои земли.*— которыя обозначаютъ переходъ автора къ изложенію права Кіевской области, послѣ того какъ была исчерпана Новгородская практика. Такимъ образомъ, 2-я Правда противопоставляется первой только въ территоріальномъ отношеніи. Что же касается продолженія заглавія— *егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ. Святославъ* и т. д., то оно служило лишь къ болѣе точному и ближайшему опредѣленію понятія Кіевской Правды. Авторъ хотѣлъ сказать, что онъ излагаетъ ее въ томъ объемѣ, въ какомъ она обнаружилась передъ нимъ во время съѣзда названныхъ князей. Такая оговорка съ его стороны

вполнѣ естественна: какъ новгородецъ, онъ, конечно, не могъ знать Кіевскаго права въ полномъ его объемѣ; это знакомство могло быть только отрывочнымъ и случайнымъ.

Вотъ тѣ внѣшнія данныя, на основаніи которыхъ время происхожденія 1-й Правды опредѣляется княженіемъ Ярослава. Перейду далѣе къ разсмотрѣнію внутреннихъ ея особенностей, которыя, хотя и не указываютъ прямо на Ярослава, какъ на ея современника, тѣмъ не менѣе, по господствующимъ воззрѣніямъ, сообщаютъ ей отпечатокъ такой древности, которая ко времени появленія 2-й Правды сдѣлалась уже пережитой стадіей историческаго развитія.

Обыкновенно выставляется на видъ то обстоятельство, что 2-я Правда ограничиваетъ и запрещаетъ самоуправство, между тѣмъ первая разрѣшаетъ его въ весьма широкомъ объемѣ, какъ при возстановленіи имущественныхъ правъ, такъ и при возмѣщеніи личныхъ обидъ. Отсюда заключаютъ, что 1-я Правда старше второй. Провѣримъ это положеніе и посмотримъ, насколько оно оправдывается текстомъ.

Сначала о порядкѣ возстановленія имущественныхъ правъ. Статья 14-я Акад. сп. опредѣленно говоритъ, что при взысканіи *прочаго* необходимо представить 12 свидѣтелей, если отвѣтчикъ запирается. Какъ уже выяснено, она имѣетъ въ виду тотъ случай, когда доказано, что обвиняемый укралъ или присвоилъ пропавшую вещь, но самая вещь не обнаружена въ его владѣніи. Значитъ, въ этомъ случаѣ самоуправство исключалось. Истецъ долженъ былъ осуществлять свое имущественное притязаніе въ судебномъ порядкѣ. Но 1-я Правда предвидитъ другую возможность, вѣроятно, чаще встрѣчавшуюся въ практикѣ, когда вещь, украденная или присвоенная кѣмъ либо, опознана у него ея собственникомъ. Сюда относятся статьи 10, 12, 13 и 15 Акад. сп. На этотъ счетъ опредѣленія ея менѣе ясны и безспорны. Ихъ можно раздѣлить на два разряда: однѣ изъ нихъ какъ будто допускаютъ самоуправство, а другія требуютъ судебнаго слѣдствія. Именно, въ ст. 10-й говорится: если бѣглый челядинъ укроется у варяга или колбяга, и его въ теченіе 3-хъ дней не выведутъ, а затѣмъ, по прошествіи этого срока, хозяинъ найдетъ его, то онъ въ правѣ взять своего раба

и получить 3 гривны за обиду. Такая же, повидимому, упрощенная процедура описывается и въ ст. 12-й: кто похитить чужого коня, оружіе или одежду, и собственникъ опознаетъ украденную вещь въ своемъ миру, то взять ему свое и сверхъ того 3 гривны за обиду. Совсѣмъ иначе опредѣляется способъ возвращенія украденныхъ вещей и холоповъ въ статьяхъ 13 и 15-й. Здѣсь устанавливается требованіе свода: истецъ не въ правѣ взять своего раба или другую вещь на томъ основаніи, что онъ собственникъ ихъ; ему необходимо еще доказать, что отвѣтчикъ владѣетъ ими неправомѣрно.

Кажущееся противорѣчіе между названными статьями въ литературѣ объясняется различно. По мнѣнію Эверса. ст. 12-я, освящающая самоуправство, была общимъ закономъ и выражала въ себѣ нормальный порядокъ того времени. «Простота раздѣлки составляетъ основаніе сего закона... Гдѣ нахожу свою собственность, тамъ же на мѣстѣ и беру ее безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей, и тотъ, у кого я нахожу ее, долженъ сдѣлать мнѣ вознагражденіе за то, что присвоилъ себѣ мою собственность. Какъ онъ завладѣлъ ею, мнѣ до того нѣтъ дѣла; довольно, что онъ нарушилъ самый первый законъ, на коемъ основывается безопасность всякой собственности, т. е. законъ, воспрещающій брать что-нибудь чужое». Изложенное правило распространяется и на ст. 10-ю, опредѣляющую одинъ изъ частныхъ видовъ незаконнаго присвоенія чужого имущества. «Но могутъ быть случаи, когда нельзя бываетъ раздѣлаться такъ коротко и просто. Иногда случается, что тотъ, кто дѣлаетъ притязаніе на вещь, какъ на свою собственность, не знаетъ еще совершенно, точно ли она его... Скотъ, особливо мелкій, а болѣе всего оружіе часто могутъ очень походить одно на другое, такъ что трудно бываетъ отличить ихъ съ перваго взгляда. Далѣе можетъ встрѣтиться и такой случай, что тотъ, у кого я нахожу свою вещь и хочу ее взять, не отдаетъ мнѣ оной, утверждая, что она принадлежитъ ему. Въ обоихъ случаяхъ выше показанная короткая раздѣлка не можетъ уже имѣть приложенія, а потому и надлежитъ предписать другой способъ расправы». Этотъ способъ, состоявшій въ процедурѣ свода, изложенъ въ ст. 13. Наконецъ, ст. 15-я представляетъ собою дополнительное постановленіе, издан-

ное законодательной властью для частнаго случая [1]). Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Эверса, самоуправство въ періодъ 1-й Правды составляло общій и господствующій порядокъ,—о немъ говорится въ ст. 10 и 12-й; сводъ же имѣлъ мѣсто только въ отдѣльныхъ случаяхъ неясности и спорности искового притязанія,— эти исключенія предусмотрѣны въ ст. 13 и 15-й.

Иначе объясняетъ взаимное отношеніе этихъ статей проф. Гетцъ. Онъ видитъ въ нихъ отраженіе двухъ противоположныхъ принциповъ и двухъ различныхъ эпохъ въ развитіи русскаго права. По его мнѣнію, ст. 10 и 12-я, дозволяющія самоуправство и санкціонирующія частный способъ рѣшенія дѣлъ, характеризуютъ древнѣйшее состояніе общественной жизни и принадлежатъ къ первоначальному составу 1-й Правды. Статьи же 13 и 15-я, запрещающія самоуправство и требующія судебнаго разслѣдованія въ видѣ свода, возникли и были включены въ текстъ этого памятника позднѣе, послѣ того какъ въ Россію стало проникать вліяніе германскаго права, ибо сводъ обнаруживаетъ въ себѣ слѣды германскаго происхожденія и вполнѣ соотвѣтствуютъ процессу интерціаціи въ томъ видѣ, какъ изображаетъ его Lex Salica или Lex Ribuaria [1]).

Однако господствующая роль въ наукѣ принадлежитъ не изложеннымъ толкованіямъ Эверса и проф. Гетца, а инымъ воззрѣніямъ. По мнѣнію большинства ученыхъ, Русская Правда не знаетъ самоуправства въ чистомъ его видѣ, безъ всякихъ ограниченій. Она допускаетъ его только въ предѣлахъ своей общины, подъ условіемъ предварительнаго объявленія на торгу о случившейся пропажѣ и по прошествіи не менѣе 3-хъ дней послѣ публикаціи. Въ случаѣ же отсутствія хотя бы одного изъ перечисленныхъ условій, опознаніе пропавшей вещи влекло за собою сводъ. Это объясненіе опирается непосредственно на распространенную редакцію, тѣмъ не менѣе находятъ возможнымъ примѣнить его и къ соотвѣтствующимъ статьямъ краткой Правды, Напр., проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, излагая содержаніе 10-й ст. Ак. сп., говоритъ слѣдующее: «если варягъ или колбягъ укроютъ бѣжавшаго раба и по про-

---

[1]) *Эверсъ*, Древнѣйшее русское право, стр. 324—327, 334.

[2]) *Goetz*, назв. соч., т. 1-й, стр. 133—139.

шествіи трехъ дней (послѣ объявленія на торгу о побѣгѣ) не возвратятъ его хозяину, то, кромѣ возвращенія раба, уплачиваютъ три гривны (уголовнаго штрафа)» [1]). Акад. М. А. Дьяконовъ полагаетъ, что различіе между 12 и 13 ст. Акад. сп. зависѣло отъ того, что первая изъ нихъ имѣла въ виду опознаніе вещи въ предѣлахъ свой общины, а вторая—въ чужомъ мірѣ; кромѣ того, по аналогіи съ распространенной редакціей (Троицкій сп., ст. 28) можно догадываться, что ст. 12-я исходила отъ предположенія предварительной заклички [2]).

Итакъ, попытки примирить противорѣчія между отдѣльными постановленіями 1-й Правды каждый разъ сопровождались болѣе или менѣе произвольными объясненіями. Эверсъ долженъ былъ признать самоуправство общимъ и нормальнымъ порядкомъ, а судебное осуществленіе иска—исключительными случаями, хотя текстъ ея не даетъ никакихъ опредѣленныхъ указаній для такого расчлененія понятій. Точно также проф. Гетцъ вынужденъ былъ объявить ст. 13 и 15-ю позднѣйшей припиской, заимствованной изъ германскаго права,—это еще болѣе рискованное предположеніе. Наконецъ, не менѣе произвола и въ томъ способѣ, которымъ выходятъ изъ затрудненія представители господствующихъ взглядовъ: они толкуютъ ст. 10 и 12 не на основаніи ихъ собственнаго текста, а на основаніи аналогичныхъ постановленій распространенной редакціи. При чемъ, я долженъ замѣтить, что даже эта редакція не даетъ достаточнаго матеріала для тѣхъ выводовъ относительно самоуправства, которые построены на ней и потомъ перенесены отсюда въ краткую Правду. Но объ этомъ будетъ рѣчь во 2-мъ выпускѣ издаваемаго труда.

Мнѣ кажется, что всѣ приведенныя объясненія не вызывались необходимостью и были направлены къ разрѣшенію мнимаго противорѣчія, котораго въ дѣйствительности не существовало. Въ самомъ дѣлѣ, если ст. 10 и 12-я ничего не говорятъ о судебной процедурѣ, то это еще не значитъ, что можно было обойтись

---

[1]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Христоматія, 1-й вып., изд. 6-е, стр. 23, прим. 15.

[2]) Извѣстія Императ. Академіи Наукъ, 1911 г., кн. 1-я тома 16-го, стр. 237—238.

безъ нея. Онѣ вовсе не задавались цѣлью рѣшить вопросъ объ укрывательствѣ бѣглыхъ холоповъ и о кражѣ всесторонне, во всемъ его объемѣ. Онѣ ограничивались только опредѣленіемъ состава преступныхъ дѣйствій и ихъ карательныхъ послѣдствій, совершенно игнорируя порядокъ судопроизводства. Что же касается правилъ процесса, то изложенію ихъ посвящены послѣдующія ст. 13 и 15-я. Эти статьи предусматриваютъ тѣ же самые случаи, которые имѣлись въ виду и раньше, но интересуются ими исключительно съ процессуальной точки зрѣнія, сосредоточивая все вниманіе свое на описаніи свода. Такимъ образомъ, статьи 10 и 12-я не противорѣчатъ статьямъ 13 и 15-й. Напротивъ, онѣ взаимно дополняютъ другъ друга, трактуя объ одномъ и томъ же предметѣ, но съ различныхъ точекъ зрѣнія, сначала со стороны матеріальной, а затѣмъ со стороны формальной.

Статьи 10 и 12-я, даже при обособленномъ ихъ разсмотрѣніи, не оправдываютъ приписываемаго имъ значенія. Дѣйствительно, если бы онѣ имѣли въ виду самоуправство, то, конечно, мы нашли бы въ нихъ и тѣ ограниченія, на которыя обыкновенно ссылается господствующее мнѣніе, т. е. опознаніе вещи въ своей общинѣ, предварительную закличь о пропажѣ и истеченіе трехдневнаго срока послѣ нея. Между тѣмъ текстъ названныхъ статей не содержитъ въ себѣ установленныхъ требованій дозволеннаго самоуправства.

Такъ, въ ст. 10-й замѣчается отсутствіе перваго и основного условія, т. е. обнаруженія вещи въ своей общинѣ, потому что она прямо говоритъ объ укрывательствѣ раба въ чужомъ мірѣ, у варяга или колбяга. Нѣтъ въ ней указаній и на закличь. Говорятъ, что эту формальность надо подразумѣвать по аналогіи съ распространенной редакціей, но упускаютъ изъ вида, что авторъ послѣдней жилъ въ другую эпоху и въ иныхъ условіяхъ общественной жизни. Поэтому его пониманіе краткой Правды не можетъ быть приравнено къ автентическому толкованію ея даже въ томъ случаѣ, если бы его единственная задача состояла въ раскрытіи истиннаго смысла прежнихъ постановленій. Тѣмъ болѣе мы не можемъ положиться на него, принимая во вниманіе то обстоятельство, что онъ не только объяснялъ, но и дополнялъ, а также измѣнялъ краткую редакцію,

примѣнительно къ потребностямъ времени и особенностямъ мѣстнаго быта. На лицо имѣется лишь одно изъ предположенныхъ требованій, именно, истеченіе трехдневнаго срока. Но во-1-хъ, этотъ періодъ времени, по точному смыслу 10-й статьи, исчисляется не съ момента мнимой закличи, а съ того часа, какъ холопу дано было убѣжище: «аще ли челядинъ *съкрыется* любо оу варяга, любо оу колъбяга, а его за три дни не выведоутъ» и т. д. Во-2-хъ, этотъ срокъ не имѣлъ никакого отношенія къ процессу, а оказывалъ вліяніе лишь на матеріальныя послѣдствія укрывательства, т. е. истеченіе трехъ дней отнюдь не давало потерпѣвшему права на внѣсудебное осуществленіе своего иска; оно только превращало добросовѣстнаго владѣльца въ недобросовѣстнаго и служило основаніемъ уголовной отвѣтственности укрывателя. Словомъ, ст. 10-я Русской Правды должна быть истолкована въ томъ же смыслѣ, какой имѣетъ соотвѣтствующее постановленіе Литовскаго Статута о приблудныхъ домашнихъ животныхъ: «а шляхта, которые седятъ у повѣтехъ, блудные клячи и быдло маютъ водити и давати до дворовъ нашихъ, а черезъ три дни въ себе маютъ ховати; а хто бы черезъ три дни въ себе блудягу ховалъ, а ку двору нашому не далъ, а то будетъ на него переведено, и лицо въ дому его вынято; тогды маетъ въ томъ виненъ быти яко злодѣй» [1]).

То же самое приходится сказать и о 12-й ст. Акад. сп. Здѣсь также нѣтъ закличи. Ее обыкновенно заимствуютъ изъ распространенной редакціи и по аналогіи приписываютъ краткой. Но въ данномъ случаѣ даже на аналогію нельзя сослаться, ибо краткая Правда говоритъ о кражѣ: «аще *поиметъ* кто чюжь конь» и т. д., а пространная—о присвоеніи: «аче кто конь *погубитъ*» и т. д. Трехдневный срокъ тоже отсутствуетъ, что вполнѣ естественно. Разъ этотъ срокъ обозначалъ время, въ теченіе котораго владѣніе чужой вещью считалось ненаказуемымъ дѣяніемъ, то онъ и не могъ имѣть примѣненія тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о кражѣ, потому что воръ съ первой же минуты является недобросовѣстнымъ владѣльцемъ, подлежащимъ уголовной отвѣтственности. Въ одномъ только отношеніи ст. 12-я какъ будто укладывается въ рамки господству-

---

[1]) Лит. Статутъ 1566 г., разд. XIV, арт. 24.

ющей теоріи, когда говоритъ о нахожденіи украденной вещи въ *своемъ миру*. Но что значитъ это слово? Авторъ распространенной редакціи замѣнилъ его *своимъ городомъ*, а современные изслѣдователи Русской Правды придаютъ ему тотъ же смыслъ, въ какомъ оно и теперь употребляется въ Великороссіи, т. е. видятъ въ немъ указаніе на свою общину. Отсюда однако не слѣдуетъ, что такъ понималъ значеніе термина и авторъ 1-й Правды. Напротивъ, есть основаніе думать, что подъ *своимъ миромъ* онъ разумѣлъ своихъ людей, соотечественниковъ, въ отличіе отъ иностранцевъ—варяговъ и колбяговъ, которые имѣлись въ виду раньше. Такимъ образомъ, упоминаніе о своемъ мірѣ не можетъ быть объясняемо, какъ обозначеніе одного изъ условій предполагаемаго самоуправства со стороны потерпѣвшаго. Авторъ 1-й Правды, вѣроятно, хотѣлъ лишь показать, что ст. 12-я разсчитана на иную общественную среду, т. е. относится не къ иноземцамъ, а къ мѣстному населенію; вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство, можетъ быть, имѣло значеніе и въ томъ смыслѣ, что опредѣляло характеръ и мѣру отвѣтственности за кражу, другими словами, положенный за нее штрафъ въ 3 гривны уплачивался только тогда, если виновнымъ оказывался туземецъ; иностранецъ же въ такомъ случаѣ отвѣчалъ по своему національному праву.

Итакъ, 1-я Правда исключаетъ самоуправство и устанавливаетъ опредѣленныя процессуальныя нормы, которыя были обязательны для всѣхъ случаевъ возстановленія имущественныхъ правъ, конечно, кромѣ тѣхъ, когда отвѣтчикъ сознавался и безъ возраженій соглашался удовлетворить притязанія истца.

Отстаиваемая мною мысль не нова. Она была высказана еще въ половинѣ прошлаго вѣка проф. А. Станиславскимъ. «Постановленія Русской Правды, говоритъ онъ, опредѣляющія порядокъ отысканія пропавшихъ вещей, по моему убѣжденію, нисколько не предоставляютъ произвола и самоуправства хозяину этихъ вещей, а, напротивъ, положительно предписываютъ ему соблюденіе извѣстныхъ формальностей». Изложивъ затѣмъ содержаніе 12-й ст. Акад. сп. и соотвѣтствующаго ей постановленія распространенной редакціи, А. Станиславскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «эта-то статья подала поводъ Эверсу и Калачову думать, что хозяинъ про-

павшей вещи могъ отнять ее у каждаго безъ дальныхъ околичностей или формальностей. Конечно, если бы въ Правдѣ не было еще другихъ постановленій, касающихся этого же предмета, то надобно было бы согласиться съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ. Но ежели эта статья нашего памятника предоставляетъ хозяину пропавшей или украденной вещи право взять ее обратно, то вслѣдъ за тѣмъ она также опредѣляетъ, какимъ именно образомъ онъ можетъ получить ее, устраняя мысль о самоуправствѣ, которое, равно въ быту общественномъ, какъ и въ такъ называемомъ естественномъ состояніи (im Naturstande), вело бы необходимо къ враждѣ, дракѣ или войнѣ» [1]).

Перехожу къ вопросу о томъ, допускаетъ ли 1-я Правда самоуправство при защитѣ личныхъ правъ. Предшествующее изложеніе даетъ намъ основаніе замѣтить слѣдующее: если возстановленіе имущественныхъ правъ сопровождалось вмѣшательствомъ и контролемъ суда, то надо думать, что и возмѣщеніе личныхъ обидъ не было предоставлено произволу и усмотрѣнію потерпѣвшаго лица, а подчинялось извѣстнымъ процессуальнымъ правиламъ. Дѣйствительно, такое предположеніе подтверждается ближайшимъ знакомствомъ съ относящимися сюда статьями.

Начну съ самаго легкаго и незначительнаго посягательства, направленнаго противъ личности. Ст. 9-я Академ. сп. даетъ опредѣленіе на тотъ случай, когда одинъ толкнетъ другого: «аще ли ринеть моужь моужа, любо отъ себе, любо къ собѣ». И что же? Для того, чтобы получить денежное удовлетвореніе за эту обиду, потерпѣвшій долженъ былъ обратиться въ судъ и доказать свое обвиненіе показаніемъ двухъ свидѣтелей или присягой. Такимъ образомъ, плата взыскивалась по суду. Возможность самоуправства исключалась.

Ст. 2-я Акад. сп. показываетъ, что и личное возмездіе обидчику предполагало предварительный судебный приговоръ: «или боудсть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человѣкоу томоу; аще не боудеть на немъ знаменіа никотораго же,

---

[1]) Юридическій Сборникъ, изд. Д. Мейеромъ, 1855 г., стр. 198.

толи пріидеть видокъ; аще ли не можеть, тоу томоу конець; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти емоу за обиду 3. гривнѣ, а лѣтцю мъзда». Это значитъ: пострадавшій, если онъ окровавленъ или покрытъ синяками, не обязанъ представлять свидѣтеля; при отсутствіи же на тѣлѣ знаковъ насилія, требуются свидѣтельскія показанія; доказавъ такъ или иначе свое обвиненіе, истецъ могъ мстить обидчику или же взять съ него денежный выкупъ; но если никакихъ доказательствъ не будетъ, то дѣло прекращается: «тоу томоу конець», т. е. потерпѣвшій не въ правѣ былъ продолжать преслѣдованіе обидчика. Такимъ образомъ, месть за раны и побои была исполненіемъ судебнаго приговора, а не актомъ самоуправства. Этотъ характеръ ея выраженъ, какъ въ положительномъ требованіи судебнаго слѣдствія, такъ и въ отрицательной резолюціи, прекращавшей дѣло въ случаѣ неимѣнія доказательствъ.

Менѣе опредѣленно высказывается 1-я Правда о мести за увѣчье въ 5 ст. Акад. сп.: «аще боудеть нога цѣла, или начьнеть храмати, тогда чада смирять». Тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что и къ этому случаю примѣнялось общее процессуальное правило о мужѣ кровавомъ или синемъ, установленное въ ст. 2-й, т. е. прежде чѣмъ смирять обидчика, надо было доказать его вину. Такое толкованіе тѣмъ болѣе умѣстно, что *смирить* значитъ—укротить, исправить. Слѣдовательно, месть за увѣчье допускалась только, какъ мѣра обузданія преступника, чѣмъ, конечно, исключалась возможность лишенія его жизни. Но если произволъ изувѣченнаго или его дѣтей былъ ограниченъ въ отношеніи выбора формъ возмездія, то было бы непослѣдовательнымъ допустить, что для осуществленія права мести не требовалось предварительнаго разсмотрѣнія дѣла судомъ.

Соотвѣтственно сказанному должна быть истолкована и 1-я ст. Акад. сп., узаконяющая месть за убійство: «оубьеть моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца» и т. д.; «аще не боудеть кто мъстя, то 40 гривенъ за голову». На основаніи цитированнаго отрывка нельзя сказать опредѣленно, допускалась ли месть до суда, или же ей предшествовало судебное рѣшеніе. Но если поставить эту статью въ связь съ другими постановленіями 1-й Правды и если принять во вниманіе то обстоятельство, что даже болѣе легкія

правонарушенія преслѣдовались по суду, то необходимо прійти къ выводу, что и случаи убійства требовали судебнаго разбирательства обвиненія. Если обвиняемый въ нанесеніи ранъ и побоевъ пользовался судебными гарантіями, то тѣмъ болѣе онѣ были необходимы для того, кого преслѣдовали, какъ убійцу, потому что месть за убійство, само собой разумѣется, имѣла болѣе серьезный характеръ и сопровождалась болѣе тяжкими послѣдствіями для преступника, чѣмъ месть за раны и побои. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ вида еще слѣдующее соображеніе. За раны и побои мстилъ самъ потерпѣвшій, который, конечно, зналъ въ лицо своего обидчика. Слѣдовательно, здѣсь не могло быть сомнѣній въ томъ, что месть будетъ направлена по настоящему адрессу. Не смотря на это, все же истецъ долженъ былъ обращаться въ судъ. Тѣмъ болѣе оправдывалась необходимость судебнаго разслѣдованія дѣла въ случаѣ убійства. Убійцу преслѣдовали не потерпѣвшій, а его родственники, которые далеко не всегда являлись свидѣтелями и очевидцами совершеннаго преступленія. О предполагаемомъ убійцѣ часто они могли только догадываться на основаніи тѣхъ или другихъ уликъ. Но эти подозрѣнія не всегда совпадали съ дѣйствительностью. Такимъ образомъ, только судъ болѣе или менѣе могъ предупредить ошибку и гарантировать направленіе мести противъ дѣйствительнаго виновника убійства.

Итакъ, месть 1-й Правды обнимала всевозможные виды личныхъ наказаній, опредѣляемыхъ судомъ. Своеобразная особенность ихъ заключалась въ томъ, что онѣ примѣнялись къ преступнику по требованію заинтересованной стороны. Если такого требованія не было предъявлено, «аще не боудеть кто мъстя», «оже ли себе не можеть мьстити», то присуждалась денежная плата. Кромѣ того, надо полагать, что приговоръ суда приводился въ исполненіе не органами государственной власти, а личными силами потерпѣвшаго или его родственниковъ: осужденный преступникъ выдавался имъ на месть.

Толкованіе мести, какъ личнаго наказанія, не согласно съ современнымъ значеніемъ этого слова, но оно не противорѣчитъ особенностямъ древне-русской терминологіи. Въ древности понятіе наказанія обозначалось различными терминами. Поскольку наказаніе

причиняло личныя страданія, оно называлось мукой. Напр., въ славяно-русскомъ переводѣ Византійскихъ кодексовъ, включенныхъ въ Кормчую Книгу, часто встрѣчается слово *мука* тамъ, гдѣ въ греческомъ текстѣ стоитъ *τιμωρία*, а въ латинскомъ—supplicium или poena [1]). Тотъ же смыслъ имѣло оно и въ 31 ст. Акад. сп. о мукѣ безъ разрѣшенія князя. Наказаніе служило также цѣлямъ обузданія и исправленія преступника. Если смотрѣли на него съ этой точки зрѣнія и хотѣли оттѣнить этотъ моментъ въ его понятіи, то употребляли соотвѣтствующее выраженіе *смирить*. Напр., въ 17 в. архимандритъ Тихвинскаго монастыря Варсонофій приговорилъ «старца Игнатья за то, что онъ пьянскимъ обычаемъ старца Манасею рѣзалъ ножомъ, смирять плетьми» [2]). Очевидно, что и ст. 5-я Акад. сп., разрѣшающая дѣтямъ изувѣченнаго *смирить* виновнаго, имѣетъ въ виду такое же значеніе термина. Наконецъ, наказаніе называлось местью, поскольку оно являлось возмездіемъ за преступленіе и поскольку въ немъ видѣли средство удовлетворить гнѣвъ и раздраженіе потерпѣвшаго или его родственниковъ. Месть въ смыслѣ наказанія встрѣчается, какъ въ бытовыхъ, такъ и въ юридическихъ памятникахъ нашей древности. Напр., по лѣтописному разсказу, Владиміръ Галицкій опредѣлялъ призваніе князей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Богъ поставилъ насъ волостелями на месть злодѣямъ и въ добродѣтель благочестивымъ» [3]). Въ Судебникѣ царя Константина сказано: если кто нибудь ударитъ своего раба жезломъ, и рабъ умретъ отъ руки его, «судомъ да ся мстить» [4]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и Русская Правда, говоря о мести, употребляетъ этотъ терминъ въ условномъ и техническомъ его смыслѣ, а не исходитъ изъ того пониманія, которое свойственно современной рѣчи.

Изложенный взглядъ на месть расходится съ общепринятымъ опредѣленіемъ ея, какъ частнаго самоуправства. Я не могу присоединиться къ этому воззрѣнію, потому что не считаю его до-

---

[1]) Ὁ Πρόχειρος νόμος, изд. Zachariae, tit. 39, §§ 27, 33 и др.; Законъ Градской, грань 39, §§ 27, 33 и др.

[2]) Акты юридическіе, изд. Археогр. Коммиссіи, № 70.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ*, Древн. р. пр., т. 1-й, стр. 14.

[4]) Софійскій Временникъ, ч. 1-я, стр. 143.

статочно обоснованнымъ. Правда, оно имѣетъ за собою вѣковую давность, но нельзя сказать, чтобы доказательства его отличались соотвѣтствующей солидностью. Вѣроятно, я не очень погрѣшу противъ истины и не слишкомъ преувеличу, если скажу, что представители господствующихъ взглядовъ въ своихъ объясненіяхъ по поводу мести опираются только на современное значеніе этого слова и на аналогію съ уголовнымъ правомъ первобытныхъ народовъ. Между тѣмъ остается не выясненнымъ, какъ согласить господство легализованнаго самоуправства съ тѣмъ состояніемъ культуры и съ тѣми формами общественности, которыхъ достигла наша древность, и въ которыхъ обнаруживается довольно высокая степень развитія. Игнорируется далѣе то обстоятельство, что судъ былъ потребностью русскаго общества еще до Рюрика, такъ какъ призваніе его было результатомъ слѣдующаго рѣшенія: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Спрашивается, какія дѣла входили въ компетенцію княжескаго суда, если признать, что даже важнѣйшее изъ нихъ объ убійствѣ не требовало судебнаго разсмотрѣнія не только при Рюрикѣ, но и гораздо позже —при Ярославѣ Мудромъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ не обращаютъ вниманія на то, что состояніе самоуправства не могло быть названо русской правдой 11 в., ибо оно не считалось таковой даже въ 9 вѣкѣ: «и *не бѣ* въ нихъ *правды,* и вста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ» и т. д. Значитъ, уже въ 9 вѣкѣ самосудъ не только не составлялъ правды, но признавался до такой степени нетерпимымъ, что для прекращенія его обращаются къ крайнему средству, т. е. призываютъ иноземныхъ князей. Мнѣ кажется также, что послѣдователи господствующаго мнѣнія погрѣшаютъ и въ толкованіи отдѣльныхъ постановленій Русской Правды, не объединяя ихъ общей перспективой и упуская изъ вида ихъ взаимную связь и зависимость; вотъ почему нѣкоторые изъ нихъ, признавая судебную месть въ случаѣ нанесенія ранъ и побоевъ, въ то же время отвергаютъ ее въ случаѣ убійства и увѣчья, не объясняя, на чемъ основано это различіе. Наконецъ, аргументація ихъ не считается съ особенностями древне-русской терминологіи, придавая слову *месть* современный смыслъ.

Если авторъ 1-й Правды подъ именемъ мести разумѣлъ исполненіе судебнаго приговора, предоставленное потерпѣвшему или его родственникамъ, то нѣтъ никакого основанія видѣть въ ней одинъ изъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о болѣе древнемъ возникновеніи этого кодекса. Месть съ такимъ значеніемъ извѣстна и 2-й Правдѣ. Дѣйствительно, запрещая мучить смерда, огнищанина и тіуна безъ княжа слова, она тѣмъ самымъ предполагаетъ правомѣрную возможность такихъ случаевъ, когда одно лицо подвергаетъ мукѣ другое съ разрѣшенія князя, т. е. наказываетъ его за то или другое преступленіе на основаніи судебнаго опредѣленія. Въ послѣднемъ случаѣ на лицо будетъ то же самое дѣйствіе, которое 1-я Правда называетъ местью. Затѣмъ, по этому поводу умѣстно вспомнить о той мести, которой подверглись со стороны потерпѣвшихъ волхвы на Бѣлоозерѣ, по распоряженію воеводы Яна, состоявшаго на службѣ у Черниговскаго князя Святослава и, слѣдовательно, бывшаго современникомъ 2-й Правды. Не надо также забывать, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ наказаніе удерживало характеръ мести даже въ позднѣйшій періодъ его исторіи: здѣсь осужденный преступникъ выдавался потерпѣвшему или его родственникамъ, и отъ ихъ усмотрѣнія зависѣло, подвергнуть ли его заслуженной карѣ въ полной мѣрѣ, или смягчить положенное наказаніе, а можетъ быть, и совсѣмъ простить обидчика.

Месть, какъ самоуправство, допускается 1-й Правдой лишь въ одномъ случаѣ: «аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью и т. д., то 12 гривнѣ; аще сего не постигноуть, то платити емоу, то тоу конець» [1]). Но этого случая нельзя обобщать. Онъ представляетъ собою исключеніе изъ общаго правила, объясняемое особеннымъ психологическимъ состояніемъ обиженнаго, который не могъ стерпѣть побоевъ, нанесенныхъ ему позорящими орудіями. Словомъ, здѣсь имѣется въ виду состояніе аффекта. Конечно, оно не могло быть продолжительнымъ. Вотъ почему, если обидчикъ успѣлъ уйти, «аще сего не постигноуть», то потерпѣвшій терялъ право мстить, встрѣтивши его въ другомъ мѣстѣ. Предполагалось, что раздраженіе его съ теченіемъ времени должно было болѣе или

---

[1]) Акад. сп., ст. 3.

менѣе успокоиться, и онъ могъ уже овладѣть собою. Это постановленіе также не составляетъ отличительной особенности 1-й Правды, потому что и 2-я Правда разрѣшаетъ убить вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія: «аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубитъ» [1]). Дѣйствіе, объявляемое въ этой статьѣ ненаказуемымъ, приблизительно той же юридической природы, что и предшествующій случай. Разница между ними только въ томъ, что ненаказуемое убійство вора предполагаетъ не только состояніе раздраженія и запальчивости при видѣ совершающагося правонарушенія, но и защиту собственности. Кромѣ того, разсмотрѣнное постановленіе 1-й Правды не можетъ служить характернымъ показателемъ ея древности еще и потому, что такое самоуправство подъ вліяніемъ аффекта допустимо и на высшихъ стадіяхъ правового развитія. Напр., по поводу одного дѣла о побояхъ, разсмотрѣннаго въ 1540 году Гродненскимъ земскимъ судомъ, было приведено слѣдующее правило изъ Литовскаго Статута, не встрѣчающееся, впрочемъ, въ извѣстныхъ намъ изданіяхъ этого кодекса: «если бы хто мялъ кого гдежъ кольвекъ збити, а оный збитый, хочъ бы мало погодивши, не взыскуючи правомъ на томъ, хто его збилъ, а на другомъ местцы мялъ бы оному, хто его збилъ, мстити бою своего, а бити его, тогды тотъ, который бы мялъ то вчинити, бой свой тратитъ и того, кому ся мстилъ бою своего, ма навязати водлугъ стану его» [2]). Отсюда вытекаетъ положеніе, сходное съ тѣмъ, которое высказано въ 1-й Правдѣ: можно было мстить за обиду немедленно послѣ ея причиненія и на томъ же самомъ мѣстѣ; иначе, при отсутствіи этихъ условій, самоуправство наказуемо. Такой выводъ подтверждается и подробностями судебнаго слѣдствія по данному дѣлу, при разсмотрѣніи котораго судья старался главнымъ образомъ выяснить, въ какомъ мѣстѣ потерпѣвшій расправился съ своимъ обидчикомъ. При чемъ, основаніемъ обвинительнаго приговора послужило то обстоятельство, что ударъ ему былъ нанесенъ въ свѣтлицѣ, а билъ онъ своего противника на порогѣ, при выходѣ изъ свѣтлицы, и въ сѣняхъ.

---

[1]) Акад. сп., ст. 38.

[2]) Акты Виленской Археогр. Комм., т. 17, № 634.

Итакъ, одинъ изъ основныхъ устоевъ, на которомъ держится общепринятое мнѣніе о старшинствѣ 1-й Правды передъ второй, долженъ пасть, если согласиться съ тѣмъ, что она не знала ни имущественнаго самоуправства, ни личной мести въ современномъ смыслѣ этого слова.

Какъ показано выше, это мнѣніе основывается и на другихъ отличительныхъ особенностяхъ 1-й Правды, которыя будто бы сообщаютъ ей болѣе архаическій характеръ. Въ ней совсѣмъ нѣтъ князя, денежныя взысканія за преступленія уплачиваются потерпѣвшему или его родственникамъ, все свободное населеніе въ юридическомъ отношеніи представляетъ безразличную массу и т. п. Напротивъ, 2-я Правда, по господствующимъ взглядамъ, имѣетъ дѣло съ высшей стадіей общественнаго и правового развитія Россіи: князь играетъ въ ней весьма видную роль, какъ законодатель и судья, какъ землевладѣлецъ и начальникъ, которому подчиненъ довольно многочисленный штатъ служилыхъ людей; ей извѣстны виры и продажи, т. е. публичные уголовные штрафы; она принимаетъ во вниманіе общественное положеніе потерпѣвшихъ, различаетъ огнищанъ, смердовъ и т. д. Мнѣ кажется, что перечисленныя особенности 1-й Правды сравнительно со второй объясняются не ходомъ времени, отдѣляющаго одинъ памятникъ отъ другого, а областными отличіями права, наложившими на эти памятники свой отпечатокъ: именно, многое зависѣло отъ того, что 1-я Правда имѣла въ виду Новгородъ, а вторая воспроизводила юридическій бытъ Кіевской Руси. Кромѣ того, указанныя различія обоихъ памятниковъ до извѣстной степени были предопредѣлены планомъ кодификаціи, который состоялъ въ томъ, что 1-я часть краткой редакціи должна была изобразить *русскую правду* съ точки зрѣнія частнаго лица, а вторая—съ точки зрѣнія государства. Считаю достаточнымъ ограничиться этими краткими замѣчаніями, потому что болѣе подробное изложеніе ихъ дано въ предшествующихъ отдѣлахъ книги.

Нѣкоторые ученые, не находя въ 1-й Правдѣ слѣдовъ христіанства, видятъ въ отсутствіи ихъ доказательство ея дохристіанскаго происхожденія. Чтобы показать шаткость этой аргументаціи, можно было бы сослаться на тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ Новгородѣ христіанство установилось позже, чѣмъ въ Кіевѣ. Впро-

чемъ, гораздо проще и естественнѣе опереться на другое объясненіе: именно, 1-я Правда настолько кратка и касается такихъ предметовъ, которые не давали никакого повода, чтобы обнаружить христіанскія воззрѣнія того общества, быть котораго она отражала.

Наконецъ, многіе изслѣдователи придаютъ значеніе даже тому обстоятельству, что ст. 17-я Акад. сп. употребляетъ слово «скотъ» въ смыслѣ денегъ. Говорятъ, что терминологія 1-й Правды древнѣе, чѣмъ—второй. Однако, едва ли правильно это замѣчаніе. Упомянутое выраженіе встрѣчается и въ позднѣйшихъ новгородскихъ памятникахъ, которые, по крайней мѣрѣ, на сто лѣтъ моложе краткой Правды. Я имѣю въ виду договорную грамоту новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г. гдѣ въ ст. 10-й сказано слѣдующее: «оже емати *скотъ* Варягоу на Роусинѣ, или Роусину на Варязѣ» и т. д.

Такимъ образомъ, пересмотръ доказательствъ, приводимыхъ въ пользу болѣе ранняго составленія 1-й Правды, еще болѣе убѣждаетъ меня въ правильности того положенія, обоснованіе котораго было предметомъ настоящей главы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Краткая Правда, какъ памятникъ національнаго самоопредѣленія русскаго общества въ области права.

Извѣстно, что въ первый періодъ нашей исторіи Россія не представляла собою политическаго единства. Она дробилась на множество независимыхъ государствъ, которыя жили своими мѣстными интересами и нерѣдко находились во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Политическая обособленность и сепаратизмъ отдѣльныхъ областей составляли основную и характерную черту нашей древности. Но замѣчательно, что Русская Правда выдѣляется изъ круга явленій, обозначенныхъ этой особенностью. Нельзя сказать, чтобы авторъ ея былъ зараженъ мѣстнымъ патріотизмомъ и думалъ исключительно объ интересахъ своего княжества. Напротивъ того, по всему видно, что онъ руководился противоположными тенденціями и стоялъ на болѣе широкой точкѣ зрѣнія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего составъ краткой редакціи. Она не ограничивается изложеніемъ новгородскаго права, а объединяетъ въ себѣ юридическія нормы Новгорода и Кіевской Руси, удѣляя тѣмъ и другимъ одинаковое вниманіе, разсматривая ихъ, какъ равноцѣнныя величины. Такая объективная и нейтральная постановка вопроса, чуждая областной розни и антагонизма, получила еще болѣе яркое выраженіе въ наименованіи сборника Русской Правдой. Это наименованіе открываетъ намъ не узкій горизонтъ отдѣльной области, а болѣе грандіозную перспективу, и показываетъ, что передъ мысленнымъ взоромъ составителя краткой Правды носился образъ единой Россіи, которая, хотя и не была воплощена въ реальныя политическія формы, тѣмъ не менѣе представляла собою одно этнографическое цѣлое. Замѣтимъ, что оффиціальная кодификація не поднималась на такую высоту общерус-

скаго сознанія не только въ періодъ Русской Правды, но и въ послѣдующее время Московскаго государства. Наконецъ, руководящая идея автора краткой редакціи обнаруживается и въ способѣ выполненія взятой имъ на себя задачи. Мы уже видѣли, что, начавъ съ Новгорода и перейдя затѣмъ къ южной Россіи, онъ вовсе не стремился къ тому, чтобы обѣ мѣстности были представлены во всей совокупности принадлежащихъ имъ юридическихъ нормъ. Не только право Кіевской Руси, но и новгородское право изложены имъ съ пропусками, которые дѣлались сознательно, съ цѣлью избѣжать повтореній и противорѣчій. Такимъ образомъ, составитель свода заботился болѣе о единствѣ и цѣльности общерусской правды, чѣмъ о полнотѣ отдѣльныхъ областныхъ правъ. Мѣстными интересами онъ поступался и жертвовалъ въ пользу цѣлаго.

Спрашивается, какимъ образомъ, въ эпоху государственнаго дробленія Россіи, когда преобладающую роль играли партикулярные интересы, могъ возникнуть юридическій сборникъ, заглавіе котораго имѣло въ виду общерусское право, а содержаніе объединяло въ одно цѣлое право двухъ различныхъ областей—Новгородской и Кіевской?

Мнѣ кажется, что поводомъ къ составленію Русской Правды послужило принятіе христіанства и послѣдовавшее затѣмъ распространеніе въ Россіи греческаго права въ видѣ Номоканона, получившаго у насъ названіе Кормчей Книги. Христіанство объединило древне-русскія земли въ одну церковь съ Кіевскимъ митрополитомъ во главѣ; заимствованіе же изъ Византіи Номоканона имѣло своимъ послѣдствіемъ установленіе общаго каноническаго права для всей Россіи. Одно другимъ обусловливалось, потому что единство церкви предполагало общность законовъ, которые опредѣляли ея управленіе и судъ. Напротивъ, въ области свѣтскихъ и гражданскихъ отношеній, принимая во вниманіе отсутствіе государственнаго единства, не существовало никакой надобности въ сборникѣ общерусскаго права. Если тѣмъ не менѣе онъ появился, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть актъ простого подражанія Кормчей Книгѣ, не вызываемаго практической необходимостью. Повидимому, авторъ Русской Правды, не задаваясь практическими цѣлями, хотѣлъ только противопоставить кодексу греческаго происхожденія

соотвѣтствующій, болѣе или менѣе равноцѣнный сборникъ мѣстнаго національнаго права. Аналогичное явленіе наблюдается и въ послѣдующей исторіи, хотя оно выразилось въ другой области и имѣло мѣсто въ отношеніи къ власти, а не въ отношеніи къ законодательству. Именно, Московскіе государи называли себя великими князьями всея Руси. Реальныхъ основаній для этого не было. Но они подражали митрополитамъ, вовсе не считаясь съ фактическимъ объемомъ своей власти, который былъ довольно скромнымъ и во всякомъ случаѣ далеко не соотвѣтствовалъ заимствованному титулу.

Впрочемъ, нельзя отвергать безусловно практическія побужденія у составителя Русской Правды. Извѣстно, что вѣдомство духовныхъ судовъ, руководившихся Кормчей Книгой, было обширно. Имъ подсудны были не только церковные люди, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и всѣ граждане, напримѣръ, по дѣламъ, касавшимся семейственнаго и наслѣдственнаго права, по религіозно-нравственнымъ преступленіямъ и т. п. Съ другой стороны, Кормчая Книга, заключая въ себѣ наряду съ каноническими постановленіями и сборники свѣтскаго права, какъ-то—Эклогу, Прохиронъ и др., оказывала также вліяніе на законодательство и судебную практику русскихъ князей. Въ Московскомъ государствѣ оно проявлялось очень сильно. Относящіяся сюда свидѣтельства памятниковъ собраны Калачовымъ въ его изслѣдованіи «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права» [1]). Но это вліяніе несомнѣнно имѣло мѣсто и въ эпоху, предшествовавшую составленію Русской Правды, судя по сохранившимся отрывочнымъ даннымъ. Напр., нѣкоторые списки церковныхъ уставовъ Владиміра Св. и Ярослава Мудраго показываютъ, что эти князья въ своей законодательной дѣятельности руководились правилами Номоканона: «се язъ князь Володимеръ,... развергъше гречьскый Номоканонъ и обрѣтохомъ въ немъ» и т. д.; «се язъ князь великій Ярославъ, сынъ Володимеръ, по данью отца своего, сгадалъ есми съ митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми со греческимъ Номокановомъ» и т. д. Взгляды Византійскаго законодательства отражались и на судебной практикѣ: для при-

---

[1]) Стр. 103—105, 106—107 и др.

мѣра можно сослаться на лѣтописное извѣстіе о примѣненіи смертной казни къ разбойникамъ при Владимірѣ Св., по совѣту епископовъ. Такое широкое распространеніе Кормчей Книги представляло серьезную опасность для русскаго права, которая должна была пробудить въ образованномъ обществѣ Россіи національное самосознаніе. Чтобы оградить и спасти отечественное право отъ полнаго вытѣсненія и поглощенія его греческимъ законодательствомъ, надо было привести его въ извѣстность и дать ему опредѣленную письменную форму, которая бы служила оплотомъ его дальнѣйшаго существованія. Этой потребности и могла удовлетворять Русская Правда.

Возникновеніе Русской Правды въ противовѣсъ греческому праву обнаруживается въ ея наименованіи. Это наименованіе не обозначаетъ, что она составлена въ Кіевѣ, какъ полагаетъ В. И. Сергѣевичъ. Нельзя также видѣть въ немъ указаніе на Варяжское происхожденіе сборника, какъ утверждаетъ М. Погодинъ. Вѣроятнѣе всего, оно оттѣняло отличіе Русской Правды отъ греческаго права, дѣйствовавшаго на территоріи Россіи въ видѣ Кормчей Книги. Дѣло въ томъ, что во внутреннихъ отношеніяхъ отдѣльныя мѣстныя права обособлялись одно отъ другого: напр., въ составѣ краткой редакціи правда Русской, т. е. Кіевской земли выдѣлена отъ правды Новгородской. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣли въ виду противопоставить ихъ иностранному законодательству, они обобщались, какъ нѣчто однородное и цѣлое, подъ именемъ русскаго права, областныя же различія отступали на второй планъ. Напр., въ такомъ общемъ значеніи употребляется этотъ терминъ въ договорахъ русскихъ съ греками: «и тъ показненъ будетъ по закону Гречьскому, по уставу и по закону Рускому»; «да будетъ повиненъ закону Руску и Гречьску» [1]) и т. д. Въ томъ же смыслѣ надо понимать и заглавіе сборника «Русская Правда».

Было сказано, что Кормчая Книга имѣла силу закона во всѣхъ русскихъ земляхъ. Она угрожала существованію національнаго права на территоріи всей Россіи. Поэтому можно было ожидать, что авторъ Русской Правды, противодѣйствуя греческому вліянію, со-

---

[1]) Договоръ 945 г., ст. 6, 9, 14; Договоръ 911 г., ст. 5.

ставить компиляцію, охватывающую не только Новгородъ и Кіевъ, но и другія области. Въ дѣйствительности же онъ ограничился только тѣмъ правовымъ матеріаломъ, который дали ему названныя области. Очевидно, фактическая освѣдомленность его въ правѣ не простиралась дальше этихъ предѣловъ. Онъ зналъ только новгородское и кіевское право,— первое, потому что онъ самъ былъ Новгородецъ, а второе, потому что Новгородъ и Кіевъ, какъ показано выше, находились въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи между собою. Кромѣ того, вѣроятно, не вездѣ русское право стояло на одномъ и томъ же уровнѣ развитія. Возможно, что только въ Новгородѣ и Кіевѣ, какъ наиболѣе культурныхъ центрахъ тогдашней Россіи, юридическія нормы достигли такой степени опредѣленности и кристаллизаціи, что кодификація ихъ не представляла особенныхъ затрудненій. Повидимому, имѣло значеніе и то обстоятельство, что въ началѣ нашей исторіи Новгороду и Кіеву принадлежала политическая и культурная гегемонія надъ прочими русскими областями: къ первому тяготѣли сѣверо-западныя земли, а второй игралъ такую же роль въ юго-западной Россіи. Поэтому сводъ новгородско-кіевскаго права не безъ основанія могъ быть признанъ общерусской правдой.

Почему же Русская Правда возникла въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только догадками и предположеніями. Если видѣть въ Русской Правдѣ актъ національнаго самоопредѣленія, то надо думать, что Новгородъ представлялъ болѣе благопріятную и подготовленную почву для ея появленія. Вѣроятно, здѣсь живѣе и настоятельнѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, давала себя знать потребность въ кодификаціи русскаго права, чтобы отмежевать и оградить его отъ дѣйствія иноземнаго законодательства, ибо въ Новгородѣ оно сталкивалось не только съ греческимъ Номоканономъ, но и съ нѣмецкимъ правомъ, которымъ руководились западно-европейскіе купцы, проживавшіе здѣсь по торговымъ дѣламъ. Съ другой стороны, извѣстно, что Новгородъ вобще продолжительнѣе и крѣпче держался старыхъ національныхъ обычаевъ и менѣе поддавался обаянію греческой цивилизаціи, чѣмъ Кіевъ. Потому онъ скорѣе могъ дать отпоръ ея вліянію, тѣмъ болѣе, что послѣднее до извѣстной степени нейтрализирова-

лось тѣми западно-европейскими культурными воздѣйствіями, которыя проникали въ Новгородъ вслѣдствіе торговыхъ сношеній его съ нѣмецкими городами.

Мысль о томъ, что Русская Правда возникла, благодаря коллизіи между русскимъ правомъ и греческимъ, не разъ высказывалась въ литературѣ. Напр., у А. Попова мы встрѣчаемъ слѣдующія замѣчанія по этому поводу. «До введенія христіанства, всѣ племена славянскія, обитавшія въ Россіи, имѣютъ родовое устройство; общее единство, къ которому сходятся всѣ бытовыя отношенія, есть понятіе объ единствѣ и нераздѣльности рода. Каждый родъ представляетъ отдѣльное цѣлое; всѣ отношенія между членами рода принадлежатъ ко внутреннему управленію и никакая другая власть не входитъ въ это цѣлое, заключенное само въ себѣ... Со введенія христіанской религіи, это устройство начинаетъ измѣняться. Мысль объ государственномъ единствѣ, принадлежавшая роду, переходитъ къ церкви. Церковь составляетъ средоточіе, въ которомъ весь бытъ общественный получаетъ свое единство. Законодательство церковное, Номоканонъ, становится противъ народнаго обычая, и вводитъ новыя понятія о правѣ; всѣ дѣла, принадлежащія роду, всѣ отношенія семейныя по Номоканону принадлежатъ судамъ церковнымъ. Законы свѣтскіе, вошедшіе въ его составъ, представляютъ новыя понятія о правѣ гражданскомъ и государственномъ... Столкновеніе народнаго обычая съ письменнымъ законодательствомъ греческимъ, совершенно ему противоположнымъ, требовало твердаго опредѣленія въ ихъ взаимномъ отношеніи. Съ одной стороны греческое вліяніе стремилось къ тому, чтобы уничтожить древніе, языческіе обычаи и замѣнить ихъ новыми, съ другой—общій обычай Русской земли не могъ измѣниться вдругъ и противоборствовалъ этому вліянію. Но этотъ обычай потерялъ свою силу, пересталъ быть убѣжденіемъ цѣлаго народа; греческое вліяніе было сильнѣе, духовенство разнесло его по всей землѣ Русской, но не раздробило: ибо оно имѣло свое средоточіе въ письменныхъ постановленіяхъ для церкви и государства, въ Номоканонѣ, между тѣмъ какъ обычай не имѣлъ этого преимущества. Поэтому онъ и стремится усилиться и получаетъ письменную форму и утвержденіе князя, которыя даютъ ему общую силу въ

видѣ Русской Правды»[1]). Н. Дювернуа говоритъ, что Русская Правда «есть особаго рода сборникъ, составленный прямо для руководства суда. Первый поводъ къ письменному опредѣленію такихъ нормъ явился при столкновеніи Руссовъ съ Греками. Тогда нужно было опредѣлить и точно формулировать, что такое русское право или русскій законъ. Въ другой разъ таже потребность является внутри государства». Какъ извѣстно, у древнихъ Германцевъ составленіе сборниковъ обычнаго права было вызвано практикой церковныхъ судовъ, которая основывалась на писанномъ законѣ. «Это послѣднее побужденіе въ той же мѣрѣ получило значеніе и у насъ вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства»[2]). По мнѣнію проф. А. Н. Филиппова, «въ первоначальной жизни культурныхъ народовъ наступаютъ такія обстоятельства, когда неписанное (т. е. обычное) право, по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, оказывается неудобнымъ на практикѣ, когда нужно замѣнить его точнымм записями и выяснить отношеніе его къ законодательнымъ нормамъ. Такія обстоятельства наступили у насъ особенно со времени принятія христіанства и столкновенія началъ своего права съ правомъ иноземнымъ. Записи обычнаго права. судебныхъ рѣшеній, княжескихъ уставовъ и рецепированныхъ законовъ были потому нужны не для однихъ судовъ церковныхъ, но и для гражданскихъ. Такія записи явились не у насъ однихъ, но и въ Западѣ Европы, въ видѣ такъ наз. *leges barbarorum,* весьма схожихъ, по составу своихъ нормъ, съ нашею Правдою. Какъ объясняютъ происхожденіе этихъ *leges* германисты? По ихъ ученіямъ, рѣшительнымъ поводомъ къ письменному закрѣпленію обычнаго права было внѣдреніе въ жизнь племенъ христіанско-римской культуры, почему прежде всего записи обычнаго права явились у тѣхъ германскихъ племенъ, которыя вошли съ этою культурою въ постоянное соприкосновеніе. Тотъ же поводъ имѣлъ мѣсто и у насъ, съ тою только разницей, что мы приняли христіанство изъ Византіи и пришли въ соприкосновеніе съ ея культурою»[3]).

---

[1]) *А. Поповъ*, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 13—15.

[2]) *Н. Дювернуа*, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 64.

[3]) *А. Н. Филипповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права, ч. 1-я, стр. 108.

Раздѣляя взгляды этихъ писателей на причины появленія Русской Правды, я однако не нахожу основаній, чтобы разсматривать ее, не какъ научное произведеніе изъ области юридической литературы, а какъ сборникъ, составленный для руководства судебной практики. Если бы авторъ ея преслѣдовалъ такую практическую цѣль, то, вѣроятно, онъ ограничился бы изложеніемъ одного новгородскаго права, позаботившись о томъ, чтобы по возможности полно и всесторонне исчерпать мѣстный юридическій матеріалъ. Но вмѣсто этого онъ написалъ Русскую Правду, изображающую юридическій бытъ не только Новгорода, но и Кіевской Руси, посвятивши въ этомъ сборникѣ кіевскому праву 26 статей, а новгородскому—всего только 17, и не обративъ вниманія на многіе существенные институты послѣдняго, каковыми были, напр., князь, публично-уголовные штрафы, различные виды кражи и т. п. Съ другой стороны, если предположить, что южно-русское право, заключающееся во 2-й части краткой редакціи, было рецепировано для практическаго дѣйствія въ Новгородѣ, то можно было бы ожидать, что оно будетъ переработано въ духѣ мѣстныхъ новгородскихъ особенностей, и что авторъ замаскируетъ и скроетъ кіевское происхожденіе этой дополнительной субсидіарной части. Въ дѣйствительности мы видимъ противоположное. Многія постановленія 2-й Правды, извлеченныя изъ практики Кіевской Руси, оставлены въ неизмѣнномъ видѣ, не смотря на то, что они не могли имѣть силы въ Новгородѣ, какъ не соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ общественной жизни. Таковы, напр., постановленія, касающіяся княжескаго землевладѣнія, надѣляющія привилегіями княжескихъ слугъ, устанавливающія сословныя различія въ уголовномъ правѣ и т. д. Кромѣ того, надъ 2-й частью краткой редакціи находится надпись: *Правда оуставлена Роуськои земли.* Такое откровенное признаніе демонстративно обнаружило бы передъ новгородцами иноземное происхожденіе 2-й части свода и показывало бы имъ, что на территоріи Новгорода примѣняется право другой мѣстности, съ чѣмъ едва ли бы они примирились, если вспомнить, что новгородцы, какъ и жители другихъ волостей, ревниво заботились о томъ, чтобы князь судилъ ихъ по старинѣ и мѣстной пошлинѣ.

Оригинальный взглядъ на происхожденіе Русской Правды высказываетъ В. О. Ключевскій. Онъ полагаетъ, что текстъ этого памятника сложился «въ средѣ церковной юрисдикціи, нуждами и цѣлями которой и руководился составитель Правды въ своей работѣ... До половины XI столѣтія княжескому судьѣ едвали былъ нуженъ писанный сводъ законовъ... Но такой сводъ былъ совершенно необходимъ церковнымъ судьямъ. Со времени принятія христіанства русской церкви была предоставлена двоякая юрисдикція. Она, во-первыхъ, судила *всѣхъ* христіанъ, духовныхъ и мірянъ, по *нѣкоторымъ* дѣламъ духовно-нравственнаго характера, во-вторыхъ, судила *нѣкоторыхъ* христіанъ, духовныхъ и мірянъ, по *всѣмъ* дѣламъ церковнымъ и нецерковнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Эти нѣкоторые христіане, во всѣхъ дѣлахъ подсудные Церкви, образовали особое церковное общество. Церковный судъ по духовнымъ дѣламъ надъ всѣми христіанами производился на основаніи Номоканона, принесеннаго изъ Византіи, и церковныхъ уставовъ, изданныхъ первыми христіанскими князьями Руси. Церковный судъ по нецерковнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, простиравшійся только на церковныхъ людей, долженъ былъ производиться по мѣстному праву и вызывалъ потребность въ письменномъ сводѣ мѣстныхъ законовъ, какимъ и явилась Русская Правда». Этотъ выводъ В. О. Ключевскій подкрѣпляетъ слѣдующими соображеніями. «Въ Русской Правдѣ нѣтъ и слѣда одной важной особенности древне-русскаго судебнаго процесса, одного изъ судебныхъ доказательствъ—судебнаго поединка, *поля*. Между тѣмъ сохранились въ древнихъ источникахъ нашей исторіи слѣды, указывающіе на то, что поле практиковалось, какъ до Русской Правды, такъ и долго послѣ нея... Почему Правда не знаетъ этого важнаго судебнаго средства, къ которому такъ любили прибѣгать въ древнихъ русскихъ судахъ? Она знаетъ его, но игнорируетъ, не хочетъ признавать. Находимъ и объясненіе этого непризнанія. Духовенство наше настойчиво въ продолженіе вѣковъ возставало противъ судебнаго поединка, какъ языческаго остатка, обращалось даже къ церковнымъ наказаніямъ, чтобы вывести его изъ практики русскихъ судовъ; но долго, едвали не до конца XVI вѣка, ея усилія оставались безуспѣшны. Итакъ. замѣчается нѣкоторая солидар-

ность между Русской Правдой и юридическими понятіями древнерусскаго духовенства». Другое наблюденіе, которымъ проф. Ключевскій аргументируетъ свою мысль, заключается въ томъ, что «пространная Правда является всегда въ одинаковомъ, такъ сказать, окруженіи, въ одномъ литературномъ обществѣ». Мы находимъ ее «большей частью въ Кормчихъ, древнерусскихъ сводахъ церковныхъ законовъ, иногда въ сборникахъ каноническаго содержанія, носящихъ названіе *Мѣрила Праведнаго*. Такимъ образомъ, Русская Правда жила и дѣйствовала въ церковно-юридическомъ обществѣ: ее встрѣчаемъ среди юридическихъ памятниковъ церковнаго или византійскаго происхожденія, принесенныхъ на Русь духовенствомъ и имѣвшимъ практическое значеніе». Этими памятниками, имѣвшими значеніе дополнительныхъ статей Кормчей Книги, были—Извлеченіе изъ законовъ Моисея, Эклога, Прохиронъ, Законъ судный людямъ и церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей. Среди нихъ находится Русская Правда... «Разбирая эти дополнительныя статьи церковно-византійскаго происхожденія, замѣчаемъ нѣкоторую внутреннюю связь между ними и нашей Правдой: нѣкоторыя постановленія послѣдней какъ будто составлены при содѣйствіи первыхъ». Напр., постановленіе Русской Правды о ночной кражѣ обнаруживаетъ слѣды вліянія Моисеева законодательства; статья ея, опредѣляющая отвѣтственность за самовольное пользованіе чужимъ конемъ, встрѣчаетъ аналогичное постановленіе въ Законѣ судномъ людямъ и т. д. Очевидно, «составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно изъ памятниковъ церковнаго и византійскаго права, однако, руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшіе опредѣленія, ставили законодательные вопросы, отвѣтовъ на которые онъ искалъ въ туземномъ правѣ»... Затѣмъ, «въ самомъ языкѣ Русской Правды можно найти нѣкоторыя указанія на то, что она вышла изъ среды, знакомой съ терминологіей византійскаго и южно-славянскаго права: такъ, встрѣчаемъ чуждое русскому языку слово *братучадо* въ значеніи двоюроднаго брата, представляющее довольно механическій переводъ термина византійскихъ кодексовъ *ἀδελφόπαις*, также слово *вражда* въ смыслѣ пени за убійство или вообще судебнаго взысканія. довольно употреби-

тельное въ южно-славянскихъ юридическихъ памятникахъ, между прочимъ въ Законникѣ Душана и въ Законѣ Винодольскомъ [1]). Наконецъ, и внѣшнимъ видомъ своимъ Русская Правда указываетъ на свою связь съ византійскимъ законодательствомъ. Это—небольшой синоптическій кодексъ въ родѣ Эклоги и Прохирона. Самая эта форма права—кодификація была принесена къ намъ церковными законовѣдами, которые одни понимали ея смыслъ и надобность» [2]).

Изложенная теорія В. О. Ключевскаго построена на шаткихъ основаніяхъ. Такъ, онъ утверждаетъ, что древнерусская церковь нуждалась въ сборникѣ свѣтскаго права для суда надъ церковными людьми, но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Между тѣмъ это основное положеніе въ его аргументаціи не является вполнѣ безспорнымъ, хотя бы потому что нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что духовенство по всѣмъ дѣламъ, ему подвѣдомственнымъ, могло руководиться Номоканономъ. Напр., проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: «сфера дѣйствія рецепированнаго права простирается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на все гражданское общество (право семейное и нѣкоторыя части уголовнаго) и во всѣхъ отношеніяхъ на нѣкоторые классы общества (людей церковныхъ); для указанія предѣловъ непосредственнаго дѣйствія рецепированнаго права возникли церковные уставы нашихъ князей» [3]). Отсутствіе въ Русской Правдѣ судебныхъ поединковъ нельзя объяснять церковно-религіозными побужденіями ея автора. Въ самомъ дѣлѣ, пространная редакція ея тоже не знаетъ этого доказательства, но въ то же время она допускаетъ испытанія водой и желѣзомъ [4]), не смотря на то, что духовенство вооружалось противъ нихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ

---

[1]) Слово *вражда* дѣйствительно встрѣчается въ Русской Правдѣ, но не имѣетъ значенія пени за убійство или вообще судебнаго взысканія, какъ утверждаетъ проф. Ключевскій (Карамз. сп., ст. 73). Что касается выраженія *братучадо*, то оно обозначаетъ племянника или племянницу. Это общепринятое пониманіе. Неизвѣстно, почему проф. Ключевскій объясняетъ его въ смыслѣ двоюроднаго брата.

[2]) *В. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, ч. 1-я, стр. 249—257.

[3]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, стр. 94.

[4]) Троицкій сп., ст. 17.

поученіе Серапіона отъ 13 в.[1]). Извѣстно также, что церковь проповѣдывала кротость и милосердіе по отношенію къ рабамъ и признавала за ними человѣческое достоинство[2]). Между тѣмъ Русская Правда за убійство раба назначаетъ такое же наказаніе, какъ за умерщвленіе коня или скотины; по ея опредѣленію, рабъ составляетъ имущество господина; плодъ отъ челяди разсматривается съ той же точки зрѣнія, какъ и плодъ отъ скота[3]) и т. д. Если игнорированіе судебныхъ поединковъ ставить въ связь съ воззрѣніями церкви, то спрашивается, какъ могла она мириться съ только что приведенными постановленіями Русской Правды? Нахожденіе Русской Правды въ составѣ Кормчей Книги, въ качествѣ одной изъ ея дополнительныхъ статей, тоже не доказываетъ возникновенія ея въ духовной средѣ для нуждъ церковнаго суда. Церковь могла воспользоваться уже готовымъ памятникомъ, возникшимъ въ иныхъ общественныхъ условіяхъ и съ другими цѣлями, не имѣвшими ничего общаго съ потребностями духовной юрисдикціи. Кромѣ того, не все, что включено въ Кормчую, имѣло практическое значеніе. Но важнѣе всего то обстоятельство, которое признаетъ и самъ проф. Ключевскій, что въ Кормчей Книгѣ нашла себѣ пріютъ только позднѣйшая обработка Русской Правды; первообразъ же ея, въ видѣ краткой редакціи, сохранился въ лѣтописи, переписчики которой, конечно, не задавались никакими практическими цѣлями, какъ вообще, такъ въ частности и по отношенію къ церкви. Наконецъ, само собой разумѣется, что заимствованія изъ Моисеева и Византійскаго законодательства, а также нѣкоторыя характерныя особенности терминологіи и кодификаціи свидѣтельствуютъ только о знакомствѣ автора Русской Правды съ этими памятниками, но отнюдь не подтверждаютъ мысли проф. Ключевскаго, будто бы Русская Правда предназначалась въ качествѣ руководства для церковныхъ судовъ.

---

[1]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, стр. 645.

[2]) *В. П. Сергѣевичъ*, Древности русскаго права, т. I, стр. 121—124.

[3]) Троицкій сп., ст. 80, 84, 93.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вліяніе римскаго права на краткую редакцію Русской Правды.

Останавливаясь въ этой главѣ на выясненіи связи между Русской Правдой и римскимъ правомъ, я подъ именемъ послѣдняго разумѣю не Эклогу и Прохиронъ, извѣстные нашимъ предкамъ изъ Кормчей Книги въ славяно-русскомъ переводѣ, и даже не Василики съ ихъ многочисленными схоліями, которыя очень близко стояли къ римскимъ источникамъ и въ огромной мѣрѣ воспроизводили ихъ содержаніе. Нѣтъ, я имѣю въ виду непосредственно законодательство Юстиніана, свободное отъ тѣхъ примѣсей и сокращеній, которыя были внесены въ него Византійской оффиціальной кодификаціей. Другими словами, мнѣ предстоитъ трудная и рискованная задача показать, что Русская Правда составлена подъ вліяніемъ римскаго права въ чистомъ его видѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что изъ всѣхъ положеній, отстаиваемыхъ мною, эта мысль встрѣтитъ наиболѣе скептическое отношеніе со стороны читателей: настолько она расходится съ нашими обычными историко-юридическими понятіями. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ представить на судъ ученой критики тѣ наблюденія, которыя послужили основаніемъ высказываемаго мнѣнія. Но сначала необходимо, хотя бы въ бѣглыхъ и общихъ чертахъ, указать на тѣ внѣшнія условія, которыя дали возможность автору краткой Правды познакомиться съ римскимъ правомъ.

Казалось бы, что съ изданіемъ Василикъ, принимая во вниманіе обширный размѣръ этого кодекса, сводъ Юстиніана долженъ былъ выйти изъ употребленія въ практикѣ Византійской Имперіи. Но въ дѣйствительности онъ не былъ вытѣсненъ и преданъ забвенію, а сохранилъ свое значеніе до конца 12 в., не только научное, но и практическое. Живучесть и сила его подтверждаются

многими историческими свидѣтельствами. Такъ, напр., извѣстно, что схоліи къ Василикамъ не только древнѣйшія, но и болѣе позднія, относящіяся къ 11 вѣку, черпали свои объясненія изъ римскаго права. Въ монографіяхъ неизвѣстныхъ авторовъ *De peculiis* и *De creditis,* написанныхъ въ концѣ 10 или въ началѣ 11 вѣка, рядомъ съ Василиками цитируются и законодательныя книги Юстиніана. Михаилъ Пселлъ, составившій около 1070 г. т. назыв. *Synopsis legum,* перечисляя въ немъ источники права, дѣйствовавшіе въ его время, ставитъ на первомъ мѣстѣ Кодексъ, Дигесты и Новеллы, затѣмъ называетъ сборникъ Льва, заключающій въ себѣ 60 книгъ, т. е. Василики, и наконецъ, упоминаетъ объ Институціяхъ, которыя, не имѣя законодательнаго характера, должны служить руководствомъ къ изученію права. Неизвѣстный авторъ юридическаго трактата *Meditatio de nudis pactis,* относимаго къ 12 вѣку, считаетъ необходимымъ начинать изученіе права съ Дигестовъ, какъ болѣе полной и ясной книги, а затѣмъ переходить къ болѣе труднымъ Василикамъ; обоимъ этимъ кодексамъ онъ придаетъ одинаковое практическое значеніе и авторитетъ [1]) и т. д.

Впрочемъ, сборники Юстиніана не удержали своего первоначальнаго вида. Такъ какъ большинство населенія Византійской Имперіи не знало латинскаго языка, то аутентическій текстъ ихъ вскорѣ былъ замѣненъ греческими переводами. Юстиніанъ разрѣшилъ только дословные переводы съ латинскаго на греческій (*κατὰ πόδας*). Но на практикѣ появились переводы распространенные (*εἰς πλάτος*) и сокращенные (*κατ' ἐπιτομήν*). Другое отступленіе отъ оригинала состояло въ томъ, что греческія редакціи Юстиніановыхъ сборниковъ сопровождались индексами, паратитлами и комментаріями. Индексами назывались указатели, сокращенно излагавшіе содержаніе отдѣльныхъ параграфовъ, въ порядкѣ расположенія ихъ въ законодательномъ текстѣ. Паратитлы —это примѣчанія къ тексту, которыя заключали въ себѣ ссылки, а также краткія извлеченія изъ другихъ аналогичныхъ постано-

---

[1]) *Д. Азаревичъ,* Исторія Византійскаго права, т. II, стр. 84—94; *Mortreuil,* Histoire du droit byzantin, т. II, стр. 136—149; *Heimbach,* Basilicorum libri LX, т. 6, стр. 146—154.

вленій, находящихся въ разныхъ мѣстахъ кодекса. Юстиніанъ допускалъ толкованіе законовъ только въ формѣ индексовъ и паратитлъ. Но практика и въ этомъ отношеніи пошла дальше. Вопреки запрещенію императора, уже въ 6 в. начинаютъ появляться комментаріи на отдѣльныя части его законодательства: текстъ ихъ объясняется новыми, нарочито придуманными примѣрами; къ нему присоединяются замѣчанія, служащія къ толкованію отдѣльныхъ словъ и выраженій [1]) и т. д.

Все сказанное приводитъ меня къ слѣдующимъ заключеніямъ. Несомнѣнно, что составитель краткой Правды, писавшій свой трудъ въ 11 в., могъ имѣть свѣдѣнія о Юстиніановомъ законодательствѣ, потому что въ то время оно еще пользовалось большой извѣстностью и распространеніемъ въ Греціи. Онъ могъ также прочитать его, потому что для этого не надо было знать латинскаго языка: существовали греческіе переводы. Наконецъ, онъ могъ и понимать это законодательство, отчасти, благодаря комментаріямъ, а отчасти, пользуясь его сокращенными изложеніями. Насколько эта возможность фактически осуществилась, покажетъ дальнѣйшее изложеніе, которому необходимо предпослать слѣдующую оговорку.

Если древне-русскій кодификаторъ при выполненіи своей задачи опирался на римское право, то очевидно, что онъ руководился не аутентическимъ текстомъ Юстиніана, а тѣми греческими редакціями его, о которыхъ я говорилъ выше. Къ сожалѣнію, онѣ до насъ не дошли, за исключеніеммъ только весьма немногихъ: такова, напр., знаменитая Парафраза Институцій, составленная Теофиломъ. Отъ остальныхъ сохранились лишь незначительные отрывки, которые могутъ быть реставрированы главнымъ образомъ на основаніи схолій, приложенныхъ къ Василикамъ. При такихъ условіяхъ, переходя далѣе къ сличенію Русской Правды съ римскимъ правомъ, я лишенъ возможности ссылаться на греческія обработки послѣдняго, какъ того требуетъ точный методъ изслѣдованія. По неволѣ придется цитировать первоначальный латинскій текстъ. Но если, не смотря на этотъ методологическій дефектъ, мнѣ все же удастся установить связь и взаимодѣйствіе между Русской

[1]) *Д. Азаревичъ*, назв. соч., т. 1-й, стр. 68—86; *Mortreuil*, назв. соч., т. 1-й, стр. 98—108; *Heimbach*, назв. соч., т. 6, стр. 3—8, 19.

Правдой и сводомъ Юстиніана, то въ такомъ случаѣ необходимо будетъ имѣть въ виду, что слѣды этой связи, вѣроятно, обнаружились бы еще нагляднѣе и явственнѣе, если бы состояніе источниковъ позволяло сравнить отечественный сборникъ съ греческими редакціями римскаго права.

I.

Понятіе о правѣ и система его изложенія.

Какъ извѣстно, понятіе о правѣ у нашихъ предковъ существенно отличалось отъ современныхъ воззрѣній. «Значеніе права, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, въ смыслѣ обязательной общей нормы, признается прежде всего за обычаемъ; правомъ считается то, что освящено соблюденіемъ. Это—первоначальное воззрѣніе; но оно живо еще и въ XVI вѣкѣ. Признаніе за волей государя способности творить право—явленіе вторичное, оно возникаетъ на глазахъ исторіи и развивается весьма медленно. Еще въ XVI вѣкѣ великіе князья московскіе находятъ нужнымъ оправдывать свои распоряженія ссылкой на старину. Ясно, что еще нѣтъ сознанія о томъ, что воля ихъ, какъ субъекта верховной власти, творитъ право» [1]). Такимъ образомъ, въ древности право мыслилось, какъ старина, пошлина, обычай, преданіе отцовъ и т. п., а не какъ совокупность правилъ, установленныхъ государственной властью.

Однако разсмотрѣніе источниковъ краткой Правды показываетъ, что у составителя ея было иное болѣе широкое пониманіе права, приближающееся къ современнымъ опредѣленіямъ его. Онъ записывалъ въ свой сборникъ не только обычаи, освященные временемъ, но и постановленія князей, напр., урокъ Ярослава о вирныхъ пошлинахъ, уставъ Изяслава по поводу убійства стараго конюха. Съ его точки зрѣнія княжескіе уставы тоже составляли «русскую правду».

Этотъ взглядъ на право, далеко опередившій господствующія мнѣнія древне-русскаго общества, представляется мнѣ отраженіемъ

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія, стр. 24.

тѣхъ научныхъ понятій о правѣ, которыя были выработаны римской юриспруденціей. Здѣсь авторъ краткой Правды могъ узнать, что гражданское право дѣлится на двѣ области, имѣющія одинаковое значеніе,—на право писанное и не писанное: первое составляютъ законы, народныя постановленія, опредѣленія сената, императорскіе указы, эдикты сановниковъ и т. п.; второе же утверждается соблюденіемъ, ибо долговременные обычаи, одобренные согласіемъ тѣхъ, кто ихъ соблюдаетъ, уподобляются закону.

> Constat autem ius nostrum aut ex scripto, aut ex non scripto, ut apud Graecos: *τῶν νόμων οἱ μὲν ἔγγραφοι, οἱ δὲ ἄγραφοι.* Scriptum ius est lex, plebiscita, senatus consulta, principium placita, magistratuum edicta, responsa prudentium [1]).
>
> Ex non scripto ius venit, quod usus comprobavit. nam diuturni mores consensu utentium comprobati legem imitantur [2]).

Впрочемъ, составитель краткой редакціи не за всѣми княжескими постановленіями, включенными въ ея текстъ, признаетъ характеръ «правды». Онъ въ достаточной мѣрѣ остороженъ, а потому одно изъ нихъ, показавшееся ему сомнительнымъ со стороны правомѣрности, изложилъ, какъ сепаратный указъ, имѣвшій силу только по отношенію къ данному лицу и слѣдовательно едва-ли распространимый на другихъ, находящихся въ томъ же положеніи. Я имѣю въ виду уставъ Изяслава о взысканіи 80 гривенъ за голову стараго конюха, убитаго Дорогобужцами. Эта плата показалась ему столь несообразной и высокой, сравнительно съ неважнымъ соціальнымъ положеніемъ убитаго, что онъ не рѣшился придать ей значеніе штрафа за убійство старыхъ конюховъ вообще. Такая нерѣшительность его отразилась на характерѣ соотвѣтствующей статьи Русской Правды, заключающей въ себѣ не столько общую норму, сколько историческую запись объ отдѣльномъ и случайномъ эпизодѣ изъ судебной практики Изяслава, въ которомъ

---

[1]) § 3 Inst. I, 2.
[2]) § 9 Inst. I, 2.

обнаружилось особое расположеніе князя къ его старому и заслуженному конюху [1]).

Такимъ образомъ, авторъ краткой Правды обнаруживаетъ въ своемъ трудѣ критическое отношеніе къ источникамъ, исходя изъ того предположенія, что княжескія рѣшенія—не всѣ одинаковаго качества и достоинства: одни изъ нихъ выражаютъ въ себѣ общія правовыя положенія, а другія имѣютъ только частное значеніе, какъ акты исключительной милости или какъ проявленіе княжескаго гнѣва по отношенію къ данному лицу. Мысль о различіи общихъ правилъ отъ личныхъ привилегій, служившая ему руководящимъ критеріемъ при оцѣнкѣ судебной практики древне-

---

[1]) Многіе изслѣдователи подъ *старымъ* конюхомъ разумѣютъ *старшаго*. Къ такому толкованію побуждаетъ ихъ текстъ распространенной редакціи, которая замѣняетъ его *тіуномъ конюшимъ*, назначая за убійство его тотъ же штрафъ въ размѣрѣ 80 гривенъ. Однако весьма рискованно, какъ сказано раньше, объяснять краткую Правду на основаніи тѣхъ видоизмѣненій, которымъ подверглась она въ распространенной редакціи. Въ частности, это замѣчаніе относится и къ данному случаю. Если бы составитель 1-й Правды имѣлъ въ виду не простого конюха, а старшаго, завѣдывающаго княжескими конюшнями, то, во-1-хъ, для него не было бы никакой надобности придавать этому постановленію, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, исключительный и казуистическій характеръ, ибо плата въ 80 гривенъ за убійство тіуна конюшаго не возбуждала сомнѣній и считалась нормальной; во-2-хъ, онъ бы въ этомъ случаѣ могъ употребить иное болѣе подходящее и извѣстное ему выраженіе «староста», подобно тому, какъ въ другой статьѣ краткой Правды онъ назвалъ «сельскаго и ратайнаго старосту» и тѣмъ выдѣлилъ его отъ рядовичей, т. е. обыкновенныхъ крестьянъ и земледѣльческихъ рабочихъ. Мнѣ кажется, что слово «старый», употребленное Р. Правдой въ приложеніи къ конюху, обозначаетъ не старшинство іерархическое и не высшій служебный рангъ, а долговременную службу или преклонный возрастъ лица, что, впрочемъ, обыкновенно соединяется одно съ другимъ. Такой же смыслъ имѣютъ аналогичныя выраженія, встрѣчающіяся въ разныхъ памятникахъ,—*старый изорникъ*, *старый тіунъ*, *старый машталеръ:* «а старому изорнику вози вести на государя» (Псковская судная грамота, ст. 75); «а (съ) стороны четвертое ажь до дороги, которая дорога идеть отъ *старого тивуна* Конаха долиною по дорожку» и т. д. (Литовская Метрика, изд. Археогр. Комм., стр. 1285); «и они дей и тыхъ приятель моихъ перебили и поранили и одного, на имя Солтана, *машталеря* (конюха) короля его милости *старого* мало до смерти не забили»; о соціальномъ положеніи этого стараго конюха можно судить по тому, что жалобщикъ—господарскій крестьянинъ называетъ его своимъ пріятелемъ. (Акты Виленской Арх. Коммиссіи, т. 17, стр. 233).

русскихъ князей, возникла и сложилась у него, вѣроятно, подъ вліяніемъ знакомства съ римской юриспруденціей, которая по этому поводу даетъ слѣдующія опредѣленія: закономъ считается то, что императоръ постановилъ рескриптомъ, или рѣшилъ по разсмотрѣніи какого-нибудь дѣла, или же предписалъ эдиктомъ; однако нѣкоторыя императорскія постановленія имѣютъ личный характеръ и не могутъ быть приводимы въ примѣръ; такъ, если государь поступилъ снисходительно съ кѣмъ-либо, или подвергъ кого-нибудь наказанію, или оказалъ ему вспомоществованіе, не въ примѣръ другимъ, то все это не распространяется далѣе того лица; другія же постановленія его, имѣющія общій характеръ, безъ сомнѣнія, обязательны для всѣхъ.

> Sed et quod principi placuit, legis habet vigorem, cum lege regia, quae de imperio eius lata est populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem concessit. quodcumque igitur imperator per epistolam constituit vel cognoscens decrevit vel edicto praecepit, legem esse constat: haec sunt, quae constitutiones appellantur. plane ex his quaedam sunt personales, quae nec ad exemplum trahuntur, quoniam non hoc princeps vult: nam quod alieni ob merita indulsit, vel si cui poenam irrogavit, vel si cui sine exemplo subvenit, personam non egreditur. aliae autem, cum generales sunt, omnes procul dubio tenent [1]).

По ученію римскихъ юристовъ, гражданское право относится или къ лицамъ, или къ вещамъ, или къ искамъ: «omne autem ius, quo utimur, vel ad personas pertinet vel ad res vel ad actiones» [2]). Согласно съ этимъ взглядомъ, Институціи излагаютъ сначала право лицъ, затѣмъ право вещей и, наконецъ, право исковъ. Само собой разумѣется, что древне-русское право не располагало такимъ богатствомъ и разнообразіемъ юридическихъ нормъ, чтобы дать достаточный матеріалъ для всѣхъ частей этой трехчленной системы. Положительныя опредѣленія о лицахъ и вещахъ еще не выработались въ немъ. Оно было извѣстно составителю краткой Правды лишь, какъ состояніе спора и

---

[1]) § 6 Inst. I, 2.

[2]) § 12 Inst. I, 2.

предметъ нарушенія, поскольку оно обнаруживалось въ судебной практикѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ ограничился изложеніемъ только той части права, которая по терминологіи Институцій образуетъ понятіе *actiones* и входитъ въ составъ ихъ 4-й книги. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что отдѣльныя правонарушенія изложены въ Русской Правдѣ по системѣ Институцій. Авторъ ея касается сначала лицъ, а потомъ вещей. На первомъ планѣ стоятъ личныя преступленія, а за ними слѣдуютъ имущественныя. Это общая схема, наблюдаемая и въ 1-й, и во 2-й Правдѣ. Впрочемъ, какъ въ той, такъ и въ другой встрѣчаются также и частичныя отступленія отъ нея. Къ числу ихъ относятся статьи 16, 28, 31, 32 и др., которыя помѣщены въ отдѣлѣ имущественныхъ правонарушеній, не смотря на то, что онѣ говорятъ о посягательствахъ на личность. Но мы увидимъ впослѣдствіи, что эти отступленія тоже могутъ быть объяснены вліяніемъ римскаго права.

II.

Отдѣльные виды убійства, опредѣляемые служебнымъ положеніемъ потерпѣвшаго.

Постановленія 2-й Правды объ убійствѣ начинаются съ 18-й и оканчиваются 24-й ст. Акад. сп. Непосредственнымъ ихъ продолженіемъ являются статьи 25 и 26-я, опредѣляющія таксу взысканій за различные виды домашнихъ животныхъ. Хотя въ текстѣ этихъ статей и нѣтъ прямыхъ указаній на то, какое преступленіе онѣ имѣютъ въ виду, тѣмъ не менѣе установилось мнѣніе, что онѣ предполагаютъ кражу, именно, тѣ случаи ея, когда воръ не можетъ возвратить собственнику украденной вещи, а потому долженъ уплатить ея стоимость. Такое объясненіе ихъ опирается главнымъ образомъ на пространную редакцію Русской Правды, гдѣ названныя статьи съ нѣкоторыми дополненіями помѣщены въ отдѣлѣ о кражѣ [1]) съ тою цѣлью, чтобы показать, сколько долженъ платить воръ, если

---

[1]) Троицкій спис., ст. 37—41.

украденной вещи у него не окажется [1]). Однако это основаніе не можетъ быть признано достаточно убѣдительнымъ. Я уже имѣлъ случай не одинъ разъ говорить о томъ, какъ рискованно ссылаться на распространенную Правду при толкованіи краткой. Необходимо постоянно имѣть въ виду, что авторъ ея переносилъ въ свой трудъ постановленія краткой редакціи въ измѣненномъ видѣ и излагалъ ихъ содержаніе, по мѣрѣ своего собственнаго пониманія, а не соотвѣтственно ихъ первоначальному и дѣйствительному смыслу. Естественно, что это пониманіе могло быть ошибочнымъ. Поэтому авторитетъ его, какъ истолкователя краткой Правды, для насъ необязателенъ. Мы въ правѣ игнорировать его и въ своихъ объясненіяхъ опираться исключительно на аутентическій текстъ памятника. Если исходить изъ этого основанія, то придется признать, что въ ст. 25-й и 26-й рѣчь идетъ скорѣе объ истребленіи домашнихъ животныхъ, чѣмъ объ ихъ кражѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно аргументировать предположеніе, усматривающее въ этихъ статьяхъ денежныя взысканія на случай кражи? Обыкновенно ссылаются на то обстоятельство, что постановленія 2-й Правды о кражѣ коня, вола и овцы опредѣляютъ только уголовные штрафы за это дѣяніе, но умалчиваютъ о частномъ удовлетвореніи потерпѣвшаго [2]); слѣдовательно, недостающихъ опредѣленій надо искать въ ст. 25-й и 26-й, таксирующихъ цѣну названныхъ животныхъ. Однако одно изъ другого не вытекаетъ съ необходимостью. Чтобы видѣть, насколько путь такихъ умозаключеній представляется скользкимъ и ненадежнымъ, я приведу слѣдующій аналогичный примѣръ: 27-я ст. Акад. сп. назначаетъ за кражу холопа одно уголовное взысканіе въ размѣрѣ 12 гривенъ и ничего не говоритъ о частномъ вознагражденіи; разсуждая такимъ образомъ, какъ и въ первомъ случаѣ, мы должны будемъ прійти къ тому заключенію, что ст. 23-я, оцѣнивающая холопа въ 5 гривенъ, дополняетъ 27-ю, опредѣляя плату за украденнаго холопа на тотъ случай, когда онъ

---

[1]) Этимъ доказательствомъ, за неимѣніемъ другихъ, аргументируетъ даже проф. Гетцъ, хотя, въ видѣ общаго правила, онъ выставляетъ требованіе, чтобы не обращались къ пространной Правдѣ въ цѣляхъ истолкованія краткой (Das Bussische Recht, B. II, S. 77).

[2]) Акад. сп., ст. 29 и 40.

не могъ быть возвращенъ хозяину. Однако до сихъ поръ никто не толковалъ ея въ такомъ смыслѣ; всѣ убѣждены, что она устанавливаетъ денежное взысканіе за убійство. Если въ пользу господствующаго пониманія статей 25 и 26-й въ текстѣ краткой Правды нѣтъ никакихъ указаній, то противъ него свидѣтельствуетъ слѣдующее наблюденіе: эти статьи отдѣлены отъ постановленій о кражѣ соотвѣтствующихъ животныхъ цѣлымъ рядомъ другихъ постановленій, посвященныхъ инымъ вопросамъ; слѣдовательно, по мысли автора краткой редакціи, онѣ врядъ-ли имѣли какое-либо отношеніе къ кражѣ. Наоборотъ, въ пользу защищаемаго мною толкованія говоритъ то обстоятельство, что статьи 25 и 26-я являются заключительнымъ звеномъ въ послѣдовательной цѣпи постановленій, предусматривающихъ различные случаи убійства. Ничего не значитъ, что онѣ прямо не говорятъ объ убійствѣ, ибо въ предшествующихъ статьяхъ 22, 23 и 24-й также отсутствуетъ обозначеніе того преступнаго дѣйствія, за которое платился положенный въ нихъ штрафъ, и тѣмъ не менѣе мы относимъ ихъ къ убійству. Опредѣленіе преступнаго дѣйствія въ смыслѣ убійства дано въ начальныхъ статьяхъ 2-й Правды—18, 19 и 20-й по Акад. сп. Разумѣется, это опредѣленіе распространяется и на всѣ нижеслѣдующія постановленія. Оно должно быть подразумѣваемо въ нихъ до тѣхъ поръ, пока статья 27-я прямо и выразительно не заявляетъ, что дальше рѣчь идетъ о кражѣ холопа.

Если смыслъ разсматриваемыхъ статей дѣйствительно таковъ, какъ я утверждаю, то спрашивается, почему во 2-й Правдѣ объ истребленіи домашнихъ животныхъ говорится сейчасъ же послѣ убійства? Почему она не слѣдуетъ тому порядку изложенія, который мы наблюдаемъ въ 1-й Правдѣ, гдѣ непосредственно вслѣдъ за убійствомъ авторъ ея переходитъ къ преступленіямъ противъ здоровья? Чѣмъ объяснить, что во 2-й Правдѣ онъ предпочелъ сначала установить плату за убитыхъ домашнихъ животныхъ и только потомъ перейти къ вопросу о ранахъ и побояхъ, нанесенныхъ свободному человѣку? Мнѣ кажется, что эта своеобразная система изложенія можетъ быть объяснена вліяніемъ римскаго права.

Въ первой главѣ Аквиліева закона опредѣляется отвѣтственность за убійство чужихъ рабовъ и тѣхъ домашнихъ животныхъ,

которыя принадлежатъ къ породѣ скота. Къ числу ихъ относятся лошади, мулы, ослы, волы, овцы, козы и свиньи. Дикіе звѣри исключаются, точно такъ же и собаки, хотя послѣднія считаются домашними животными. Но дѣйствіе Аквиліева закона слѣдуетъ распространить на слоновъ и верблюдовъ, поскольку они служатъ для перевозки грузовъ. Такимъ образомъ, этотъ законъ ставилъ въ одинаковое положеніе и разсматривалъ съ одной и той же точки зрѣнія, какъ рабовъ, такъ и скотъ.

> Lege Aquilia capite primo cavetur: «ut qui servum servamve alienum alienamve quadrupedem vel pecudem iniuria occiderit, quanti id in eo anno plurimi fuit, tantum aes dare domino damnas esto».
>
> Ut igitur apparet, servis nostris exaequat quadrupedes, quae pecudum numero sunt et gregatim habentur, veluti oves caprae boves equi muli asini. sed an sues pecudum appellatione continentur, quaeritur: et recte Labeoni placet contineri. sed canis inter pecudes non est. longe magis bestiae in eo numero non sunt, veluti ursi leones pantherae. elefanti autem et cameli, quasi mixti sunt (nam et iumentorum operam praestant et natura eorum fera est) et ideo primo capite contineri eas oportet [1]).

Римскіе рабы не представляли однообразной массы. Различались отдѣльные разряды ихъ. Напр., въ Институціяхъ говорится: если рабу нанесена обида, то оцѣнка ея зависитъ отъ нравственныхъ качествъ и достоинства потерпѣвшаго, ибо одна плата взимается за раба-управителя, другая за человѣка средняго состоянія, а иная плата за раба низшаго класса, заключеннаго въ оковы.

> Nam secundum gradum dignitatis vitaeque honestatem crescit aut minuitur aestimatio iniuriae: qui gradus condemnationis et in servili persona non immerito servatur, ut aliud in servo actore, aliud in medii actus homine, aliud in vilissimo vel compedito constituatur [2]).

Дигесты тоже принимаютъ во вниманіе качества раба для опредѣленія важности обиды, ибо много значитъ, каковъ рабъ,

---

[1]) Fr. 2 pr., § 2 Dig. 9, 2; ср. § 1 Inst. IV, 3 pr.

[2]) § 7 Inst. IV, 4.

будетъ ли онъ добропорядочнымъ человѣкомъ, приказчикомъ, домоправителемъ или простымъ рабомъ, употребляемымъ для разныхъ мелкихъ порученій.

> Puto causae cognitionem praetoris porrigendam et ad servi qualitatem: etenim multum interest, qualis servus sit, bonae frugi, ordinarius, dispensator, an vero vulgaris vel mediastinus an qualisqualis [1]).

Конечно, тѣмъ же критеріемъ руководились и при исчисленіи платы за убійство раба, хотя ни Институціи, ни Дигесты въ соотвѣтствующихъ титулахъ объ этомъ прямо и не говорятъ. Титулъ *ad legem Aquiliam* указываетъ на другія различія, оцѣнивая неодинаково обыкновенныхъ рабовъ и актеровъ, музыкантовъ, а также живописцевъ, рабовъ честныхъ и нравственно испорченныхъ, рабовъ взрослыхъ и малолѣтнихъ [2]) и т. д.

Разсмотрѣнныя положенія римскаго права послужили образцомъ и дали руководящую схему для составителя краткой Правды. Излагая постановленія объ убійствѣ, онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Аквиліева закона, но примѣнилъ ее къ болѣе широкому кругу лицъ. Именно, онъ имѣетъ въ виду не однихъ рабовъ, а зависимыхъ лицъ вообще, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. слугъ и рабочихъ, все равно, были ли они рабами или свободными. Соотвѣтственно этому, онъ говоритъ сначала объ убійствѣ служилыхъ людей князя, затѣмъ переходятъ къ убійству лицъ, состоящихъ въ частной зависимости и, наконецъ, циклъ этихъ постановленій замыкается статьями объ убійствѣ домашнихъ животныхъ, причемъ и здѣсь различаются кони княжескіе и частные. Первую группу составляютъ статьи 18—22, вторую—ст. 23 и 24 и, наконецъ, третью—ст. 25 и 26. Разсмотримъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности.

Вѣроятно, по условіямъ древне-русской жизни, только княжеское хозяйство, благодаря обширнымъ его размѣрамъ, давало возможность воспроизвести и выразить болѣе или менѣе полно, примѣнительно къ мѣстному быту, ту градацію и то различіе между

---

[1]) Fr. 15, § 44 Dig. 47, 10

[2]) Fr. 22 и 23 Dig. 9 2.

рабами по роду занятій, которыя были установлены въ римскомъ правѣ. Во всякомъ случаѣ эти различія нашли свое отраженіе не въ организаціи частнаго хозяйства, а въ тѣхъ разрядахъ, на которые дѣлился служебный персоналъ князя. Подобно римскому праву, краткая Правда различаетъ высшихъ слугъ князя, среднихъ и рядовыхъ.

Къ высшему разряду принадлежали лица, наиболѣе близкія къ князю, состоявшія при его дворѣ. Таковыми были огнищане, подъѣздные и тіуны. Правда, въ отношеніи платы за убійство, къ названнымъ лицамъ былъ приравненъ одинъ старый конюхъ Изяслава, пользовавшійся особымъ благоволеніемъ князя; но это былъ исключительный случай. Не можетъ быть сомнѣнія, что тіунъ и подъѣздной были слугами князя. Что же касается огнищанина, то его также надо причислить къ нимъ. Огнищанинъ—это княжій мужъ, по терминологіи пространной Правды, или старшій дружинникъ. Такое опредѣленіе дано было ему еще Соловьевымъ, а впослѣдствіи обстоятельно аргументировано Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ [1]). Мнѣ оно представляется самымъ удачнымъ и правильнымъ изъ всѣхъ объясненій, предложенныхъ въ литературѣ по поводу этого термина.

Среднее мѣсто занимали сельско-хозяйственные приказчики князя: «а въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаинѣмъ 12 гривнѣ». Очевидно, и тотъ, и другой были слугами князя; вопросъ только въ томъ, чѣмъ они отличались другъ отъ друга. Повидимому, уже составитель распространенной редакціи затруднялся объяснить эту разницу. Онъ выразился такъ: «а въ сельскомь тивунѣ княжѣ, іли въ ратаинѣмь, то 12 гривенъ» [2]). Принимая во вниманіе, что вмѣсто союза *и*, стоящаго въ краткой Правдѣ, имъ употребленъ союзъ *или*, можно думать, что онъ отождествлялъ функціи обѣихъ властей, что для него оба термина являлись лишь различными обозначеніями одного и того же понятія, и что въ ратайномъ онъ видѣлъ только другое наименованіе сельскаго старосты. Автору распространенной редакціи послѣдовали современные ученые,

---

[1]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Феодализмъ въ удѣльной Руси, стр. 453—466.

[2]) Троицк. сп., ст. 11.

которые также въ обоихъ названіяхъ видятъ одно и тоже должностное лицо. Напримѣръ, В. И. Сергѣевичъ говоритъ: «тивунъ сельскій или ратайный завѣдывалъ земледѣльческимъ хозяйствомъ» [1]); проф. А. Н. Филипповъ опредѣляетъ его должность въ смыслѣ завѣдыванія «ратаями, т. е. земледѣльцами, сидѣвшими на княжескихъ земляхъ, и сельскими рабочими» [2]) и т. д. Проф. Гетцъ замѣтилъ, что, если смотрѣть и на сельскаго старосту, и на ратайнаго, какъ на княжескихъ слугъ, то оба термина сливаются и покрываютъ другъ друга, ибо, съ одной стороны, жители села, которыми управлялъ сельскій староста, занимались замледѣліемъ, а съ другой стороны, ратаи, т. е. земледѣльцы, во главѣ которыхъ стоялъ ратайный староста, составляли сельское населеніе [3]). Однако можно избѣжать этого сліянія и повторенія, если допустить, что ратайный не былъ княжескимъ слугой. На такое предположеніе наталкиваетъ сама 2-я Правда. Она въ нѣсколькихъ статьяхъ, принадлежащихъ къ тому же отдѣлу, противополагаетъ княжескихъ холоповъ и коней— некняжескимъ. Вѣроятно, такая же двойственность имѣла мѣсто и въ данномъ случаѣ. Исходя изъ этихъ соображеній, проф. Гетцъ подъ именемъ сельскаго старосты разумѣетъ управителя, завѣдывавшаго княжескимъ имѣніемъ и людьми; ратайный же, по его мнѣнію, былъ крестьянскимъ старостой, который стоялъ во главѣ свободныхъ сельскихъ жителей, не принадлежавшихъ князю; повидимому, онъ избирался крестьянами, хотя прямо этого проф. Гетцъ и не говоритъ [4]). Мнѣ кажется, что, даже сохраняя за ратайнымъ значеніе княжескаго слуги, т. е. не уклоняясь отъ общепринятаго опредѣленія, все же слѣдуетъ признать, что это было особое должностное лицо, вѣдомство котораго не сливалось съ обязанностями сельскаго старосты. Различіе между ними можетъ быть выяснено при помощи аналогичныхъ явленій изъ исторіи Литовско-Русскаго государства. Великіе князья Литовскіе владѣли громадными пространствами земель, на которыхъ они занимались сельскимъ хозяйствомъ. Эти земли распредѣлялись и сосредоточивались

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ*, Древности русскаго права, т. 1-й, стр. 423.

[2]) *А. Н. Филипповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права, ч. 1-я, стр. 234.

[3]) *Goetz*, Das Russische Recht, B. II, S. 65.

[4]) Ibid., стр. 71.

вокругъ господарскихъ дворовъ, которые служили ихъ хозяйственными центрами. Онѣ обрабатывались, съ одной стороны, рабами, которые составляли постоянную рабочую силу и большей частью находились при дворѣ, а съ другой стороны, великокняжескими крестьянами, которые жили внѣ двора на селѣ и обязаны были платить оброки, а также періодически работать на господарской пашнѣ [1]). Соотвѣтственно такому дѣленію рабочихъ, различались два вида сельско-хозяйственныхъ урядниковъ великаго князя. Во 1-хъ, при каждомъ дворѣ былъ тивунъ, важнѣйшая обязанность котораго состояла въ надзорѣ за полевыми работами; такимъ образомъ, въ его вѣдѣніи находились всѣ земледѣльческіе рабочіе, т. е. не только холопы, но и крестьяне, когда они отбывали свою повинность по обработкѣ господарскаго поля. Во 2-хъ, существовали еще и сельскія власти, которыя въ различныхъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства назывались неодинаково и извѣстны были подъ именемъ приставовъ, сотниковъ, атамановъ, старцевъ и т. под. Они занимали свои должности не по выбору крестьянъ, а по назначенію или самаго князя, или же мѣстныхъ правительственныхъ органовъ. На ихъ обязанности лежало собирать съ крестьянъ различнаго рода дани и доставлять ихъ въ скарбъ; они должны были также понуждать крестьянъ къ своевременному выполненію падавшихъ на нихъ повинностей и въ частности выгонять ихъ на господарскую пашню [2]). Разсмотрѣнные нами порядки веденія хозяйства проливаютъ свѣтъ на соотвѣтствующія постановленія Русской Правды. Уже проф. М. К. Любавскій высказалъ ту мысль, что родоначальниками литовско-русскихъ тивуновъ надо признать тѣхъ сельскихъ и ратайныхъ тіуновъ, которые упоминаются въ Русской Правдѣ [3]). Мнѣ кажется, что только въ ратайномъ можно видѣть прототипъ послѣдующаго тивуна въ имѣніяхъ литовскихъ князей, сельскій же староста преобразовался здѣсь въ атамана и старца, другими словами, что Русская Правда различаетъ двухъ княжескихъ урядниковъ съ различными обязанностями.

---

[1]) *М. К. Любавскій,* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. государства, стр. 315—322.

[2]) Ibid., стр. 420—438.

[3]) Ibid., стр. 421

точно такъ же, какъ и памятники литовско-русской исторіи. Дѣйствительно, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что старосты сельскіе Русской Правды соотвѣтствуютъ сельскимъ атаманамъ и старцамъ Литовско-Русскаго государства, которые, какъ это показалъ проф. М. К. Любавскій, встрѣчались главнымъ образомъ въ земляхъ Кіевской и Подольской, а также въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ [1]). Можетъ быть сомнѣніе только относительно того, совпадалъ ли ратайный Русской Правды съ тивуномъ Литовской Руси. Разрѣшеніе его зависитъ отъ того, какой смыслъ мы будемъ придавать слову *ратаи*. Если подъ ратаями разумѣть самостоятельныхъ земледѣльцевъ, то въ такомъ случаѣ староста ратайный сольется съ сельскимъ, какъ справедливо указалъ на это проф. Гетцъ. Но въ памятникахъ ратаями называются не только самостоятельные пахари, воздѣлывающіе свои земли, но и земледѣльческіе рабочіе, обрабатывающіе чужія поля, служащіе въ чужомъ хозяйствѣ: напр., въ 1510 году Виленскій бурмистръ Янъ Марковичъ обвинялъ передъ судомъ хорунжаго Рудоминскаго въ томъ, что «онъ безъ мене на томъ моемъ поли пять сохъ наехавши порубалъ и *ратаевъ* съ поля сбилъ»; въ слѣдующемъ году дворянинъ господарскій Мартинъ Заранковичъ жаловался на Виленскаго войта, заявляя на судѣ слѣдующее: «штожъ дей онъ на его дворищы дворъ свой збудовалъ, и на иныхъ его дворищохъ люди посажалъ, и поля его на волоки померилъ, и надто дей *ратаевъ* моихъ *дворныхъ* съ поля моего согналъ» [2]) и т. д. Если такъ, то мнѣ кажется, что староста ратайный—это будущій тивунъ Литовской Руси, т. е. онъ былъ приказчикомъ, поставленнымъ надъ земледѣльческими рабочими, обрабатывавшими княжескія земли; при чемъ, въ числѣ этихъ рабочихъ могли находиться не только холопы, но и смерды, отбывавшіе издѣльныя повинности въ пользу князя. Сходство между Русской Правдой и литовско-русскимъ правомъ идетъ еще далѣе и выражается въ томъ, что тамъ и здѣсь отвѣтственность за убійство тѣхъ и другихъ урядниковъ уравнивалась: какъ по Русской Правдѣ за старосту сельскаго и за ратайнаго полагалось одно и тоже денежное взысканіе, такъ и по

[1]) *М. К. Любавскій*, назв. соч., стр. 431, 435—437.

[2]) Литовская Метрика, стр. 11 и 726.

Литовскому Статуту за тивуновъ и старцевъ платилась одинаковая головщина [1]).

Низшую степень служилыхъ людей князя составляли рядовичи или рядовничи: «а въ рядовници княжѣ 5 гривенъ». Этому наименованію въ литературѣ придаютъ разнообразныя значенія. Много сторонниковъ имѣетъ то опредѣленіе термина, которое было дано ему проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскимъ. Онъ производитъ рядовича отъ слова *рядъ*, которое, по его мнѣнію, употребляется Русской Правдой преимущественно въ смыслѣ приказа или распоряженія. Слѣдовательно, рядовичъ—это низшій служитель князя, помощникъ тіуна, назначаемый изъ холоповъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ [2]). По этому поводу уже В. И. Сергѣевичъ справедливо указалъ, что въ Русской Правдѣ значеніе ряда далеко не ограничивается понятіемъ приказа или распоряженія, а потому на основаніи ея постановленій нельзя прійти къ тому выводу, который дѣлаетъ проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій [3]). Однако послѣдній опирается не только на Русскую Правду, но и на другіе памятники. Разсмотримъ ихъ. Прежде всего онъ ссылается на слѣдующее мѣсто изъ договорной грамоты Новгорода съ великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ III: «а сотскимъ и рядовичемъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ». Этотъ примѣръ едва ли подтверждаетъ ту мысль, которую хотѣлъ доказать проф. Мрочекъ-Дроздовскій. Онъ не обратилъ вниманія на другую статью того же договора, непосредственно предшествующую приведенной цитатѣ: «а кто почнеть посулъ давати, или кто почнеть имати по концемъ, и *по рядомъ,* и по стамъ, и по улицамъ у грабезщиковъ и у новодщика и у наѣзщика, ино взяти на томъ закладъ Великимъ Княземъ половина, по Ноугородской грамотѣ, а великому Ноугороду половина» [4]). Прочитавъ эту статью, мы поймемъ, что такое были новгородскіе рядовичи. Оказывается, что въ

---

[1]) Лит. Статутъ, II ред., 12 разд., 2 арт.; III ред., 12 разд., 4 арт.

[2]) *П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій,* назв. соч., Приложенія ко 2-му выпуску, стр. 185—203.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ,* Древности русскаго права, т. 1-й, стр. 109—111 прим. 1-е.

[4]) Акты Археогр. Экспедиціи, т. 1-й, стр. 69.

основѣ ихъ наименованія лежало не отвлеченное понятіе приказа, а реальное представленіе о торговыхъ рядахъ, т. е. о городскихъ участкахъ, которыми они завѣдывали. Должность ихъ произошла отъ территоріальнаго дѣленія Новгорода, точно такъ же, какъ и должности сотскаго, кончанскаго и улицкаго старосты. Понятно, что въ этомъ смыслѣ они не представляли ничего общаго съ рядовичами 2-й Правды, которая имѣетъ въ виду не торговые ряды новгородскаго купечества, а земледѣльческое населеніе. Въ пользу своего толкованія проф. Мрочекъ-Дроздовскій приводитъ также извѣстное изреченіе изъ *Слова Даніила Заточника:* «не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, тіунъ бо его, яко огнь, трепетицею накладенъ, а рядовичи его, яко искры,—аще отъ огня устережешися, то отъ искры не можеши устрещися жженія портъ». И этотъ примѣръ не можетъ быть признанъ убѣдительнымъ. Если проповѣдникъ называетъ рядовичей на второмъ мѣстѣ послѣ тіуна, то неужели отсюда слѣдуетъ, что онъ имѣлъ въ виду его помощниковъ? Развѣ нельзя допустить, что здѣсь рѣчь идетъ о простыхъ работникахъ князя, которые могли причинять сосѣднимъ владѣльцамъ гораздо больше непріятностей, чѣмъ приказчики? Судя же по характеру сравненія, такое предположеніе является даже болѣе правдоподобнымъ, ибо разница между искрами и пламенемъ настолько велика, что едва ли можно усмотрѣть въ нихъ метафорическое указаніе на помощниковъ тіуна. Наконецъ, проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій подкрѣпляетъ свой выводъ черезъ сближеніе *рядовника* Русской Правды съ *урядниками* западно-русскихъ актовъ. Но онъ упускаетъ изъ вида, что урядникъ Литовской Руси не обозначалъ какого-либо опредѣленнаго должностного лица: это было родовое понятіе, обнимавшее всевозможные виды должностей, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Если это слово и въ Русской Правдѣ имѣло такое же широкое значеніе, то спрашивается, какое могло быть отличіе между рядовниками и старостами сельскими, а также ратайными, въ виду того, что послѣдніе тоже были рядовниками въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. имѣли право приказа и распоряженія по отношенію къ подчиненнымъ имъ лицамъ? Другіе ученые производятъ рядовичей отъ слова *рядъ,* понимаемаго ими въ смыслѣ договора. Соотвѣтственно этому,

Н. Ланге опредѣляетъ ихъ, какъ «свободныхъ людей, поступившихъ къ кому нибудь въ услуги по извѣстному ряду или договору»; по его мнѣнію, «рядовичами могли быть только смерды, а не холопы и закупы, потому что ни тѣ, ни другіе не имѣли личной свободы, —необходимаго условія для совершенія ряда или договора» [1]). В. И. Сергѣевичъ также допускаетъ, что служебная зависимость рядовичей возникала изъ договора, но въ отличіе отъ Ланге онъ ограничиваетъ кругъ ихъ только холопами и при томъ не всѣми, а лишь тѣми, рабское состояніе которыхъ устанавливалось на основаніи ряда, т. е. было послѣдствіемъ акта самопродажи: «продавшіе себя въ рабство, но не отличающіеся никакими особыми качествами, и будутъ просто рядовичи» [2]). Эти опредѣленія тоже не могутъ быть приняты, такъ какъ они не вытекаютъ прямо изъ текста Русской Правды. Конечно, никто не будетъ спорить противъ того, что наименованіе рядовичей *вообще* могло указывать и на службу по договору. Тѣмъ не менѣе едва ли есть какое-либо основаніе придавать ему такое узкое значеніе въ данномъ случаѣ. Это ограничительное толкованіе было бы умѣстно, если бы рядовичи противополагались въ Русской Правдѣ другимъ лицамъ, служащимъ безъ договора, но такого противоположенія въ соотвѣтствующихъ статьяхъ ея мы не находимъ. Мнѣ кажется, что подъ рядовичами надо разумѣть обыкновенныхъ служилыхъ людей князя, т. е. это названіе обозначало не распорядительныя функціи ихъ и не способъ возникновенія ихъ служебной зависимости, а указывало лишь на заурядность ихъ положенія. Другими словами, рядовичи Русской Правды имѣли такое же значеніе, какъ *рядовые* Соборнаго Уложенія 1649 г., гдѣ мы находимъ слѣдующія постановленія: «а которыхъ монастырей въ лѣствицѣ не написано, и тѣмъ по суду класть за безчестье: архимаритомъ по десяти рублевъ, игуменомъ по осми рублевъ, келарямъ и казначѣемъ по шти рублевъ; а рядовымъ старцемъ всѣхъ монастырей за безчестье по пяти рублевъ» [3]); «а кузнецкимъ старостамъ самопальнаго дѣла безчестья правити по пяти же рублевъ, а рядовымъ самопальнымъ кузнецомъ за безчестья

---

[1]) *Н. Ланге*, назв. соч., стр. 65 и 66.

[2]) *В. И. Сергѣевичъ*, Древности русскаго права, т. 1-й, стр. 111, прим.

[3]) Глава X, ст. 81—82.

правити по четыре рубли»[1]). Такое толкованіе подтверждается, съ одной стороны, тѣмъ, что рядовичи противопоставляются въ Русской Правдѣ старостамъ сельскимъ и ратайнымъ, т. е. должностнымъ слугамъ князя, а съ другой стороны, тѣмъ, что за рядовичей назначается такая же плата, какъ и за простыхъ смердовъ и холоповъ. Опредѣленіе ихъ въ смыслѣ заурядныхъ людей, не отправляющихъ какой нибудь особой службы, встрѣчается и у другихъ писателей, напримѣръ, у А. Попова, А. Н. Филиппова, М. А. Дьяконова[2]) и т. д. Но они съуживаютъ значеніе этого термина, относя его къ однимъ только холопамъ. Между тѣмъ текстъ краткой Правды не даетъ для этого никакихъ основаній. Въ числѣ рядовичей могли быть и рабы, и свободные, подобно тому, какъ тѣ и другіе встрѣчались и среди должностныхъ слугъ князя, упомянутыхъ выше, т. е. между старостами сельскими и ратайными, тіунами, подъѣздными и т. п. Съ моей точки зрѣнія, рядовичи, поскольку они противополагались сельскимъ старостамъ, были обыкновенными крестьянами, заурядными смердами, а съ другой стороны, рядовичи, поскольку они противополагались ратайнымъ, представляли собою простыхъ земледѣльческихъ работниковъ, каковыми могли быть и холопы, и смерды.

Въ 23-й ст. Акад. сп. мы находимъ слѣдующее положеніе: «а въ смердѣ и въ холопѣ 5 гривенъ»[3]). Спрашивается, о какихъ смердахъ и холопахъ говоритъ она, если мы сейчасъ признали, что тѣ и другіе уже имѣлись въ виду подъ именемъ рядовичей князя? Не есть ли это повтореніе сказаннаго, тѣмъ болѣе, что, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ назначается одна и та же плата въ 5 гривенъ? Нѣтъ, очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о смердахъ и холопахъ, стоявшихъ внѣ княжескаго хозяйства и подчиненныхъ частнымъ лицамъ. Очевидно, что, начиная съ 23-й ст., авторъ краткой Правды переходитъ въ область частновладѣльческихъ зависимыхъ отношеній. Въ этой области дифференціація служилыхъ людей

---

[1]) Глава XXIV, ст. 2.

[2]) *А. Поповъ*, назв. соч., стр. 79; *А. Н. Филипповъ*, назв. соч., стр. 217 *М. А. Дьяконовъ*, назв. соч., стр. 108.

[3]) О варіантѣ этой статьи по Археограф. списку—«а въ смердьи въ холопѣ 5 гривенъ»—будетъ рѣчь ниже въ 5-й главѣ.

проявляется въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ организаціи княжескаго хозяйства. Дѣйствительно, въ отношеніи смердовъ не указывается никакихъ различій. Что же касается холоповъ, то различаются только простые рабы и рабы—кормилицы, а также кормиличицы: «аще раба кормилица, любо кормиличицъ, 12» [1]). Кого называли кормилицами, это не требуетъ объясненія. Но что значитъ кормиличицъ? Въ древнихъ памятникахъ иногда упоминаются кормиличичи въ смыслѣ сыновей воспитателя. Примѣры, указывающіе на такое значеніе термина, собраны проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскимъ и А. Прѣсняковымъ [2]). Но въ краткой Правдѣ сказано: кормиличицъ, а не кормиличичъ. Это, вѣроятно, былъ сынъ кормилицы. Такъ понимали это слово и переписчики Правды, напримѣръ, въ Румянцевскомъ спискѣ ея вмѣсто *кормиличица* стоитъ *кормилицынъ:* «пжь раба кормилица, любо кормилицынъ, 12». Составитель распространенной редакціи находилъ справедливымъ, что за кормилицу взыскивалась повышенная плата, потому что она была рабыней, пользовавшейся особымъ довѣріемъ господъ, рабыней, которой поручалось столь важное и отвѣтственное дѣло, какъ кормленіе господскихъ дѣтей. Но, повидимому, ему казалось неправильнымъ, что за сыновей кормилицы, которые могли быть обыкновенными рабами, тоже платился увеличенный штрафъ. Поэтому онъ замѣнилъ кормиличица *кормильцемъ,* т. е. воспитателемъ: «а за кормилця 12, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба» [3]). Эта измѣненная редакція статьи ввела въ заблужденіе современныхъ изслѣдователей краткой Правды, которые, неудѣливъ должнаго вниманія ея тексту, рѣшили, что и въ ней говорится о кормилицѣ и воспитателѣ, тогда какъ въ дѣйствительности она назначаетъ повышенную плату за кормилицу и ея сына. Нѣкоторое затрудненіе можетъ возникнуть по вопросу о томъ, чѣмъ обусловливалось такое привилегированное положеніе сыновей кормилицы. Но древне-русскіе памятники даютъ на этотъ счетъ болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе. Они свидѣтельствуютъ,

---

[1]) Акад. сп., ст. 24.

[2]) *П. Мрочекъ-Дроздовскій*, назв. соч., вып. II, стр. 185—186; *А. Прѣсняковъ*, назв. соч., стр. 233—237.

[3]) Троицкій сп., ст. 14.

что отношенія между воспитанникомъ, съ одной стороны, и воспитателемъ, а также его сыновьями, съ другой стороны, по воззрѣніямъ и нравамъ той эпохи, уподоблялись родственнымъ отношеніямъ. Самое названіе кормильца *дядькой* показываетъ, что онъ былъ какъ бы дядей воспитанника; сыновья же кормильца назывались дядьковичами, т. е. были какъ бы его двоюродными братьями. Кіевскій князь Юрій Владиміровичъ почиталъ своего кормильца Георгія Симоновича, какъ отца [1]). Галицкій бояринъ Судиславъ называлъ вдову своего кормильца матерью [2]). Если духовно-нравственное воспитаніе создавало такія отношенія близости, то тѣмъ болѣе имѣли они мѣсто въ случаѣ физическаго кормленія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если краткая Правда ставитъ сына кормилицы выше обыкновенныхъ рабовъ, ибо онъ могъ быть молочнымъ братомъ господина. Такимъ образомъ, матеріалъ для разсматриваемой статьи заключался въ бытовой практикѣ нашей древности, но возможно, что мысль о составленіи ея и включеніи въ краткую Правду возникла не безъ вліянія римскаго права. По римскому праву кормилицы и молочные братья, наравнѣ съ нѣкоторыми другими рабами, тоже были поставлены въ привилегированное положеніе. Ихъ особыя квалифицированныя отношенія къ господину считались законными основаніями для отпущенія ихъ на волю. По ученію Институцій, законныя причины освобожденія рабовъ признаются въ тѣхъ случаяхъ, когда кто либо отпускаетъ на волю своихъ натуральныхъ, т. е. незаконныхъ родственниковъ, какъ-то—отца, мать, сына, дочь, брата и сестру, или кто-нибудь даетъ свободу учителю, кормилицѣ, воспитателю, воспитаннику, воспитанницѣ, молочному брату, рабу, чтобы имѣть въ его лицѣ повѣреннаго, или же рабынѣ, чтобы вступить въ бракъ съ нею.

> Iustae autem manumissionis causae sunt, veluti si quis patrem aut matrem aut filium filiamve aut fratrem sororemve naturales aut paedagogum nutricem educatorem aut alumnum alumnamve aut collactaneum manumittat, aut servum procuratoris habendi gratia, aut ancillam matrimonii causa [3]).

---

[1]) *А. Прѣсняковъ*, назв. соч., стр. 237.

[2]) *П. Мрочекъ-Дроздовскій*, назв. соч., вып. II, стр. 183.

[3]) § 5 Inst. I, 6.

Наконецъ, послѣднія двѣ статьи—25-ю и 26-ю авторъ краткой Правды посвящаетъ домашнимъ животнымъ. Согласно съ закономъ Аквилія, онъ исключаетъ изъ перечня ихъ собаку, хотя и упоминаетъ о ней въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умалчиваетъ и о нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, не смотря на то, что онѣ перечислены въ источникѣ. Одни изъ нихъ опущены, вѣроятно, въ виду того, что по мѣстнымъ условіямъ были неизвѣстны, напр., слоны, верблюды и мулы; другіе не названы, можетъ быть, вслѣдствіе того, что по русскимъ народнымъ воззрѣніямъ не считались скотомъ. Не всѣ животныя одного и того же вида оцѣниваются одинаково: различаются самцы и самки (конь и кобыла, волъ и корова и т. д.); имѣетъ значеніе также и возрастъ (теля и яря, третьякъ и лоньщина). Кромѣ того, Русская Правда устанавливаетъ различіе между конемъ князя и смерда: «а за княжь конь, иже тои съ пятномъ, 3 гривнѣ, а за смердѣи 2 гривнѣ» [2]). Въ этомъ постановленіи характерна вставка: *иже тои съ пятномъ*. Она пропущена въ распространенной редакціи [3]), и этимъ, вѣроятно, надо объяснять, почему изслѣдователи Русской Правды или совершенно игнорируютъ ее, или же, если и обращаютъ вниманіе, то считаютъ ее случайнымъ признакомъ, появившимся въ статьѣ, благодаря тому частному судебному случаю, который послужилъ ея источникомъ. Напр., Грыцько говоритъ слѣдующее: «очевидно, что статья хочетъ опредѣлить пеню за кражу всякаго коня, какъ и гласятъ соотвѣтствующія статьи въ Правдѣ пространной, но прибавляетъ: *иже тои съ пятномъ,* потому что съ пятномъ былъ конь, по случаю кражи котораго состоялось постановленіе» [4]). Мнѣ кажется, что это было сознательное добавленіе, и, какъ таковое, оно заслуживаетъ вниманія изслѣдователей, не смотря на то, что распространенная редакція не придаетъ ему значенія. Очевидно, что, по мысли автора краткой Правды, принадлежность коня князю сама по себѣ не влекла за собою усиленной отвѣтствен-

---

[1]) Акад. сп., ст. 37.

[2]) Ibid., ст. 25.

[3]) Троицкій сп., ст. 40.

[4]) *Грыцько*, Участіе общины въ судѣ по Р. Правдѣ (Архивъ ист. и практ. свѣд. 1860—1861 гг.; кн. 5, стр. 112).

ности за его убійство. Необходимо еще, чтобы на немъ было клеймо. Только такіе кони охранялись повышеннымъ взысканіемъ, по всей вѣроятности, потому что это были лучшія лошади, т. е. болѣе породистыя или служившія для военныхъ надобностей. Убійство же обыкновеннаго коня князя, не отмѣченнаго клеймомъ, надо полагать, обсуждалось по общимъ нормамъ, точно такъ же, какъ и убійство рядового его смерда или холопа.

Итакъ, авторъ краткой Правды, положивъ въ основу своихъ опредѣленій объ убійствѣ законъ Аквилія, подвелъ подъ дѣйствіе его не только домашнихъ животныхъ и рабовъ, но и свободныхъ лицъ, связанныхъ съ господиномъ служебною зависимостью. Едва ли можно признать проявленіемъ творческаго произвола такое свободное обращеніе съ источникомъ. Ученіе римскихъ юристовъ объ *actiones utiles* давало ему научное основаніе и юридическое оправданіе. Какъ извѣстно, эти иски сыграли замѣчательную роль въ исторіи римскаго права. Они чрезвычайно расширили область примѣненія законодательства и преторскаго эдикта. Дѣйствіе послѣднихъ по аналогіи было распространено на многіе новые и непредусмотрѣнные случаи жизни, возникавшіе въ судебной практикѣ и болѣе или менѣе сходные съ тѣми, какіе имѣлись въ виду законодателемъ или преторомъ. Въ частности, такому распространительному толкованію подвергся и законъ Аквилія. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ и варіантахъ, которыми сопровождалось послѣдовательное его развитіе въ порядкѣ интерпретаціи. Достаточно указать нѣсколько примѣровъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ. По буквѣ Аквиліева закона искъ о возмѣщеніи вреда принадлежалъ только собственнику раба или иной вещи: «legis autem Aquiliae actio ero competit, hoc est domino [1])». Но по аналогіи этотъ искъ былъ предоставленъ и другимъ лицамъ, какъ-то—узуфруктуарію и залогопринимателю, а также добросовѣстному владѣльцу; «тѣмъ же искомъ пользовался тотъ, кто имѣлъ лишь обязательственное притязаніе на вещь, если терпѣлъ ущербъ вслѣдствіе ея поврежденія и не могъ получить вознагражденія другимъ способомъ» [2]). Значитъ,

---

[1]) Fr. 11, § 6 Dig. 9, 2.

[2]) *Дернбургъ*, Обязательственное право, русскій пер. подъ ред. П. Е. Соколовскаго, 1911 г., стр. 345.

если римскіе юристы давали actio legis Aquiliae всѣмъ потерпѣвшимъ ущербъ отъ поврежденія вещи, хотя бы они были узуфруктуаріями или имѣли только обязательственное право, то я думаю, что авторъ Русской Правды имѣлъ основаніе, не измѣняя духу римскаго права, распространить принципы Аквиліева закона и на свободныхъ лицъ, обязанныхъ службой князю или частному владѣльцу. Хотя эти лица и не считались предметомъ собственности, тѣмъ не менѣе убійство ихъ отражалось на имущественныхъ интересахъ господина, какъ бы ни опредѣлять юридическую роль послѣдняго, приравнивать ли его къ узуфруктуарію или же признавать за нимъ лишь обязательственное притязаніе по отношенію къ убитому. Кромѣ того, заслуживаетъ вниманія еще одна метаморфоза Аквиліева закона, допущенная интерпретаціей римскихъ юристовъ. Они находили возможнымъ основныя положенія этого закона по аналогіи примѣнять и къ случаямъ тѣлеснаго поврежденія, а также неумышленнаго убійства свободнаго человѣка [1]). Слѣдовательно, и съ этой стороны, составитель Русской Правды не очень уклонился отъ своего источника, когда разсматривалъ съ одной и той же точки зрѣнія, какъ убійство рабовъ и животныхъ, такъ и убійство свободныхъ людей. Словомъ, не смотря на то, что римское право опредѣленно и прямо не распространяло Аквиліева закона на убійство слугъ, и хотя эта своеобразная actio utilis является созданіемъ самого автора Русской Правды, тѣмъ не менѣе въ источникахъ римскаго права онъ могъ найти достаточно руководящихъ указаній для такого оригинальнаго пониманія и примѣненія закона.

III.

Убійство въ обиду, въ разбоѣ и на мѣстѣ кражи.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть слѣдующія постановленія Русской Правды, посвященныя убійству огнищанина.

> 18. Аще оубьють огнищанина въ обидоу, то платити зань 80 гривенъ оубіиці, а людемъ не надобѣ; а въ подъѣздномъ княжи 80 гривенъ.

---

[1]) *Дернбургъ*, назв. соч., стр. 347; *Mommsen*, Römisches Strafrecht, стр. 833—836.

19. А иже оубьють огнищанина въ разбои, или оубиица не пщоуть: то вирное платити въ неи же ви.р.и голова начнеть лежати.

20. Аже оубіютъ огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ татьбы, то оубити въ пса мѣсто; а тоже поконъ и тивоуницоу.

Спрашивается, что послужило источникомъ этихъ постановленій —судебная практика или законодательство?

Рѣшеніе этого вопроса въ первомъ смыслѣ должно быть отвергнуто, такъ какъ трудно допустить, чтобы судебный матеріалъ, бывшій въ распоряженіи автора Русской Правды, планомѣрно и послѣдовательно исчерпывалъ и заключалъ въ себѣ всѣ указанные виды убійства огнищанина. Кромѣ того, что касается въ частности ст. 20-й, то она редактирована такъ, что не можетъ быть признана записью отдѣльнаго судебнаго случая, ибо предусматриваетъ цѣлый рядъ фактическихъ возможностей, именно, убійство у клѣти, у коня, у говяда и, наконецъ, у коровьей татьбы.

Большинство изслѣдователей держится другого взгляда, объясняя эти постановленія, какъ результатъ совмѣстной законодательной дѣятельности сыновей Ярослава, перечисленныхъ въ заглавіи 2-й Правды. Полагаютъ, что, хотя это заглавіе и не можетъ быть распространено на весь памятникъ, такъ какъ въ немъ встрѣчаются отдѣльныя противорѣчія, тѣмъ не менѣе оно вполнѣ примѣнимо, по крайней мѣрѣ, къ первымъ тремъ статьямъ его, составляющимъ предметъ нашего изслѣдованія. Законодательное происхожденіе послѣднихъ, какъ и всей 2-й Правды вообще, особенно рѣзко выставляется на видъ и подчеркивается нѣкоторыми новѣйшими писателями. Напр., Б. А. Романовъ по этому поводу высказываетъ слѣдующія замѣчанія. «Не нова мысль, что Правда Ярославичей есть сборникъ разновременныхъ уставовъ, данныхъ этими князьями, какъ всѣми тремя въ совокупности, такъ и нѣкоторыми въ отдѣльности. Взглянувъ на вторую редакцію Правды съ такой именно точки зрѣнія, можно сказать напередъ: здѣсь, естественнѣе всего, встрѣтимся на первомъ планѣ съ нормами, содержаніе коихъ опредѣляется княжескими интересами. При чтеніи, подрядъ, этихъ статей, кончая 9, ожиданіе наше дѣйствительно оправдывается. Въ самомъ дѣлѣ. Первыя три статьи трактуютъ объ ездовомъ и

огнищанинѣ. Огнищанинъ — княжій мужъ, въ дружинѣ князя, близкій князю человѣкъ... Статьи 4 и 6 говорятъ о княжеской администраціи. Ст. 5—о конюхѣ, вѣроятно, тіунѣ конюшемъ (13, Ш), завѣдующемъ княжескими табунами» [1]) и т. д. Проф. А. Прѣсняковъ опредѣляетъ 2-ю Правду, какъ «особый уставъ, выработанный на съѣздѣ старшихъ Ярославичей—Изяслава, Святослава и Всеволода и ихъ мужей» [2]), понимая, впрочемъ, это опредѣленіе лишь въ томъ смыслѣ, что составитель ея черпалъ свои постановленія изъ княжескаго уставного права [3]). У Н. П. Павлова-Сильванскаго мы находимъ слѣдующія соображенія. «Эта Правда, установленная на съѣздѣ князей вмѣстѣ съ ихъ четырьмя мужами, между 1054—1073 г.г., представляетъ собою рядъ постановленій, тѣсно связанныхъ между собою, такъ какъ всѣ они одинаково касаются или княжихъ мужей, княжеской дружины или княжескаго хозяйства. Князья говорятъ въ ней только о своихъ тіунахъ, своихъ конюхахъ, о своихъ старостахъ (сельскомъ старостѣ княжѣ), о своихъ коняхъ и бортяхъ и не касаются людей и имущества частныхъ собственниковъ, напр., купцовъ или славянъ вообще, какъ древнѣйшая Ярославова Правда. Если они въ связи съ этимъ упоминаютъ о смердахъ и холопахъ и о смердьемъ конѣ, то, очевидно, имѣютъ въ виду княжескихъ смердовъ и холоповъ... Правда сыновей Ярослава, устанавливая виру въ 80 гривенъ, называетъ только огнищанъ и приравниваетъ къ нимъ тіуновъ и стараго конюха; о другихъ разрядахъ лицъ она не говоритъ, потому что этотъ памятникъ, вообще, какъ я уже говорилъ, представляетъ собою уставъ, спеціально касающійся лицъ и имущества, близкаго князьямъ. Для лицъ другихъ состояній въ это время, надо полагать, сохранялась установившаяся издавна обычная оцѣнка жизни въ 40 гривенъ. Главное содержаніе устава Ярославичей именно и заключалось въ томъ, что они для своихъ княжихъ мужей огнищанъ установили повышенную виру, въ двойнымъ размѣрѣ въ сравненіи съ обычною 40-гривенной вирой... Эта привилегія была

[1]) Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Императорской Акад. Наукъ 1908 г., т. XIII, кн. 3, стр. 29—31.

[2]) *А. Прѣсняковъ*, Княжое право въ древней Руси, стр. 255.

[3]) Журналъ Мин. Нар. Просв., 1912, № 11, стр. 156.

общей для всѣхъ мужей, потому что ея основаніемъ была власть князя, особая святость, такъ сказать, или неприкосновенность княжескаго огнища, очага, двора князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ этому огнищу. Установленіе повышенной виры для княжихъ мужей было одною изъ ступеней постепеннаго возвышенія княжеской власти и княжескаго дома, которое впослѣдствіи дошло до того, что сдѣлался царскій дворъ своего рода святилещемъ, и оскорбленіе величества сдѣлалось своего рода смертнымъ грѣхомъ, которое каралось сугубо-жестокими казнями»[1]). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и проф. Гетцъ. По его мнѣнію, систематическій и обстоятельный перечень различныхъ видовъ убійства огнищанина, данный въ 18—20 ст. Русской Правды, не могъ быть заимствованъ изъ судебной практики, которая вообще отличается болѣе или менѣе случайнымъ и казуистическимъ характеромъ; очевидно, онъ былъ сознательнымъ установленіемъ законодательства, имѣвшаго въ виду усилить уголовную защиту княжескихъ дружинниковъ, сравнительно съ обыкновенными свободными людьми, и стремившагося къ тому, чтобы по возможности полно и всесторонне исчерпать и предусмотрѣть возможные случаи убійства[2]).

Мысль о законодательномъ происхожденіи 18—20 ст. Акад. сп. едва ли можетъ быть принята, такъ какъ по поводу ея возникаетъ цѣлый рядъ сомнѣній, не разрѣшаемыхъ ея приверженцами. Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на привилегіи огнищанъ, о которыхъ говоритъ 2-я Правда, какъ на признакъ усиленія княжеской власти, для престижа которой необходимо было поднять положеніе лицъ, принадлежавшихъ ко двору князя, то спрашивается, почему же законодательство стало на этотъ путь именно при Ярославичахъ? Казалось бы, что предшествующая эпоха Владиміра Св. и Ярослава Мудраго представляла болѣе благопріятныя условія для такого направленія княжеской политики, ибо никто не станетъ отрицать, что эти князья были болѣе могущественными и энергичными государями, чѣмъ сыновья Ярослава. Съ другой стороны, если признать,

---

[1]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Феодализмъ въ удѣльной Руси, стр. 459, 464—465, 466.

[2]) *Goetz*, назв. соч., т. II, стр. 20—22, 52—55.

что привилегіи огнищанъ были актомъ законодательства, имѣвшаго въ виду не усиленіе княжеской власти, а удовлетвореніе сословныхъ домогательствъ дружины, стремившейся занять исключительное и обособленное положеніе въ обществѣ, то все же останется невыясненнымъ, почему создателями этихъ привилегій оказались Ярославичи, а не предшествующіе имъ князья. Такое недоумѣніе тѣмъ болѣе естественно, что относительно Владиміра Св. намъ извѣстно, по сказанію лѣтописи, что онъ любилъ свою дружину и исполнялъ даже ея капризы, напр., велѣлъ выковать ей серебряныя ложки вмѣсто деревяныхъ. Между тѣмъ о Ярославичахъ и объ ихъ отношеніяхъ къ дружинѣ мы не имѣемъ столь характерныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Оба эти замѣчанія не касаются проф. Гетца, потому что онъ относитъ составленіе 2-й Правды ко времени Владиміра Св. и Ярослава Мудраго. Но вотъ—еще одно соображеніе, которое распространяется и на него. Русская Правда не только говоритъ о привилегіяхъ огнищанина, но и ставитъ его въ положеніе лица, покушающагося на кражу клѣти, коня, говяда и даже коровы, разрѣшая въ такомъ случаѣ убить его, какъ собаку. Это непослѣдовательно и не соотвѣтствуетъ законодательному стилю. Не вѣрится, чтобы законодатель, задавшійся цѣлью возвысить юридическое положеніе огнищанъ, издалъ бы такое унизительное и обидное для нихъ постановленіе [1]).

---

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые защитники законодательнаго происхожденія 20-й ст. Акад. сп. предлагаютъ ей иное толкованіе, идущее въ разрѣзъ съ общепринятымъ пониманіемъ ея текста. Напр., Б. А. Романовъ говоритъ слѣдующее: «третья статья полагаетъ даже смерть „за пса мѣсто“ тому, кто убьетъ огнищанина въ моментъ, когда послѣдній вздумаетъ защищать имущество князя отъ вора; толкованіе этой статьи проф. Дьяконовымъ, который видитъ здѣсь «огнищанина вора», представляется мнѣ неправильнымъ; въ соотвѣтствіи съ предыдущими статьями естественнѣе толковать ее, какъ усиливающую наказаніе за убійство огнищанина на посту охраны княжескихъ интересовъ; проф. Дьяконовъ, видимо, придаетъ статьѣ такой смыслъ: если кто убьетъ огнищанина на мѣстѣ преступленія, то *убить* огнищанина, какъ собаку, т. е. убить убитаго; такъ и самая форма статьи не допускаетъ толкованія проф. Дьяконова». (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XIII, кн. 3-я, стр. 30). Объясненіе г. Романова встрѣтило поддержку со стороны проф. А. Прѣснякова: «не стану, говоритъ онъ, возводить на княжого мужа конокрадства или коровьей татьбы; ср. о смыслѣ этой статьи замѣчанія *Б. А.*

Мнѣ кажется, что правильнѣе всего смотрѣть на ст. 18—20 Акад. сп., какъ на созданіе самого автора Русской Правды. Личная роль его была гораздо активнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Онъ творилъ и сочинялъ, слѣдуя опредѣленной руководящей идеѣ, а не записывалъ только и протоколировалъ уже готовыя нормы права, выработанныя судебной практикой или законодательствомъ, сохраняя въ неприкосновенности ихъ первоначальный видъ. Конечно, содержаніе названныхъ статей взято изъ древне-русской жизни. Но юридическая конструкція мѣстнаго матеріала была навѣяна римскими источниками, въ подтвержденіе чего можно сослаться на слѣдующіе выдержки изъ нихъ.

По закону Аквилія не всякое убійство раба наказуемо. Наказаніе имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ убійство совершено *iniuria*. Подъ iniuria надо разумѣть не личное оскорбленіе, которое даетъ основаніе для actio iniuriarum, а дѣйствіе, несогласное съ пра-

---

Романова. Огнищанинъ у клѣти или у коня и т. п., тоже, что конюхъ старый у стада статьи 5-й. Непонятно, какъ можно убить во пса мѣсто—уже убитаго огнищанина. Мысль, которую вкладываетъ въ эту статью *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, была бы выражена иначе, какъ въ ст. 17: «то той убитъ и есть». Статья стоитъ въ ряду статей, защищающихъ огнищанина». Опираясь на такое пониманіе статьи, проф. А. Прѣсняковъ дѣлаетъ отсюда довольно важный выводъ о низкомъ соціальномъ положеніи огнищанъ въ эпоху краткой Правды, т. е. въ 11 ст., выражая свое удивленіе по этому поводу въ такихъ словахъ: «если вспомнить боярское положеніе огнищанина въ позднѣйшихъ новгородскихъ текстахъ—конца XII и XIII в., какимъ архаизмомъ представится огнищанинъ устава старшихъ Ярославичей! Видимъ его у клѣти, у конюшни, на скотномъ дворѣ, наряду съ конюхомъ старымъ при стадѣ, съ ѣздовымъ и тіунами» (Княжое право въ древней Руси, стр. 241). По поводу предложеннаго толкованія 20-й ст. Акад. сп. можно представить рядъ слѣд. соображеній. Убійство огнищанина при исполненіи имъ своихъ обязанностей по охранѣ княжеской собственности являлось убійствомъ въ разбоѣ, за которое краткая Правда назначаетъ не смертную казнь, а уплату виры. Неизвѣстно, на чемъ основано предположеніе, что въ ст. 20-й рѣчь идетъ о княжескомъ имуществѣ: она говоритъ о клѣти, о конѣ и т. п., но не опредѣляетъ, кому они принадлежатъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда 2-я Правда касается княжеской собственности, она обыкновенно прибавляетъ соотвѣтствующее указаніе на владѣльца: «а за княжъ конь 3 гривнѣ», «а въ княжѣ борти 3 гривнѣ». Предложенное толкованіе 20-й ст. превращаетъ огнищанъ въ ночныхъ сторожей княжескаго имущества; такая низкая общественная роль, конечно, не могла дать имъ права на ту усиленную уголовную защиту, которой они пользовались; правда, былъ случай, что Изяславъ взыскалъ за убійство своего стараго конюха 80 гривенъ, но это рѣшеніе князя такъ и записано, какъ исключеніе, а

вомъ, противозаконное, т. е. примѣнительно къ данному случаю— убійство виновное. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Аквиліева закона, iniuria обозначаетъ вредъ, причиненный по винѣ другого, хотя бы даже и безъ его желанія.

> Si servus servave iuiuria occisus occisave fuerit, lex Aquilia locum habet. iniuria occisum esse merito adicitur: non enim sufficit occisum, sed oportet iniuria id esse factum.
>
> Iniuriam autem hic accipere nos oportet non quemadmodum circa iniuriarum actionem contumeliam quandam, sed quod non iure factum est, hoc est contra ius, id est si culpa quis occiderit: et ideo interdum utraque actio concurrit et legis Aquiliae et iniuriarum, sed duae erunt aestimationes, alia damni, alia contumeliae. igitur iniuriam hic damnum accipiemus culpa datum etiam ab eo, qui nocere noluit [1]).

не въ видѣ общаго правила. Огнищанинъ у клѣти, у коня и т. д. ст. 20-й не одно и тоже, что старый конюхъ у стада въ ст. 21-й: первая имѣетъ въ виду мѣсто и поводъ убійства, а вторая опредѣляетъ званіе и родъ службы убитаго, указывая на то, что онъ состоялъ пастухомъ при стадѣ; гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ убитъ, остается неизвѣстнымъ; во всякомъ случаѣ изъ текста ея отнюдь не слѣдуетъ, что убійство его было совершено у стада, а тѣмъ болѣе, что оно сопровождалось противозаконнымъ посягательствомъ на княжескіе табуны. Говорятъ: если бы ст. 20-я имѣла въ виду убійство огнищанина-вора, то эта мысль была бы выражена иначе, какъ въ ст. 17-й: «то той убитъ и есть». Почему? Что исключало возможность изложенія той же мысли въ нѣсколько иной редакціи? Мнѣ кажется, что авторъ Р. Правды имѣлъ основаніе усилить въ данномъ случаѣ рѣзкость своего тона, такъ какъ рѣчь шла о покушеніи на кражу со стороны старшаго дружинника князя, а потому самая возможность безнаказаннаго убійства столь высокопоставленнаго лица могла быть подъ сомнѣніемъ, и кромѣ того, важное общественное положеніе вора должно было возбуждать особенное презрѣніе и отвращеніе къ его дѣянію. Само собою разумѣется, что опредѣленіе Р. Правды *то оубити въ пса мѣсто*—это сентенція автора ея по поводу происшедшаго, а не предписаніе убить убитаго; оно означаетъ: такъ и слѣдуетъ, чтобы огнищанина, унизившагося до кражи, убили, какъ собаку. Послѣднія слова указывали на безправіе вора, застигнутаго на мѣстѣ кражи, въ томъ смыслѣ, что онъ могъ быть убитъ безъ суда и безнаказанно; напротивъ, если подъ убійствомъ разумѣть наказаніе, которому по суду подвергался убійца огнищанина, то выраженіе—„*въ пса мѣсто*"—было бы излишнимъ и неумѣстнымъ. Все сказанное даетъ мнѣ увѣренность въ томъ, что объясненія, предложенныя г.г. Романовымъ и Прѣсняковымъ, не поколебали прочно установившагося пониманія 20-й ст. Акад. сп.

[1]) Fr. 3 Dig. 9, 2; Fr. 5, § 1 Dig. 9, 2.

Въ случаѣ отсутствія вины не можетъ быть и отвѣтственности. Слѣдовательно, я не отвѣчаю, если убью твоего раба, засѣвшаго мнѣ дорогу съ цѣлью разбойнаго нападенія, потому что не только естественный разумъ, но и положительное право дозволяютъ защищаться отъ опасности. Напр., по законамъ XII таблицъ разрѣшалось убить вора, захваченнаго ночью, съ тѣмъ условіемъ, чтобы о случившемся гласно было объявлено; при соблюденіи этого требованія, можно было безнаказанно убить и дневного вора, если онъ оборонялся съ оружіемъ въ рукахъ. Преторскій эдиктъ также не усматривалъ *iniuria* въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо убивалъ другого, напавшаго на него съ оружіемъ, или убивалъ вора, опасаясь за свою жизнь. Но если кто-нибудь, имѣя возможность поймать вора, предпочтетъ убить его, то это дѣяніе считается противозаконнымъ. На томъ же основаніи дѣйствію Аквиліева закона не подлежитъ убійство, совершенное сумасшедшимъ, ибо здѣсь нѣтъ вины. Наконецъ, всѣ случайныя убійства по этому закону также ненаказуемы.

Itaque si servum tuum latronem insidiantem mihi occidero, securus ero: nam adversus periculum naturalis ratio permittit se defendere. Lex duodecim tabularum furem noctu deprehensum occidere permittit, ut tamen id ipsum cum clamore testificetur: interdiu autem deprehensum ita permittit occidere, si is se telo defendat, ut tamen aeque cum clamore testificetur.

Ulpianus libro octavo decimo ad edictum. Sed et si quemcumque alium ferro se petentem quis occiderit, non videbitur iniuria occidisse: et si metu quis mortis furem occiderit, non dubitabitur, quin lege Aquilia non teneatur. sin autem cum posset adprehendere, maluit occidere, magis est ut iniuria fecisse videatur.

Et ideo quaerimus, si furiosus damnum dederit, an legis Aquiliae actio sit? et Pegasus negavit: quae enim in eo culpa sit, cum suae mentis non sit? et hoc est verissimum.

Ac ne is quidem hac lege tenetur, qui casu occidit, si modo culpa eius nulla invenitur [1]).

---

[1]) Fr. 4 Dig. 9, 2; Fr. 5 pr., § 2 Dig. 9, 2; § 3 Inst. IV, 3.

Вина можетъ быть неосторожная и умышленная. По закону Аквилія наказуема всякая неосторожность, даже самая легкая: in lege Aquilia et levissima culpa venit [1]). Но съ другой стороны, этотъ законъ не различаетъ умышленныхъ дѣйствій отъ неосторожныхъ, поскольку дѣло касается ихъ карательныхъ послѣдствій, ибо тѣ и другія сопровождаются одинаковой отвѣтственностью.

> Nam alioquin non minus ex dolo quam ex culpa quisque hac lege tenetur.
>
> Illud palam est, sicut ex primo capite (legis Aquiliae) ita demum quisque tenetur, si dolo aut culpa eius homo aut quadrupes occisus occisave fuerit, ita ex hoc capite ex dolo aut culpa de cetero damno quemque teneri [2]).

Исключеніе изъ этого правила составляло умышленное убійство раба, которое могло быть преслѣдуемо, какъ по закону Аквилія, такъ и по закону Корнелія. Это значитъ, что, если былъ избранъ второй путь, то убійство разсматривалось, какъ delictum publicum, а не privatum, т. е. съ одной стороны, оно преслѣдовалось въ порядкѣ публичнаго обвиненія, представленнаго каждому гражданину, а съ другой стороны, влекло за собою не уплату штрафа, а личное наказаніе.

> Si dolo servus occisus sit, et lege Cornelia agere dominum posse constat: et si lege Aquilia egerit, praeiudicium fieri Corneliae non debet.
>
> Publica iudicia neque per actiones ordinantur nec omnino quidquam simile habent ceteris iudiciis, de quibus locuti sumus, magnaque diversitas est eorum et in instituendis et in exercendis. Publica autem dicta sunt, quod cuivis ex populo exsecutio eorum plerumque datur... Publica autem iudicia sunt haec... Item lex Cornelia de sicariis, quae homicidas ultore ferro persequitur vel eos, qui hominis occidendi causa cum telo ambulant [3]).

---

[1]) Fr. 44 pr. Dig. 9, 2.

[2]) §§ 3 и 14 Inst. IV, 3.

[3]) Fr. 23, § 9 Dig. 9, 2; §§ 1, 3, 5 Inst. IV, 18 pr.

Изложенныя постановленія римскаго права отразились на соотвѣтствующихъ статьяхъ Русской Правды объ убійствѣ огнищанина и даютъ ключъ къ пониманію ихъ смысла, до сихъ поръ достаточно не выясненнаго и очень спорнаго въ литературѣ.

Съ этой точки зрѣнія, *убить въ обиду* по Русской Правдѣ, очевидно, имѣетъ тотъ же смыслъ, что и *убить iniuria* по римскому праву. Употребляя такое выраженіе, авторъ ея имѣлъ въ виду обозначить убійство, недозволенное и несогласное съ правомъ, все равно, совершено ли оно умышленно или неосторожно. Такимъ образомъ, въ это широкое понятіе входитъ и *убійство въ разбоѣ,* какъ одно изъ частныхъ его проявленій. Значитъ, нельзя сказать, что Русская Правда противопоставляла его убійству въ обиду или отождествляла съ нимъ, какъ обыкновенно утверждаютъ; повидимому, она лишь выдѣляла и обособляла его, какъ часть изъ цѣлаго, какъ важнѣйшій случай неправомѣрнаго убійства вообще, требовавшій спеціальнаго и нарочитаго вниманія и опредѣленія.

Въ римскихъ источникахъ инъюріозное убійство противополагается ненаказуемому убійству вора. То же самое различіе оттѣняетъ и Русская Правда, когда говоритъ, что за убійство огнищанина въ обиду взыскивается 80 гривенъ, а если онъ былъ убитъ на мѣстѣ кражи, то такъ ему и слѣдуетъ,—пусть будетъ убитъ, какъ собака. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ редакціонномъ отношеніи послѣдняя статья указываетъ на вліяніе Судебника царя Константина, гдѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: «иже съ мужатою женою обрѣтаеться, носы обѣма урѣзати, да битъ будеть; аще самъ мужъ застанеть, да убьеть я обою, *яко пса* у мерзости» [1]). Такимъ образомъ, отсюда могла быть заимствована формула Русской Правды, уподоблявшая огнищанина, убитаго на кражѣ, собакѣ: «*то убити въ пса мѣсто*».

По закону Аквилія, убійство вора не всегда считалось дозволеннымъ дѣйствіемъ. Если вора можно было поймать, а его предпочли убить, то въ этомъ случаѣ признавалось наказуемое самоуправство. Тоже самое мы видимъ и въ Русской Правдѣ: убійство вора оправдывалось, если онъ сопротивлялся, но если его связали и затѣмъ убили, вмѣсто того, чтобы вести его на княжій дворъ,

[1]) Софійскій Временникъ, ч. I, стр. 132.

то виновные подвергались отвѣтственности. Это положеніе выражено въ 38-й ст. Акад. сп. въ качествѣ общаго правила. Слѣдовательно, оно должно быть распространено и на случай съ огнищаниномъ, предусмотрѣнный въ ст. 20-й.

Въ римскомъ правѣ понятіе *iniuria* заключало въ себѣ не только неосторожныя, но и умышленныя дѣйствія: отвѣтственность за тѣ и другія покрывалась одной и то же платой. Однако это правило послѣдовательно примѣнялось къ убійству только животныхъ. По отношенію же къ рабамъ было допущено изъятіе. Хотя умышленное убійство раба обсуждалось по общимъ правиламъ Аквиліева закона, однако оно могло быть преслѣдуемо и по закону Корнелія. Въ первомъ случаѣ дѣло разсматривалось въ исковомъ порядкѣ, и наказаніе ограничивалось уплатой штрафа; но во второмъ случаѣ имѣло мѣсто публичное обвиненіе, и отвѣтственность падала на личность преступника. Таковы постановленія римскаго права. Есть основаніе думать, что и Русская Правда, подобно своему образцу, включала въ понятіе обиды не только неосторожную, но и умышленную вину, опредѣляя отвѣтственность за ту и другую одной и той же мѣрой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Русская Правда, подражая закону Аквилія, изъ общей совокупности разнообразныхъ случаевъ, составляющихъ понятіе убійства въ обиду, выдѣляетъ одинъ изъ нихъ наиболѣе тяжкій подъ именемъ убійства въ разбоѣ. Впрочемъ, едва ли можно понимать послѣднее, какъ умышленное убійство вообще, т. е. въ смыслѣ *occisio dolo* римскаго права. Не слѣдуетъ идти дальше того, что заключаетъ въ себѣ текстъ. Если текстъ статьи называетъ убійство въ разбоѣ, т. е. съ корыстною цѣлью, то слѣдовательно, рѣчь идетъ только объ одномъ частномъ случаѣ умышленнаго убійства. Остальные же виды его сюда не относятся. Они въ той же мѣрѣ, какъ и случаи неосторожности, подчинялись общимъ положеніямъ объ убійствѣ въ обиду. Какъ бы то ни было, но, если авторъ Русской Правды обратилъ особенное вниманіе на убійство въ разбоѣ и разсматривалъ его отдѣльно и независимо отъ убійства въ обиду вообще, то весьма возможно, что въ этомъ случаѣ онъ бралъ примѣръ съ римскаго права, которое обнаруживаетъ подобное же отношеніе къ умышленному убійству раба.

Аналогія между ними продолжается далѣе и выражается въ слѣдующихъ болѣе детальныхъ чертахъ. Какъ уже сказано, римское

право не исключало умышленнаго убійства раба изъ сферы дѣйствія Аквиліева закона, а давало лишь альтернативную возможность преслѣдовать его и на основаніи закона Корнелія. Такимъ образомъ, это преступленіе стояло какъ бы на границѣ дѣйствія двухъ различныхъ законовъ и соприкасалось съ двумя противоположными областями уголовнаго права — частнаго и публичнаго. Нѣчто подобное наблюдается и въ Русской Правдѣ. По роду и величинѣ наказанія, между убійствомъ въ обиду и убійствомъ въ разбоѣ нѣтъ разницы: за то и другое взыскивается одинаковый штрафъ въ размѣрѣ 80 гривенъ. Но въ порядкѣ преслѣдованія обоихъ преступленій замѣтно различіе. Убійство въ разбоѣ разсматривалось, какъ преступленіе, имѣющее важное общественное значеніе, какъ delictum publicum. Поэтому не только потерпѣвшій имѣлъ право преслѣдовать разбойника, но и жители верви, гдѣ найденъ былъ трупъ убитаго, обязаны были искать преступника, если же они отказывались отъ выполненія этой обязанности, то должны были платить положенный штрафъ за убійство. Такимъ образомъ, Русская Правда, въ своеобразной формѣ и примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, имѣла въ виду достиженіе той же цѣли, которой въ римскомъ правѣ служила система всенароднаго обвиненія, установленнаго по отношенію къ delicta publica и въ частности по отношенію къ умышленному убійству. Эта цѣль состояла въ томъ, чтобы по возможности облегчить и обезпечить обнаруженіе преступника и правлеченіе его къ отвѣтственности, допустивъ къ преслѣдованію его не только потерпѣвшаго, но и постороннихъ лицъ. Напротивъ, убійство въ обиду вообще, за исключеніемъ разбоя, опредѣляется въ Русской Правдѣ, какъ delictum privatum. Преслѣдованіе его составляло частный интересъ потерпѣвшаго, но не считалось обязанностью общества. Соотвѣтственно этому, Русская Правда предписываетъ преступнику платить 80 гривенъ, но не распространяетъ отвѣтственности на другихъ лицъ, добавляя: «а людемъ не надобѣ». Если члены верви не отвѣчали за убійство въ обиду, то значитъ, на нихъ не лежала и обязанность искать убійцу, ибо одно другимъ обусловливалось.

Предшествующія замѣчанія даютъ основаніе для слѣдующаго вывода. Постановленія Русской Правды, относящія къ убійству

огнищанина, являются результатомъ искуственнаго сочетанія мѣстнаго бытового матеріала съ теоретическими положеніями римскаго права. Римскіе источники проводили отчетливо границу между убійствомъ раба, совершеннымъ iniuria, и убійствомъ его, не вмѣняемымъ въ вину; въ нихъ также содержалось понятіе объ умыслѣ, какъ о наиболѣе тяжкомъ видѣ iniuria. Авторъ Русской Правды усвоилъ эти ученія и примѣнилъ ихъ къ убійству огнищанина, въ условіяхъ древне-русской жизни. Онъ интересовался послѣднимъ, не какъ живымъ человѣкомъ во всей совокупности его бытовыхъ и реальныхъ отношеній, а скорѣе всего, какъ поводомъ для иллюстраціи общихъ уголовно-правовыхъ понятій, почерпнутыхъ изъ римскаго права. Имѣя въ виду такую цѣль, онъ не стѣснялся производить надъ нимъ соотвѣтствующіе эксперименты и безжалостно ставилъ его во всевозможныя положенія, мысленно убивая его въ обиду, въ разбоѣ и даже у коровьей татьбы. Поэтому весьма рискованно, какъ мнѣ кажется, на основаніи 20-й ст. Акад. сп. дѣлать какіе-либо выводы, заключающіе въ себѣ характеристику исторической дѣйствительности, напр., о соціальномъ положеніи огнищанъ, о состояніи ихъ нравственности и т. п. Изображеніе огнищанина въ роли лица, покушающагося на кражу клѣти, коня или коровы, не отражало въ себѣ повседневной практики того времени, а представляло собою теоретическую и мыслимую возможность. Столь же мало вѣроятнымъ, съ исторической и бытовой точки зрѣнія, представляется и роль конокрада по отношенію къ тіуну княжескому, а между тѣмъ авторъ Русской Правды допускаетъ такую возможность, заканчивая изложеніе 20-й ст. слѣдующимъ замѣчаніемъ: «а тоже поконъ и тивоуницоу». Очевидно, пользуясь званіемъ послѣдняго, онъ хотѣлъ по возможности ярче и рѣзче выразить ту мысль, что убійство вора на мѣстѣ преступленія не наказуемо, какъ бы убитый ни стоялъ высоко на общественной лѣстницѣ. Слѣдовательно, *поконъ*, о которомъ говоритъ ст. 20-я, это не законодательная норма государственной власти и не обычай, извлеченный изъ судебной практики; это было правило, которое диктовалось логикой, не смущающейся крайними выводами изъ опредѣленнаго теоретическаго положенія, хотя бы они и расходились съ фактическими отношеніями окружающей дѣйствительности.

IV.

Послѣдствія убійства.

Въ первой главѣ Аквиліева закона говорится. что убившій чужого раба или четвероногое животное изъ породы скота долженъ уплатить его господину высшую цѣну убитыхъ, какую они имѣли въ продолженіе послѣдняго года, предшествовавшаго убійству и истекшаго въ моментъ его совершенія.

> Damni iniuriae actio constituitur per legem Aquiliam. cuius primo capite cautum est, ut si quis hominem alienum alienamve quadrupedem quae pecudum numero sit occiderit, quanti ea res in eo anno plurimi fuit, tantum domino dare damnetur [1]).

Значитъ, эта плата имѣла смѣшанный характеръ, т. е. заключала въ себѣ, какъ частное удовлетвореніе потерпѣвшаго, такъ и уголовное наказаніе виновнаго, потому что послѣдній отвѣчалъ не только въ размѣрѣ причиненнаго имъ вреда, но иногда и гораздо болѣе: напр., если былъ убитъ рабъ, оказавшійся хромымъ, одноглазымъ и безрукимъ въ моментъ убійства, но раньше не имѣвшій этихъ недостатковъ, то виновный присуждался къ уплатѣ не настоящей цѣны раба, а высшей его стоимости за послѣдній годъ, когда онъ, можетъ быть, еще не былъ калѣкой и, слѣдовательно, цѣнился дороже.

> His autem verbis legis «quanti id in eo anno plurimi fuerit» illa sententia exprimitur, ut si quis hominem tuum, qui hodie claudus aut luscus aut mancus erit, occiderit, qui in eo anno integer aut pretiosus fuerit, non tanti teneatur, quanti is hodie erit, sed quanti in eo anno plurimi fuerit. qua ratione creditum est poenalem esse huius legis actionem, quia non solum tanti quisque obligatur, quantum damni dederit, sed aliquando longe pluris [2]).

Иными правилами опредѣлялась отвѣтственность за убійство чужого раба, если онъ былъ убитъ вслѣдствіе выливанія или выбрасыванія вещей изъ дома въ такомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно ходитъ

---

[1]) Inst. IV, 3 pr.

[2]) § 9 Inst. IV, 3.

публика. Въ этомъ случаѣ съ виновнаго взыскивался причиненный ущербъ въ двойной суммѣ.

> Praetor ait de his, qui deiecerint vel effuderint: «unde in eum locum, quo vulgo iter fiet vel in quo consistetur, deiectum vel effusum quid erit, quantum ex ea re damnum datum factumve erit, in eum, qui ibi habitaverit, in duplum iudicium dabo» [1]).

Но если бы отъ названнаго дѣйствія погибъ свободный человѣкъ, то взыскивался штрафъ въ размѣрѣ 50 золотыхъ; искъ же объ уплатѣ двойной стоимости убитаго не могъ быть предъявленъ, потому что тѣло свободнаго человѣка не подлежитъ оцѣнкѣ.

> Sed cum homo liber periit, damni aestimatio non fit in duplum, quia in homine libero nulla corporis aestimatio fieri potest, sed quinquaginta aureorum condemnatio fit [2]).

Такъ опредѣлялись въ римскихъ источникахъ послѣдствія убійства. 2-я Правда тоже ограничиваетъ отвѣтственность убійцы денежными платежами. Но само собою разумѣется, что въ количественномъ опредѣленіи ихъ она не могла руководиться тѣми правилами разсчета, которыя были установлены закономъ Аквилія, такъ какъ авторъ ея имѣлъ въ виду не только рабовъ и животныхъ, для которыхъ существовали рыночныя цѣны, но и свободныхъ слугъ, по отношенію къ которымъ такой способъ оцѣнки представлялся непригоднымъ. Мы видѣли сейчасъ, что и римское право, въ случаѣ неумышленнаго убійства свободнаго человѣка, требовало уплаты штрафа, опредѣленнаго точной и неизмѣнной цифрой. Этой системы таксированныхъ взысканій держался и авторъ Русской Правды, примѣнивъ ее не только къ свободнымъ лицамъ, состоящимъ на службѣ, но и къ рабамъ, а также животнымъ.

По закону Аквилія плата за убійство раба или домашняго животнаго шла въ пользу ихъ хозяина. То же самое надо сказать и о соотвѣтствующихъ взысканіяхъ Русской Правды: они уплачивались князю или частному владѣльцу, смотря по тому, кому принадлежало убитое животное, и подъ чьей властью находился слуга, все равно, былъ ли онъ рабомъ или свободнымъ человѣкомъ.

---

[1]) Fr. 1 pr. Dig. 9, 3.

[2]) Fr. 1, § 5 Dig. 9, 3.

Очевидно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, эти взысканія Русской Правды, подобно платежамъ Аквиліева закона, имѣли смѣшанный характеръ, т. е. они не только возмѣщали имущественный вредъ хозяина, но сверхъ того, служили и карательнымъ цѣлямъ. Впрочемъ, въ наукѣ установился иной взлядъ, согласно которому денежные штрафы, таксируемые 18—26 ст. Акад. сп., имѣли неодинаковую юридическую природу. Именно, полагаютъ, что плата въ размѣрѣ 80 гривенъ, о которой говорится въ ст. 18—21, имѣла уголовное значеніе, такъ какъ въ ст. 19 она названа вирой. Напротивъ, тѣ взысканія, которыя перечисляются въ ст. 22—26, были не чѣмъ инымъ, какъ частнымъ вознагражденіемъ собственника за причиненный ему имущественный вредъ. Такое толкованіе этихъ статей основывается на аналогіи съ распространенной редакціей Русской Правды, авторъ которой уголовный штрафъ за убійство холопа исчисляетъ въ размѣрѣ 12 гривенъ и тѣмъ обнаруживаетъ, что 5 гривенъ, о которыхъ упоминаетъ ст. 23 Акад. сп., по его мнѣнію, имѣли значеніе урока, т. е. частнаго возмѣщенія [1]), что еще болѣе подтверждается тѣми постановленіями ея, которыя опредѣляютъ отвѣтственность за содѣйствіе бѣглому холопу, гдѣ рабъ оцѣнивается въ 5 гривенъ [2]). Съ другой стороны, и тѣ платы за различные виды домашнихъ животныхъ, которыя устанавливаетъ ст. 26 Акад. сп., въ распространенной редакціи прямо показаны, какъ «уроки скоту», таксированные на случай кражи и сопровождавшіе уголовную отвѣтственность вора [3]). Однако я не могу послѣдовать за авторомъ распространенной Правды въ толкованіи названныхъ статей Акад. сп., какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Я думаю, что всѣ денежныя взысканія, исчисленныя въ этихъ статьяхъ, носили одинъ и тотъ же характеръ. Только при этомъ условіи они могли служить сравнительнымъ мѣриломъ для оцѣнки различныхъ видовъ убійства, перечень которыхъ даетъ намъ 2-я Правда въ послѣдовательномъ порядкѣ, по степенямъ ихъ убывающей важности. Авторъ ея не достигъ бы своей цѣли, если бы онъ въ серединѣ этого перечня перешелъ съ одной плоскости на другую и,

---

[1]) Троицкій сп., ст. 84.

[2]) Ibid., ст. 106—107.

[3]) Ibid., ст. 41.

такимъ образомъ, безъ всякаго основанія и мотивовъ нарушилъ единство и тождество руководящаго критерія. Поэтому, если ст. 19 называетъ плату за убійство вирой, т. е. придаетъ ей карательное значеніе, то мы въ правѣ признать это значеніе и за остальными штрафами, указанными въ предѣлахъ ст. 18—26 Акад. сп. и являющимися составными звеньями одной и той же непрерывной цѣпи.

Среди многочисленныхъ объясненій, которыя давались римскими юристами закону Аквилія, мы находимъ слѣдующую мысль. Если кто убьетъ чужого раба, то особое благоволеніе къ нему господина не должно входить въ разсчетъ при его оцѣнкѣ. Напр., хотя бы убитый оказался чьимъ-либо натуральнымъ сыномъ, котораго отецъ очень любилъ и за котораго онъ готовъ бы дать высокую плату, если бы ему надо было покупать его, тѣмъ не менѣе вознагражденіе за убитаго раба опредѣляется по той стоимости его, какую онъ имѣетъ для всѣхъ. По этому поводу Секстъ Педій говоритъ, что вещи оцѣниваются съ общей точки зрѣнія, а не по личному расположенію къ нимъ собственника и не по степени полезности ихъ для отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ, кто имѣетъ натуральнаго сына-раба, не дѣлается богаче отъ того, что онъ очень дорого бы заплатилъ, если бы этотъ сынъ находился въ чужой власти, и ему пришлось бы выкупать его. Съ другой стороны, и тотъ, кто владѣетъ чужимъ натуральнымъ сыномъ, не обогащается настолько, за сколько онъ могъ бы продать его отцу. Ибо по закону Аквилія преслѣдуется вредъ, и размѣръ нашей потери опредѣляется тѣмъ, что мы могли бы получить или же вынуждены были бы уплатить.

> *Paulus libro secundo ad Plautium.* Si servum meum occidisti, non affectiones aestimandas esse puto, veluti si filium tuum naturalem quis occiderit quem tu magno emptum velles, sed quanti omnibus valeret. Sextus quoque Pedius ait pretia rerum non ex affectione nec utilitate singulorum, sed communiter fungi: itaque eum, qui filium naturalem possidet, non eo locupletiorem esse, quod eum plurimo, si alius possideret, redempturus fuit, nec illum, qui filium alienum possideat, tantum habere, quanti eum patri vendere posset. in lege enim Aquilia damnum consequimur: et amisisse dicemur, quod aut consequi potuimus aut erogare cogimur [1]).

[1]) Fr. 33 pr. Dig. 9, 2.

Это разсужденіе, раскрывающее одинъ изъ основныхъ принциповъ Аквиліева закона, объясняетъ намъ многія характерныя особенности того отдѣла Русской Правды, которымъ мы сейчасъ интересуемся.

Такъ, ученіе римскихъ юристовъ о томъ, что цѣнность раба измѣряется его объективной полезностью и не можетъ увеличиваться отъ индивидуальныхъ заслугъ его передъ господиномъ или же вслѣдствіе особенной симпатіи къ нему со стороны хозяина, это ученіе, повидимому, отразилось на ст. 21-й Акад. сп., опредѣляющей отвѣтственность за убійство стараго конюха. Штрафъ въ 80 гривенъ, взысканный съ убійцъ Изяславомъ, настолько превышалъ общественное значеніе конюховъ, что составитель Русской Правды, руководившійся правилами Аквиліева закона, не считалъ возможнымъ это рѣшеніе князя, очевидно, продиктованное мотивами личнаго характера, редактировать, какъ общую юридическую норму, но включилъ его въ свой сборникъ, какъ частный случай изъ судебной практики.

Отмѣчу далѣе слѣдующую своеобразную черту Русской Правды. За убійство княжескихъ рядовичей она назначаетъ такую же плату, какъ и за убійство частновладѣльческихъ смердовъ и холоповъ. Точно также нѣтъ въ ней различія между княжескимъ и частнымъ владѣніемъ и по отношенію къ домашнимъ животнымъ. Исключеніе составляли только лошади. За коня князя платилось больше, чѣмъ за коня смерда. Но не всѣ княжескіе кони пользовались такой привилегіей, а лишь тѣ, на которыхъ были клейма. Клеймились же, вѣроятно, лучшія и болѣе цѣнныя лошади. Слѣдовательно, рѣшающее значеніе имѣло качество лошади. а не ея принадлежность князю. Иныя постановленія по этому поводу находимъ мы въ Литовскомъ Статутѣ: «теж уставляем, естлибы хто занял або пограбилъ стадо королевское або князское або панское або земянское, а уморилъ кобылу або жеребца; тогды за жеребца королевского десять копъ грошей, а за кобылу пят копъ грошей. А естлибы панского стада хто жеребца або кобылу пограбилъ; тогды за жеребца пят копъ грошей, а за кобылу три копы грошей... А што ся дотычеть мужиковы клячы або жеребца доморослого, полтина грошей» [1]).

[1]) Лит. Статутъ, ред. 1, разд. 12, арт. 1.

Здѣсь отвѣтственность увеличивается или уменьшается въ зависимости отъ соціальнаго положенія собственника лошадей; качества же ихъ не играютъ роли. Оригинальность Русской Правды въ этомъ отношеніи объясняется тѣмъ, что авторъ ея слѣдовалъ руководящимъ началамъ Аквиліева закона. По этому закону первенствующее и даже исключительное значеніе имѣлъ имущественный вредъ, который во всѣхъ случаяхъ оцѣнивался общей и одинаковой мѣркой, недопускавшей никакихъ изъятій. Охранять экономическіе интересы князя болѣе высокими штрафами, чѣмъ интересы частныхъ лицъ, это значило бы—принимать во вниманіе авторитетъ власти, т. е. понятіе, не поддающееся денежной оцѣнкѣ и, слѣдовательно, чуждое закону Аквилія, потому что онъ считался только съ количествомъ убытковъ, а всѣ прочія соображенія иного порядка устранялъ изъ поля своего зрѣнія.

Литовскій Статутъ различаетъ головщину крестьянъ и холоповъ: «а хтобы мужика тяглого забилъ, тотъ маетъ платити за него головщины десять копъ грошей; а за паробка невольнаго головщины пять копъ грошей» [1]). Свободное или рабское состояніе лица учитывается и въ постановленіяхъ Литовскаго Статута, касающихся убійства различныхъ должностныхъ лицъ по сельскому управленію: «тежъ уставуемъ тивуну и приставу и ключнику его головщина, хтобы его во враде забилъ, дванадцать рублевъ грошей; а естлибы паробокъ во враде въ тивунствѣ або у приставництве былъ, головщина ему десять копъ» [2]). Напротивъ, постановленія Русской Правды объ убійствѣ не придаютъ никакого значенія личной свободѣ. Одинаковый штрафъ взыскивается какъ за холопа, такъ и за смерда. Въ составъ рядовичей княжескихъ входили и рабы, и свободные, а между тѣмъ плата за убійство ихъ одна и та же. Обязанности ратайнаго старосты могъ нести не только холопъ, но и свободный человѣкъ, однако это обстоятельство не отражалось на величинѣ взысканія за его убійство и т. д. Эта отличительная особенность Русской Правды, смущающая многихъ ея изслѣдователей, происходитъ изъ того же источника, т. е. изъ римскаго права, и находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что авторъ ея, проникнутый

[1]) Лит. Статутъ, ред. 1, разд. 11, арт. 4

[2]) Ibid., арт. 3.

идеями Аквиліева закона, обращалъ преимущественное вниманіе на убытки хозяина. Что касается вопроса о томъ, принадлежалъ ли убитый слуга къ свободному состоянію или былъ рабомъ, то онъ игнорировалъ его и не включалъ въ свои разсчеты, такъ какъ это различіе, имѣвшее нравственно-политическій характеръ, касалось иной области понятій и отношеній и не оказывало вліянія на количественное опредѣленіе имущественнаго вреда, ни въ смыслѣ увеличенія, ни въ смыслѣ уменьшенія его. Величина этого вреда опредѣлялась той ролью, какую игралъ убитый слуга въ хозяйствѣ своего господина, и той пользой, которую онъ приносилъ ему. Вотъ почему Русская Правда уравниваетъ холоповъ и смердовъ въ должности ратайнаго старосты, имѣя въ виду, что тѣ и другіе исполняли одинаковую хозяйственную функцію. Нѣкоторое недоумѣніе можетъ возбуждать только назначеніе одной и той же платы за простыхъ смердовъ и холоповъ или рядовичей, если принять во вниманіе, что холопы составляли постоянную рабочую силу въ хозяйствѣ, а смерды выходили на господскія работы лишь періодически. Но это кажущееся неравенство ихъ экономической полезности компенсировалось тѣмъ обстоятельствомъ, что смерды не только отбывали издѣльныя повинности на владѣльца, но и платили ему оброки.

Наконецъ, если имѣть въ виду, что 2-я Правда разсматриваетъ убійство съ точки зрѣнія Аквиліева закона, какъ *damnum iniuria datum*, т. е какъ имущественный вредъ господина, то станетъ понятно, почему она ограничиваетъ отвѣтственность преступника только денежными штрафами въ пользу хозяина убитыхъ слугъ и ничего не говоритъ ни о правѣ родственниковъ на вознагражденіе, ни о возможности мести. Основныя положенія Аквиліева закона исключали, какъ то, такъ и другое понятіе. Наоборотъ, 1-я Правда въ своихъ опредѣленіяхъ объ убійствѣ исходитъ изъ иныхъ юридическихъ основаній и стоитъ на другой точкѣ зрѣнія. Она трактуетъ это преступленіе, какъ обиду ближайшихъ родственниковъ потерпѣвшаго, которая требуетъ нравственнаго удовлетворенія въ видѣ мести. Даже штрафъ, которымъ въ нѣкотырхъ случаяхъ замѣнялась месть, служитъ здѣсь не столько возмѣщеніемъ имущественнаго ущерба, сколько компенсаціей личной обиды.

V.

Обиды.

Въ источникахъ римскаго права *iniuria* называлось всякое дѣйствіе, не согласное съ правомъ.

> Iniuria ex eo dicta est, quod non iure fiat: omne enim, quod non iure fit, iniuria fieri dicitur. hoc generaliter [1]).

Это общее понятіе *iniuria*. Спеціально же этимъ терминомъ обозначалось пренебрежительное отношеніе одного лица къ другому.

> Specialiter alias contumelia, quae a contemnendo dicta est, quam Graeci ὕβριν appellant [2]).

Iniuria въ послѣднемъ смыслѣ могла быть прямая и косвенная. Первая заключала въ себѣ оскорбительныя дѣйствія, направленныя непосредственно на честь лица: перечню и опредѣленію ихъ посвященъ особый титулъ въ Дигестахъ, носящій заглавіе *de iniuriis et famosis libellis*. Вторая соединялась съ посягательствами на чужое имущество, каковы, напр., кража и поврежденіе вещей. Онѣ тоже разсматривались, какъ *iniuria,* потому что лицо, не уважающее чужого владѣнія, не уважаетъ и самаго владѣльца. Правда, эти имущественныя правонарушенія не могли быть преслѣдуемы посредствомъ actio iniuriarum, такъ какъ они, по выраженію Дернбурга, получали въ Римѣ уже достаточное возмездіе вслѣдствіе штрафного характера actio furti u legis Aquiliae. «Въ тѣхъ однако случаяхъ, говоритъ онъ, когда деликтъ не былъ еще оконченъ, если воръ, съ намѣреніемъ украсть, проникъ въ помѣщеніе, но не успѣлъ совершить кражи, въ виду невозможности получить удовлетвореніе при помощи actio furti, давалась actio iniuriarum» [3]). Сюда относится слѣдующее мѣсто изъ источниковъ.

> Qui furti faciendi causa conclave intravit, nondum fur est, quamvis furandi causa intravit. quidergo? qua actione tenebitur? utique iniuriarum [4]).

---

[1]) Fr. 1 pr. Dig. 47, 10.

[2]) Inst. IV, 4 pr.

[3]) *Дернбургъ*, Обязательств. право, стр. 355, прим. 8.

[4]) Fr. 21, § 7 Dig. 47, 2.

Въ Русской Правдѣ *iniuria* замѣняется *обидой*. Этотъ терминъ употребляется здѣсь въ столь же разнообразныхъ значеніяхъ. Какъ въ римскомъ правѣ, онъ примѣняется къ кражѣ и поврежденію чужихъ вещей. Въ частности, обидами въ Русской Правдѣ называются укрывательство бѣглаго раба: «то изымати емоу свои челядинъ, а 3. гривнѣ за обидоу»; кража коня, оружія или одежды: «то взяти емоу свое, а 3. гривнѣ за обидоу»; кража холопа: «платити емоу за обидоу 12 гривнѣ»; поврежденіе межевыхъ знаковъ: «то за обидоу 12 гривнѣ»; кража собаки, ястреба и сокола: «то за обидоу 3. гривны» [1]) и т. д. Очевидно, всѣ эти дѣйствія считались *обидами* въ двоякомъ смыслѣ: во 1-хъ, они противорѣчили объективному праву и во 2-хъ, заключали въ себѣ косвенную обиду отдѣльныхъ лицъ, хотя непосредственною цѣлью ихъ было имущественное посягательство; если штрафъ уплачивался князю, то въ такомъ случаѣ давался перевѣсъ первому понятію, а если взысканіе шло въ пользу потерпѣвшаго, то преобладающее значеніе получалъ второй моментъ.

Но Русская Правда знаетъ также и обиды въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. такія дѣйствія, въ которыхъ выражалось прямое неуваженіе къ личности, и которыя, слѣдовательно, сильнѣе, чѣмъ другія правонарушенія, должны были задѣвать и раздражать потерпѣвшаго или близкихъ ему лицъ. Онѣ выдѣлены отъ другихъ преступленій той отличительной особенностью, что потерпѣвшему или его родственникамъ было предоставлено право мстить обидчику.

Постановленія римскаго права объ *iniuria* въ смыслѣ *contumelia* свидѣтельствуютъ о довольно сложной культурѣ и утонченныхъ общественныхъ нравахъ. Это понятіе обнимало не только побои, раны и увѣчья, но и другіе многочисленные и разнообразные виды оскорбленій, напр., брань, клевету, сочиненіе и распространеніе пасквилей, преслѣдованіе женщины, удаленіе сопровождающаго ее служителя, самовольное вторженіе въ чье-либо жилище, разглашеніе тайны завѣщанія, возбужденіе безъ всякаго основанія вопроса о свободѣ лица, напоминаніе о долгѣ поручителю, не смотря на то, что главный должникъ готовъ уплатить и т. д. Наоборотъ, постановленія Русской Правды разсчитаны на болѣе примитивный

[1]) Акад. сп., ст. 10, 12, 27, 33 и 37.

общественный бытъ. Ея обиды грубѣе и элементарнѣе. Она относитъ къ нимъ только тѣлесныя поврежденія и оскорбленія дѣйствіемъ.

Съ другой стороны, по римскому праву умышленное убійство свободнаго человѣка было изъято изъ круга частныхъ деликтовъ и преслѣдовалось по закону Корнелія въ публично-уголовномъ порядкѣ. Между тѣмъ Русская Правда и въ этомъ отношеніи стоитъ на болѣе архаической точкѣ зрѣнія. Она смотритъ на убійство, какъ на обиду ближайшихъ родственниковъ потерпѣвшаго и распространяетъ на это преступленіе тѣ же правила о преслѣдованіи обидчика и объ его отвѣтственности, которыя установлены ею для другихъ менѣе важныхъ посягательствъ, направленныхъ противъ личности.

Тѣмъ не менѣе, если мы исключимъ указанныя сейчасъ отличія и ограничимъ свой кругозоръ только тѣми дѣйствіями, которыя одинаково причислялись къ обидамъ, какъ римскимъ правомъ, такъ и Русской Правдой, то увидимъ, что составитель послѣдней во многихъ своихъ опредѣленіяхъ руководился идеями и взглядами, почерпнутыми изъ римскихъ источниковъ.

Постановленія Русской Правды о личныхъ обидахъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Въ одной изъ нихъ преимущественное значеніе придается внутреннему оскорбительному моменту дѣйствія, независимо отъ его внѣшнихъ результатовъ: сюда относятся удары, наносимые различными позорящими орудіями, какъ-то —батогомъ, жердью, пястью, чашей, рогомъ, тупой стороной или рукояткой меча и не обнаженнымъ мечемъ [1]). Въ другой группѣ, наоборотъ, преобладаетъ объективный и матеріальный критерій, обращается главное вниманіе на реальныя послѣдствія дѣйствія, на количество и мѣру причиненнаго имъ вреда: съ этой точки зрѣнія различаются отнятіе руки или ноги, отсѣченіе пальца, вырываніе уса или бороды, угроза мечемъ, наконецъ, толчки [2]).

Тѣ и другія постановленія обнаруживаютъ въ авторѣ Русской Правды извѣстную юридическую школу и свидѣтельствуютъ о знакомствѣ его съ ученіями римскаго права.

---

[1]) Акад. сп., ст. 3 и 4.

[2]) Ibid., ст. 5 - 9.

Въ Дигестахъ говорится, что при назначеніи мѣры наказанія необходимо обращать вниманіе на причину преступленія, мѣсто и время его совершенія, качество дѣйствія, количество вреда и т. п. Въ частности, по *качеству* преступленія могутъ быть то болѣе тяжкими, то болѣе легкими. На этомъ основаніи различаются кражи явныя отъ неявныхъ, драки отъ уличнаго разбоя, грабежъ отъ кражи, шутка отъ насилія. Вотъ что сказалъ по этому поводу великій греческій ораторъ Демосѳенъ: «не въ ударѣ, какъ таковомъ, заключается оскорбленіе, а въ презрѣніи, которымъ сопровождается ударъ. Для свободнаго человѣка обидно не столько быть побитымъ вообще, сколько подвергнуться побоямъ съ надруганіемъ. Многое можетъ сдѣлать тотъ, кто бьетъ, смотря по его жестикуляціямъ, взглядамъ, тону голоса, смотря по тому, дѣлаетъ ли онъ это съ цѣлью оскорбить или подъ вліяніемъ вражды, наноситъ удары кулаками или въ лицо. Все это раздражаетъ до такой степени, что люди, не привыкшіе къ такому презрительному обращенію, теряютъ способность владѣть собою».

Aut facta puniuntur, ut furta caedesque, aut dicta, ut convicia et infidae advocationes, aut scripta, ut falsa et famosi libelli, aut consilia, ut coniurationes et latronum conscientia quosque alios suadendo iuvisse sceleris est instar. Sed haec quattuor genera consideranda sunt septem modis: causa persona loco tempore qualitate quantitate eventu.

Qualitate, cum factum vel atrocius vel levius est: ut furta manifesta a nec manifestis discerni solent, rixae a grassaturis, expilationes a furtis, petulantia a violentia, qua de re maximus apud Graecos orator Demosthenes sic ait: [1]) «neque enim plaga iniuriam movit, sed contumelia: neque tam verberari ingenuis intolerabile, quamquam non tolerandum, quam verberari iniuria. multa enim, Athenienses, facere potest is qui verberat, quorum quaedam qui ea subit alii ne demonstrare quidem potest, gestu adspectu voce, cum facit iniuria, cum inimicitia motus, cum pugnis ferit, cum in os. haec exercebant, haec faciunt, ut sui compotes amplius non sint homines non adsueti opprobriis» [2]).

---

[1]) Въ Дигестахъ далѣе слѣдуетъ греческая цитата изъ рѣчи Демосѳена. Здѣсь она замѣнена латинскимъ переводомъ, приложеннымъ къ тексту ея въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

[2]) Fr. 16 pr., §§ 1, 6 Dig. 48, 19.

Мнѣ кажется, что приведенное разсужденіе о позорящихъ побояхъ дало поводъ къ составленію 3-й и 4-й ст. Акад. списка, обстоятельно перечисляющихъ тѣ удары, которые отличаются своимъ по преимуществу оскорбительнымъ характеромъ и которые въ силу этого влекутъ за собою болѣе тяжкую отвѣтственность, чѣмъ обыкновенныя преступленія противъ здоровья, хотя бы послѣднія заключали въ себѣ и болѣе серьезное физическое поврежденіе потерпѣвшаго, напр., отсѣченіе пальца, нанесеніе ранъ и т. п. Едва ли можно допустить, что упомянутыя статьи заключали въ себѣ совокупность частныхъ судебныхъ рѣшеній, собранныхъ въ одно цѣлое безъ всякой руководящей тенденціи. Такое объясненіе сомнительно, потому что судебная практика, отличаясь случайнымъ и отрывочнымъ характеромъ, конечно, не была такъ богата, чтобы исчерпать всѣ возможности, предусмотрѣнныя въ этихъ статьяхъ, т. е. удары батогомъ, жердью, рогомъ, чашею и т. д. Вѣроятнѣе всего, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ искусственной комбинаціей, съ сознательнымъ подборомъ, по возможности, исчерпывающимъ, всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ проявляется оскорбительное и презрительное отношеніе одного лица къ другому при нанесеніи ударовъ. Авторъ Русской Правды говорилъ не только то, что подсказывала ему судебная практика, не только копировалъ ее, эмпирически и ощупью слѣдуя за ея указаніями; несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ онъ *сочинялъ,* руководствуясь общимъ принципомъ, заимствованнымъ у римскихъ юристовъ, и приводя для иллюстраціи его возможные примѣры изъ дѣйствительной жизни, соотвѣтственно нравамъ того общества, среди котораго онъ жилъ.

Между прочимъ, въ Дигестахъ сказано, что оскорбительныя дѣйствія нерѣдко доводятъ человѣка до потери самообладанія. Можетъ быть, это замѣчаніе побудило автора Русской Правды упомянуть въ 3-й ст. о возможности досудебной расправы потерпѣвшаго съ обидчикомъ въ тотъ моментъ, когда онъ находится еще въ состояніи аффекта, т. е. непосредственно послѣ нанесенія удара.

Какъ уже замѣчено, послѣдующія статьи Русской Правды, отъ 5-й до 9-й включительно, опредѣляютъ различныя нарушенія тѣлесной неприкосновенности съ точки зрѣнія ихъ матеріальныхъ послѣдствій для потерпѣвшаго. Здѣсь въ анализѣ внѣшнихъ про-

явленій преступной дѣятельности также замѣтно вліяніе римскаго права. Напр., Дигесты причисляютъ къ обидамъ не только увѣчья, раны, побои и т. п., но и угрозу, выразившуюся въ поднятіи на кого-нибудь руки, но безъ причиненія удара.

> Si quis pulsatus quidem non est, verum manus adversus eum levatae et saepe territus quasi vapulaturus, non tamen percussit: utili iniuriarum actione tenetur [1]).

Сходное постановленіе находимъ мы и въ Русской Правдѣ: «оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть» [2]) и т. д.

Римскіе юристы различали толчки отъ ударовъ, въ томъ смыслѣ, что послѣдніе причиняютъ боль, а первые безболѣзненны.

> Inter pulsationem et verberationem hoc interest, ut Ofilius scribit: verberare est cum dolore caedere, pulsare sine dolore [3]).

Русская Правда тоже выдѣляетъ толчки отъ ударовъ и посвящаетъ имъ особую статью: «аще ли ринеть моужь моужа, любо отъ себе, любо къ собѣ» [4]) и т. д.

Въ римскомъ правѣ различались обиды тяжкія и легкія. Тяжесть обиды зависѣла отъ характера дѣйствія, напр., если кто будетъ раненъ или избитъ палками; или отъ мѣста совершенія ея, напр., если обида будетъ нанесена кому-либо въ театрѣ, на площади, въ присутствіи претора; или отъ лица потерпѣвшаго, напримѣръ, если сановникъ или сенаторъ будутъ оскорблены простымъ человѣкомъ, родители или патронъ — дѣтьми и вольноотпущенниками, ибо оскорбленіе сенатора, родителей и патрона оцѣнивается иначе, чѣмъ обида простого человѣка и посторонняго лица; иногда также и мѣстонахожденіе раны дѣлаетъ обиду тяжкой, напримѣръ, если кому-нибудь выбитъ глазъ.

> Atrox iniuria aestimatur vel ex facto, veluti si quis ab aliquo vulneratus fuerit vel fustibus caesus: vel ex loco, veluti si cui in theatro vel in foro vel in conspectu

---

[1]) Fr. 15, § 1 Dig. 47, 10.
[2]) Акад. сп., ст. 8.
[3]) Fr. 5, § 1 Dig. 47, 10.
[4]) Акад. сп., ст. 9.

proetoris iniuria facta sit: vel ex persona, veluti si magistratus iniuriam passus fuerit, vel si senatori ab humili iniuria facta sit, aut parenti potronoque fiat a liberis vel libertis: aliter enim senatoris et parentis patronique, aliter extranei et humilis personae iniuria aestimatur. nonnumquam et locus vulneris atrocem iniuriam facit, veluti si in oculo quis percussus sit [1]).

Таковы отягчающія вину обстоятельства. Большинство ихъ принято во вниманіе составителемъ Русской Правды. Такъ, по орудіямъ дѣйствія онъ выдѣляетъ удары, нанесенные батогомъ, жердью, рогомъ и т. п.; по лицу потерпѣвшаго онъ различаетъ, съ одной стороны, муку отнищанина, тіуна и мечника, а съ другой стороны, муку смерда; по мѣсту нахожденія раны онъ считаетъ наиболѣе серьезными поврежденіе руки или ноги, а также вырываніе бороды или усовъ. Всѣ эти обиды по Русской Правдѣ причисляются къ тяжкимъ, потому что причинившій ихъ уплачиваетъ высшій штрафъ въ размѣрѣ 12 гривенъ, а за поврежденіе руки или ноги даже 40 гривенъ [2]).

Наконецъ, римскіе юристы останавливаются спеціально на томъ случаѣ, когда свободный человѣкъ подвергнется оскорбленію со стороны раба, и высказываютъ по этому поводу слѣдующее положеніе: самыя легкія обиды, если онѣ причинены рабами, разсматриваются, какъ тяжкія.

Et ait Pomponius etiam sine pulsatione posse dici atrocem iniuriam, persona atrocitatem faciente [3]).

Quaedam iniuriae a liberis hominibus factae leves (non nullius momenti) videntur, enimvero a servis graves sunt: crescit enim contumelia ex persona eius qui contumeliam fecit [4]).

Русская Правда также квалифицируетъ этотъ случай, относя его къ тяжкимъ обидамъ, за которыя взыскивался штрафъ въ 12 гривенъ [5]).

---

[1]) § 9 Inst. IV, 4.

[2]) Акад. сп., ст. 3—5, 7, 31, 32.

[3]) Fr. 9 pr. Dig. 47, 10.

[4]) Fr. 17, § 3 Dig. 47, 10.

[5]) Акад. сп., ст. 16.

До сихъ поръ я разсматривалъ различные виды личныхъ обидъ. Перехожу далѣе къ порядку ихъ преслѣдованія.

Въ Институціяхъ говорится, что по поводу всякой обиды можетъ быть возбужденъ или гражданскій, или уголовный искъ. Если дѣло ведется въ гражданскомъ порядкѣ, то наказаніе, которому подвергается отвѣтчикъ, заключается въ денежной пенѣ, исчисляемой по мѣрѣ требованія обиженнаго или по усмотрѣнію судьи. Если же искъ имѣетъ уголовный характеръ, то судья обязанъ назначить виновному чрезвычайное наказаніе.

> In summa sciendum est de omni inniuria eum qui passus est posse vel criminaliter agere vel civiliter. et si quidem civiliter agatur, aestimatione facta secundum quod dictum est poena imponitur. sin autem criminaliter, officio iudicis extraordinaria poena reo irrogatur [1]).

Такая же возможность выбора между денежными штрафами и личными наказаніями наблюдается и въ Русской Правдѣ: пострадавшій отъ ранъ и побоевъ можетъ мстить или получить 3 гривны за обиду; родственникамъ убитаго принадлежитъ право мести, а если желающихъ воспользоваться этимъ правомъ не окажется, то виновный уплачиваетъ 40 гривенъ; наконецъ, въ случаѣ отнятія или поврежденія руки и ноги, на усмотрѣніе потерпѣвшаго предоставлялось или требовать денежнаго удовлетворенія или *смирить* преступника [2]). Римскіе источники не указываютъ точно, въ чемъ состояли личныя наказанія за обиды. Такая же неопредѣленность свойственна и Русской Правдѣ: въ ней говорится о мести, но въ какихъ формахъ она выражалась, остается неизвѣстнымъ.

Римское право оказало вліяніе не только на способъ опредѣленія отвѣтственности за обиды, но даже и на терминологію Русской Правды, поскольку она касалась этой области. По ученію римскихъ юристовъ, хотя actio injuriarum и actio furti имѣли одинаковую юридическую природу, т. е. были пенальными исками, однако первый въ отличіе отъ второго выдѣлялся своимъ строго личнымъ характеромъ, такъ какъ цѣлью его являлось не столько денежное взысканіе, сколько месть.

---

[1]) § 10 Inst. IV, 4; ср. § 7 Inst. IV, 4.

[2]) Акад. сп., ст. 1, 2 и 5.

> Emancipatus filius si iniuriarum habet actionem, nihil conferre debet: magis enim *vindictae*, quam pecuniae habet persecutionem: sed si furti habeat actionem, conferre debebit [1]).

Поэтому судебное преслѣдованіе обидчика въ Дигестахъ нерѣдко называется местью. Приведу нѣсколько характерныхъ мѣстъ изъ этого источника, подтверждающихъ такое словоупотребленіе. Въ одномъ изъ нихъ говорится, что подвластному сыну должна быть дана возможность предъявлять actio injuriarum, если нѣтъ никого, кто бы могъ отъ имени отца преслѣдовать обидчика, ибо противорѣчило бы здравому смыслу лишить его права *мести* за свою обиду и т. д.

> Idem (Iulianus) ait filio familias iniuriarum nomine actionem dari, quotiens nemo est, qui patris nomine experiatur, et hoc casu quasi patrem familiae constitui... esse inim perabsurdum, quem praetor manente patria potestate ad actionem admittendum probaverit, ei patri familias *ultionem* iniuriarum suarum eripi [2]) и т. д.

Другой примѣръ: если кто-либо нанесетъ обиду чужому рабу, желая оскорбить господина, то послѣдній можетъ вчинить искъ отъ своего имени; если же обидчикъ не имѣлъ оскорбительныхъ намѣреній по отношенію къ господину, то все равно,—обида, причиненная рабу, не должна быть оставляема преторомъ безъ *отомщенія*.

> Si quis sic fecit iniuriam servo, ut domino faceret, video dominum iniuriarum agere posse suo nomine: si vero non ad suggillationem domini id fecit, ipsi servo facta iniuria *inulta* a praetore relinqui non debuit [3]).

Кромѣ того, карательная дѣятельность государственной власти по отношенію къ обидчикамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначается терминомъ *coercere*, соотвѣтствующимъ выраженію Русской Правды *смирить*. Напр., Дигесты заключаютъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: если тяжкую обиду совершитъ такой человѣкъ, для котораго, вслѣдствіе его безчестья и бѣдности, установленная за

---

[1]) Fr. 2, § 4 Dig. 37, 6.
[2]) Fr. 17, § 22 Dig. 47, 10.
[3]) Fr. 15, § 35 Dig. 47, 10.

это преступленіе отвѣтственность представлялась бы незначительной и маловажной, то преторъ обязанъ строго преслѣдовать такія дѣйствія и *обуздывать* виновныхъ.

> Si quis iniuriam atrocem fecerit, qui contemnere iniuriarum iudicium possit ob infamiam suam et egestatem, praetor acriter exequi hanc rem debet et eos, qui iniuriam fecerunt, *coercere* [1]).

Итакъ, наказанію за обиды римскіе юристы придавали своеобразный оттѣнокъ, отличающій его отъ наказаній за другіе частные деликты. По ихъ опредѣленію, оно служило главнымъ образомъ цѣлямъ личнаго нравственнаго удовлетворенія и въ значительной степени имѣло характеръ мести. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что они иногда называли его *ultio*, хотя имѣли въ виду не частное самоуправство, а судебное преслѣдованіе преступника.

Взгляды и терминологія римскихъ юристовъ отразились и на Русской Правдѣ: авторъ ея точно такъ же допускаетъ месть за однѣ только обиды, умалчивая о ней по отношенію къ имущественнымъ преступленіямъ; онъ тоже видитъ въ мести личное наказаніе, осуществляемое въ исковомъ порядкѣ, а не самосудъ потерпѣвшаго.

По Русской Правдѣ обиды, выразившіяся въ нанесеніи ранъ и побоевъ, сопровождались не только местью или замѣняющимъ ее денежнымъ штрафомъ, но сверхъ того и взысканіемъ платы на леченіе: «оже ли себе не можеть мьстити, то взяти емоу за обидоу 3. гривнѣ, а лѣтцю мъзда» [2]). Это дополнительное взысканіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ постановленіями римскаго права, которыя также не исключаютъ возможности требовать возмѣщенія имущественнаго ущерба по искамъ о личныхъ обидахъ [3]). Законъ Аквилія опредѣляетъ, какіе убытки могутъ возникнуть изъ тѣлесныхъ поврежденій. Онъ относитъ сюда уменьшеніе работоспособности и издержки на леченіе. Это положеніе выражено въ немъ по частному случаю, въ связи съ опредѣленіемъ юридической природы иска, который отецъ можетъ вчинить по поводу выбитія глаза его сыну, находящемуся въ обученіи у сапожника.

---

[1]) Fr. 35 Dig. 47, 10.

[2]) Акад. сп., ст. 2.

[3]) *Дернбургъ*, назв. соч., 355—356.

> Qua actione patrem consecuturum ait, quod minus ex operis filii sui propter vitiatum oculum sit habiturus, et impendia, quae pro eius curatione fecerit [1]).

Съ точки зрѣнія римскаго права, обида касается не только того лица, противъ котораго она непосредственно направлена, но одновременно можетъ заключать въ себѣ косвенное оскорбленіе и другихъ лицъ, связанныхъ съ потерпѣвшимъ отношеніями родства, свойства и власти: такой характеръ имѣютъ, напр., обиды дѣтей, жены, невѣстки, раба [2]) и т. д. Поэтому иногда по поводу одной обиды можетъ возникнуть нѣсколько исковъ; причемъ, одинъ изъ нихъ не поглощается и не исключается другимъ: напр., въ случаѣ оскорбленія моей жены, находящейся въ то же время подъ отеческой властью, искъ принадлежитъ и мнѣ, и отцу жены, и ей самой.

> Idem ait Neratius ex una iniuria interdum tribus oriri iniuriarum actionem neque ullius actionem per alium consumi, ut puta uxori meae filiae familias iniuria facta est: et mihi et patri eius et ipsi iniuriarum actio incipiet competere [3]).

Это ученіе о возможности соединенія въ одномъ дѣйствіи нѣсколькихъ обидъ, отчасти прямыхъ, а отчасти косвенныхъ, оказало свое вліяніе и на Русскую Правду. Въ ней мы встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе, касающееся увѣчья: «оже ли оутнеть роукоу, и отпадеть роука, любо оусохнеть: то 40 гривенъ; аще боудеть нога цѣла, или начьнеть храмати, тогда чада смирять» [4]). Какой смыслъ имѣла эта статья? Едва ли онъ заключался въ томъ, что право мести за увѣчье переходило къ дѣтямъ, если искалѣченный отецъ самъ физически не въ состояніи былъ преслѣдовать обидчика. Такое толкованіе не можетъ быть допущено, потому что статья говоритъ о сравнительно незначительномъ поврежденіи ноги, когда она останется цѣлой, и потерпѣвшій будетъ только хромать. Этотъ тѣлесный недостатокъ, конечно, не помѣшалъ бы ему отмстить обидчику, даже въ буквальномъ смыслѣ этого слова; тѣмъ болѣе онъ не могъ

---

[1]) Fr. 7 pr. Dig. 9, 2.

[2]) § 2 Inst. IV, 4; Fr. 1, § 3 Dig. 47, 10 и др.

[3]) Fr. 1, § 9 Dig. 47, 10.

[4]) Акад. сп., ст. 5.

служить ему препятствіемъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія, что собственно и имѣетъ въ виду Русская Правда. Очевидно, авторъ ея хотѣлъ выразить ту мысль, что увѣчье представляло обиду не только для лица, непосредственно пострадавшаго, но и для его дѣтей; поэтому послѣдніе не лишались возможности преслѣдовать обидчика даже въ томъ случаѣ, если отецъ игнорировалъ свое право и отказывался отъ возбужденія иска.

Такъ какъ 1-я Правда разсматриваетъ убійство, какъ обиду, а не какъ имущественный вредъ, то отсюда понятно, почему не всѣ родственники убитаго пользовались правомъ преслѣдовать преступника, а только нѣкоторые болѣе близкіе, кого сильнѣе задѣвала эта обида, и въ комъ она могла вызвать желаніе мести. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что кругъ родственниковъ, допускаемыхъ къ мести или къ полученію штрафа за убійство, опредѣляется въ Русской Правдѣ тѣми степенями родства, которыя по римскому праву служили препятствіемъ къ браку. Дѣйствительно, законодательство Юстиніана запрещало заключеніе брака между восходящими и нисходящими, напр., между отцомъ и дочерью, матерью и сыномъ, затѣмъ—между братомъ и сестрой и, наконецъ, между дядей и племянницей, а также племянникомъ и теткой [1]). Въ тѣхъ же предѣлахъ очерчивается кругъ мстителей за убійство по Русской Правдѣ: «оубьеть моужь моужа, то мьстить братоу брата ,или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови» [2]). Спрашивается, съ чѣмъ мы имѣемъ здѣсь дѣло, съ случайнымъ совпаденіемъ или же съ сознательнымъ заимствованіемъ? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить вполнѣ опредѣленно. Но я склоненъ рѣшать его въ послѣднемъ смыслѣ, во-первыхъ, принимая во вниманіе громадное руководящее значеніе, которое имѣло римское право и во многихъ другихъ случаяхъ для составителя Русской Правды, а съ другой стороны, очень сомнѣ-

[1]) §§ 1—3 Inst. I, 10.

[2]) Акад. сп., ст. 1. Русская Правда не упоминаетъ въ перечнѣ мстителей двоюродныхъ братьевъ. По римскому праву эта степень родства тоже считалась на столько отдаленной, что не препятствовала двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ вступать въ бракъ: duorum autem fratrum vel sororum liberi vel fratris et sororis iungi possunt (§ 4 Inst. I, 10).

ваясь въ томъ, чтобы древне-русская практика самостоятельно могла выработать такой точный, опредѣленный и законченный перечень лицъ, имѣвшихъ право преслѣдовать убійцу.

VI.

Объ оскорбленіи свободнаго человѣка холопомъ и о мукѣ безъ разрѣшенія князя.

Изъ общей совокупности обидъ Русская Правда выдѣляетъ два случая, обсуждаемые по особымъ правиламъ,—одинъ, когда холопъ ударитъ свободнаго человѣка, и другой, когда кто-либо *умучитъ* огнищанина, тіуна, мечника или смерда *безъ княжа слова*. Разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Источники римскаго права содержатъ въ себѣ слѣдующія положенія объ отвѣтственности за обиды, нанесенныя рабомъ свободному человѣку.

> Si atrocem iniuriam servus fecerit, si quidem dominus praesens sit, potest agi de eo: quod si afuerit, praesidi offerendus est, qui eum flagris rumpat [1]).
>
> Cum servus iniuriam facit, maleficium eum admittere palam est: merito igitur sicuti ex ceteris delictis, ita et ex hoc iniuriarum noxalis actio datur, sed in arbitrio domini est, an velit eum verberandum exhibere, ut ita satisfiat ei qui iniuriam passus est: neque erit necesse domino utique eum verberandum praestare, sed dabitur ei facultas praestare ei servum verberandum aut, si de eo verberibus satis non fiat, noxae dedendum vel litis aestimationem sufferendam [2]).

Такимъ образомъ, дѣла объ этихъ обидахъ разрѣшались въ судебномъ и административномъ порядкѣ. Чтобы получить удовлетвореніе за обиду, нанесеную въ присутствіи господина, требовалось предъявленіе иска. Если же въ моментъ совершенія преступленія онъ отсутствовалъ, то рабъ могъ быть задержанъ и представленъ мѣстному начальнику, который подвергалъ его тѣлесному

---

[1]) Fr. 9, § 3 Dig. 47, 10.

[2]) Fr. 17, § 4 Dig. 47, 10.

наказанію. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда дѣло поступало на разсмотрѣніе суда, господинъ могъ освободиться отъ отвѣтственности, выдавъ виновнаго раба на бичеваніе. Но выдача въ этомъ смыслѣ имѣла не обязательный, а факультативный характеръ. Поэтому, если господинъ не желалъ пользоваться предоставленной ему возможностью, или если обиженный находилъ недостаточнымъ для себя этотъ способъ удовлетворенія, то въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ или выдать раба потерпѣвшему въ возмѣщеніе убытковъ, или же уплатить цѣну иска.

Изложенныя опредѣленія римскаго права отразились болѣе или менѣе наглядно въ 16-й ст. Русской Правды, посвященной тому же предмету.

> Или холопъ оударить свободна моужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа пояти, да платить господинъ зань 12 гривнѣ; а за тымъ гдѣ его налѣзоуть оудареныи тои моужь, да бьють его.

Опираясь на источникъ этой статьи, я нахожу возможнымъ дать ей слѣдующее толкованіе.

По Русской Правдѣ за обиду отвѣчалъ какъ господинъ, такъ и холопъ. Отвѣтственность перваго опредѣляется въ такомъ видѣ: «то холопа пояти, да платить господинъ зань 12 гривнѣ». Это выраженіе не обозначаетъ, что господинъ лишался холопа и одновременно платилъ еще штрафъ. Очевидно, онъ терялъ альтернативно—то или другое, или раба или деньги. Смыслъ цитированнаго предписанія 16-й статьи заключается въ томъ, что взятіе холопа служило лишь мѣрой понужденія отвѣтчика къ денежному удовлетворенію потерпѣвшаго, а также средствомъ обезпеченія его исковой претензіи. Оно не являлось безусловнымъ и безповоротнымъ отчужденіемъ, а имѣло характеръ залога, который можно было выкупить за 12 гривенъ. Однако, само собой разумѣется, что выданный рабъ переходилъ въ собственность истца, если не выплачивалась указанная денежная сумма. Словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такъ называемой ноксальной отвѣтственностью, которая по римскому праву падала на господина за всѣ частные деликты его рабовъ, въ томъ числѣ и за обиды, и которая выражена на случай кражи въ слѣдующемъ постановленіи распространенной Правды:

«аже холопъ крадетъ кого-любо, то господину выкупати и любо выдати и съ кимь будеть кралъ, а женѣ и дѣтемъ ненадобѣ; но оже будуть съ нимь крали и хоронили, то всѣхъ выдати; паки ли а выкупаетъ господинъ» [1]).

Личная отвѣтственность холопа по Русской Правдѣ состояла въ томъ, что онъ могъ быть подвергнутъ болѣзненному наказанію. Но, подобно тому, какъ и въ римскомъ правѣ, эта возможность была ограничена нѣкоторыми условіями. Если холопъ, ударившій свободнаго человѣка, успѣлъ уйти въ домъ своего господина, то онъ становился здѣсь подъ защиту послѣдняго. Отъ воли и усмотрѣнія господина зависѣло, выдать ли его для битья истцу, или же отказать ему въ этомъ. Въ случаѣ отказа, потерпѣвшій однако сохранялъ за собой право побить своего обидчика и осуществлялъ его, если впослѣдствіи ему удавалось встрѣтить раба гдѣ-либо внѣ господскаго дома. Такъ своеобразно модифицировались въ Русской Правдѣ приведенныя выше постановленія римскихъ источниковъ о судебномъ и административномъ преслѣдованіи раба, въ зависимости отъ того, находится ли его господинъ на лицо, или же онъ отсутствуетъ.

Римское уголовное право ясно различало рабовъ отъ животныхъ. За первыми признавалась способность совершать преступленія; ихъ дѣйствія, нарушающія чужіе интересы, квалифицировались, какъ обида, кража [2]) и т. п. Напротивъ, животныя, лишенныя разума, считались невмѣняемыми; они могли только причинять вредъ [3]). Однако, съ исковой точки зрѣнія, дѣйствія тѣхъ и другихъ уравнивались и оцѣнивались по одному и тому же критерію. Въ отношеніи отвѣтственности, всѣ частныя правонарушенія, совершаемыя рабомъ, разсматривались, какъ *вредъ* (*noxia*), который долженъ быть возмѣщенъ его господиномъ [4]). Этимъ, вѣроятно, надо объяснять то обстоятельство, что ноксальные иски, возникавшіе изъ деликтовъ раба и падавшіе на его господина, излагаются въ 9-й книгѣ Дигестъ, гдѣ опредѣляется отвѣтствен-

---

[1]) Троицкій сп., ст. 115.

[2]) Inst. IV, 8 pr.

[3]) Inst. IV, 9 pr.

[4]) §§ 1—3 Inst. IV, 8.

ность за убытки, причиненные четвероногими животными, а также за истребленіе и порчу чужого имущества и въ частности за вредъ, происшедшій отъ выбрасыванія или выливанія чего-либо изъ дома [1]) Повидимому, авторъ Русской Правды находился подъ вліяніемъ этого своеобразнаго воззрѣнія. Иначе трудно понять, почему онъ отдѣлилъ оскорбленіе свободнаго человѣка холопомъ отъ прочихъ личныхъ обидъ и помѣстилъ его среди имущественныхъ посягательствъ, рядомъ съ 17-й ст., предусматривающей поврежденіе чужого копья, щита или одежды.

Столь же оригинальную природу имѣетъ въ Русской Правдѣ и другая обида, опредѣленіе которой мы находимъ въ ст. 31 и 32 Акад. сп.

31. Или смердъ оумучать, а безъ княжа слова, за обиду 3. гривны.

32. А въ гнищанінѣ и въ тивоунищѣ и въ мечницѣ 12 гривъне.

Мучить—это значитъ *наказывать* или *пытать*. Въ такомъ смыслѣ, напримѣръ, употребляетъ этотъ терминъ славяно-русскій переводъ Прохирона, находящійся въ Кормчей Книгѣ и извѣстный подъ именемъ Закона Градского [2]). Слѣдовательно, Русская Правда опредѣляетъ тотъ случай, когда кто-нибудь подвергнетъ другого наказанію или пыткѣ безъ разрѣшенія князя.

Римскіе источники содержатъ въ себѣ аналогичныя постановленія. Кто, говорится въ нихъ, вопреки добрымъ нравамъ, побьетъ чужого раба или подвергнетъ его пыткѣ, не имѣя приказанія со стороны господина, тотъ, согласно преторскому эдикту,

---

[1]) Книга 9-я слагается изъ слѣд. титуловъ: 1) Si qaadrupes pauperiem fecisse dicatur; 2) Ad legem Aquiliam; 3) De his, qui effuderint vel deiecerint и 4) De noxalibus actionibus.

[2]) Для наглядности и чтобы это замѣчаніе не показалось голословнымъ, я приведу нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ того и другого памятника: κεφαλικῶς κολάζεται (capitaliter punitur)=главы оусѣченіемъ моучится; ξιφει τιμωρείσθω (gladio feritor)=мечемъ моучится; κεφαλικῇ τιμωρίᾳ ὑπόκειται (capitali poenae subjacet)=главнѣй моуцѣ повинни соуть; οἱ ἄγνωστοι τῶν μαρτύρων καὶ βασανιζέσθωσαν (ignoti testes etiam torqueantur)=незнаеми свидѣтели моучени да боудутъ; χωρὶς βασάνων οὐ πιστεύεται (sine tormentis fides non habetur)=безъ моукъ не вѣровати ему (*Prochiron*, tit. 27, §§ 2 и 12; tit. 39, §§ 1, 20, 38 и др. *Законъ Градской*, грань 27, §§ 2 и 12; грань 39, §§ 1, 20, 38 и др.).

можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Къ числу побоевъ должны быть отнесены и кулачные удары. Подъ пыткой же надо разумѣть физическія истязанія и причиненіе тѣлесной боли, съ цѣлью открытія истины. Слѣдовательно, сила эдикта не распространяется на простой допросъ и легкое запугиваніе. Кромѣ того, судья въ этихъ случаяхъ долженъ обратить вниманіе на качества и достоинство потерпѣвшаго, т. е. выяснить, былъ ли онъ приказчикомъ и домоправителемъ хозяина или же простымъ рабомъ для разныхъ мелкихъ порученій и т. д.

> Praetor ait: «Qui servum alienum adversus bonos mores verberavisse deve eo iniussu domini quaestionem habuisse dicetur, in eum iudicium dabo».
>
> «Verberasse» dicitur abusive et qui pugnis ceciderit. «Quaestionem» intelligere debemus tormenta et corporis dolorem ad eruendam veritatem, nuda ergo interrogatio vel levis territio non pertinet ad hoc edictum.
>
> Puto causae cognitionem praetoris porrigendam et ad servi qualitatem: etenim multum interest, qualis servus sit, bonae frugi, ordinarius, dispensator, an vero vulgaris vel mediastinus an qualisqualis [1]).

Итакъ, Русская Правда говоритъ о томъ же преступномъ дѣйствіи, что и римскіе источники, поскольку дѣло касается его внѣшняго состава. Разница между ними заключается лишь въ томъ, что постановленія претора относятся къ частновладѣльческимъ рабамъ, которыхъ онъ въ этомъ отношеніи дѣлитъ на нѣсколько разрядовъ, смотря по ихъ экономической роли и значенію; между тѣмъ какъ Русская Правда имѣетъ въ виду лицъ, находящихся подъ властью князя, и тоже устанавливаетъ для нихъ не одинаковыя нормы, въ зависимости отъ ихъ служебнаго положенія и ранга, различая съ этой точки зрѣнія огнищанъ, тіуновъ и мечниковъ отъ смердовъ. Слѣдовательно, здѣсь мы наблюдаемъ ту же самую модификацію источника, которая имѣла мѣсто въ постановленіяхъ ея объ убійствѣ, составленныхъ по образцу и схемѣ Аквиліева закона.

Римское право не только послужило поводомъ къ составленію 31 и 32 ст. Акад. сп., но и опредѣлило мѣсто нахожденія ихъ въ системѣ Русской Правды. Не всякое самовольное наказаніе чужого

---

[1]) Fr. 15, §§ 34, 40, 41 и 44 Dig. 47, 10.

раба, говорится въ Дигестахъ, должно быть разсматриваемо, какъ обида: кто побьетъ его, не нарушая добрыхъ нравовъ, ради его исправленія, а не съ тѣмъ, чтобы оскорбить господина, тотъ не подлежитъ отвѣтственности.

> Adicitur «adversus bonos mores», ut non omnis omnino qui verberavit, sed qui adversus bonos mores verberavit, teneatur: ceterum si quis corrigendi animo aut si quis emendandi, non tenetur [1]).

Если послѣдствіемъ побоевъ, нанесенныхъ рабу, было уменьшеніе его цѣнности, то это дѣйствіе считалось въ римскомъ правѣ поврежденіемъ чужого имущества и преслѣдовалось по закону Аквилія.

> Si quis igitur non occiderit hominem vel pecudem, sed usserit fregerit ruperit, sine dubio ex his verbis legis agendum erit.
>
> Rupisse eum utique accipiemus, qui vulneraverit, vel virgis vel loris vel pugnis cecidit, vel telo vel quo alio, ut scinderet alicui corpus, vel tumorem fecerit, sed ita demum, si damnum iniuria datum est: ceterum si nullo servum pretio viliorem deterioremve fecerit, Aquilia cessat iniuriarumque erit agendum dumtaxat: Aquilia enim eas ruptiones, quae damna dant, persequitur [2]).

Мало того: даже тѣлесныя поврежденія, причиненныя свободному человѣку, если въ нихъ отсутствовало намѣреніе оскорбить, animus injuriandi, не причислялись къ личнымъ обидамъ, а обсуждались съ точки зрѣнія Аквиліева закона. Дигесты по этому поводу приводятъ слѣдующій примѣръ. Если свободнорожденный мальчикъ, находясь въ обученіи у сапожника, плохо выполнитъ урокъ, показанный ему учителемъ, и хозяинъ ударитъ его за это, такъ что повредитъ ему глазъ, то въ этомъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста actio injuriarum, потому что ударъ былъ нанесенъ не съ цѣлью обиды, а для наставленія и предостереженія потерпѣвшаго, но можетъ быть предъявленъ искъ ex lege Aquilia, такъ какъ чрезмѣрная жестокость наставника признается виной.

---

[1]) Fr. 15, § 38 Dig. 47, 10.

[2]) Fr. 27, §§ 6 и 17 Dig. 9, 2.

> Proponitur autem apud eum (Iulianum) species talis: sutor, inquit, puero discenti ingenuo filio familias, parum bene facienti quod demonstraverit, forma calcei cervicem percussit, ut oculus puero perfunderetur. dicit igitur Iulianus iniuriarum quidem actionem non competere, quia non faciendae iniuriae causa percusserit, sed monendi et docendi causa: an ex locato, dubitat, quia levis dumtaxat castigatio concessa est docenti: sed lege Aquilia posse agi non dubito: praeceptoris enim nimia saevitia culpae adsignatur [1]).

Мысль о томъ, что посягательства на здоровье, направленныя противъ свободнаго человѣка, если не прямо, то по аналогіи, могутъ быть предметомъ иска о возмѣщеніи вреда, выражена еще болѣе опредѣленно въ слѣдующемъ положеніи римскаго права.

> Liber homo suo nomine utilem Aquiliae habet actionem: directam enim non habet, quoniam dominus membrorum suorum nemo videtur [2]).

Сказаннымъ объясняется, почему ст. 31 и 32 Акад. сп. находятся не въ отдѣлѣ личныхъ обидъ, а между постановленіями, относящимися, съ одной стороны, къ истребленію и порчѣ княжеской борти [3]), а съ другой стороны, къ поврежденію межевыхъ знаковъ [4]). Мука, о которой говорятъ эти статьи, не могла быть причислена къ обидамъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, потому что она имѣла въ виду не оскорбленіе потерпѣвшаго, а наказаніе его или пытку по подозрѣнію въ совершеніи имъ того или другого преступнаго дѣянія. Римская юриспруденція, какъ показываетъ предшествующее изложеніе, отвела бы мѣсто этому деликту въ разрядѣ тѣхъ правонарушеній, которыя обсуждались по принципу Аквиліева закона. Очевидно, авторъ Русской Правды, принялъ къ руководству ея указанія, если онъ нашелъ возможнымъ дать опредѣленіе о мукѣ огнищанина, мечника, тіуна и смерда въ той части своего сборника, гдѣ рѣчь идетъ о поврежденіи чужого имущества.

---

1) Fr. 5, § 3; fr. 6 Dig. 9, 2.
2) Fr. 13 pr. Dig. 9, 2.
3) Акад. сп., ст. 30.
4) Ibid, ст. 33

VII.

Понятіе кражи.

Статья 11-я Акад. сп. устанавливаетъ слѣдующее правило: «аще кто поѣдеть на чюжемь конѣ, не прошавъ его, то положити 3. гривнѣ». Эта статья съ моей точки зрѣнія представляетъ значительный интересъ, такъ какъ отражаетъ въ себѣ ученіе римскихъ юристовъ о кражѣ. Возможно, что взгляды ихъ проникли въ Русскую Правду прямо и непосредственно, имѣя въ виду освѣдомленность ея автора въ римскомъ правѣ. Но въ данномъ случаѣ допустимо и другое предположеніе. Проводникомъ римскаго вліянія могъ быть такъ называемый Судебникъ царя Константина, потому что въ этомъ памятникѣ встрѣчается аналогичное постановленіе, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, и послужило ближайшимъ источникомъ 11-й ст. Акад. сп.: «аще кто бес повелѣнія на чюжемъ конѣ ездить, да ся тепеть по три краты, и да тепеть, и продаеться яко и тать» [1]).

Какъ бы то ни было, прямо или черезъ Судебникъ Константина, но мнѣ кажется, что римское право наложило на эту статью довольно сильный отпечатокъ, обнаруживающійся въ слѣдующихъ ея характерныхъ и отличительныхъ особенностяхъ.

Какъ извѣстно, въ памятникахъ русскаго законодательства кража обыкновенно опредѣляется, какъ похищеніе чужихъ вещей. Между тѣмъ Русская Правда уравниваетъ похищеніе коня и временное пользованіе имъ [1]). Съ точки зрѣнія уголовной отвѣтственности это какъ бы одно и тоже. За то и другое дѣяніе взыскивается одинаковый штрафъ въ размѣрѣ 3 гривенъ, не смотря на то, что съ бытовой точки зрѣнія разница между ними существенная. Очевидно, такое уравненіе наказанія въ обоихъ случаяхъ было вызвано какими то отвлеченными юридическими соображеніями, которыя расходились съ обыкновеннымъ житейскимъ пониманіемъ. Эти юридическія основанія были формулированы въ римскомъ правѣ, источники котораго содержатъ въ себѣ слѣдующія разсужденія на эту тему.

---

[1]) Русскія Достопамятности, ч. 2-я, стр. 166.

[2]) Академ. сп., ст. 11 и 12.

Кражей называется злоумышленное посягательство на вещь съ цѣлью извлеченія выгоды или изъ самой вещи или только изъ пользованія и владѣнія ею. Она имѣетъ мѣсто не только тогда, когда кто-либо уноситъ вещь съ цѣлью похищенія ея, но и вообще, когда кто трогаетъ ее противъ воли собственника. Такимъ образомъ, если кредиторъ пользуется закладомъ, или принявшій вещь на храненіе пользуется ею, или получившій вещь въ ссуду обратитъ ее не на то употребленіе, для котораго она была дана ему, то можно сказать, что каждый изъ нихъ совершаетъ кражу. Соотвѣтственно этому, кто отправитъ вьючный скотъ, данный ему въ пользованіе, дальше, чѣмъ было условлено по договру, или воспользуется чужой вещью противъ воли ея хозяина, тотъ совершаетъ кражу; то же самое надо сказать о томъ, кто лошадь, предоставленную ему для прогулки, уведетъ куда-нибудь далѣе и т. д. Слѣдовательно, вотъ-гдѣ корень и обоснованіе того юридическаго воззрѣнія, которое отсюда было занесено въ Русскую Правду и которое состояло въ томъ, что временное пользованіе чужой собственностью приравнивалось къ ея похищенію, какъ дѣяніе равнозначащее.

Furtum est contrectatio rei fraudulosa lucri faciendi gratia vel ipsius rei vel etiam usus eius possessionisve. quod lege naturali prohibitum est admittere [1]).

Furtum autem fit non solum, cum quis intercipiendi causa rem alienam amovet, sed generaliter cum quis alienam rem invito domino contrectat. itaque sive creditor pignore sive is apud quem res deposita est ea re utatur sive is qui rem utendam accepit in alium usum eam transferat, quam cuius gratia ei data est, furtum committit. veluti si quis argentum utendum acceperit quasi amicos ad cenam invitaturus et id peregre secum tulerit, aut si quis equum gestandi causa commodatum sibi longius aliquo duxerit, quod veteres scripserunt de eo, qui in aciem equum perduxisset [2]).

Qui iumenta sibi commodata longius duxerit alienave re invito domino usus sit. furtum facit [3])

---

[1]) Fr. 1, § 3 Dig. 47, 2.

[2]) § 6 Inst. IV, 1.

[3]) Fr. 40 Dig. 47, 2.

Вліяніе римскаго права на ст. 11-ю Акад. сп. сказалось и въ другомъ отношеніи. Римскіе юристы широко опредѣляли понятіе кражи не только въ отношеніи ея объектовъ, но и по отношенію къ способамъ дѣйствія. Только что цитированные отрывки изъ Институцій и Дигестъ показываютъ, что наиболѣе важнымъ моментомъ, ее характеризующимъ, считалось прикосновеніе къ чужой вещи или пользованіе ею противъ воли ея собственника; они не интересуются способомъ дѣйствія и не касаются его, потому что онъ не имѣлъ юридическаго значенія. Другія мѣста въ источникахъ еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе высказываются въ этомъ смыслѣ. Оказывается, что грабежъ разсматривался по римскому праву, какъ кража. Хотя преторъ для случаевъ насильственнаго отнятія чужихъ вещей и установилъ особый искъ—actio vi bonorum raptorum, однако нововведеніе его не имѣло своимъ послѣдствіемъ выдѣленія этихъ случаевъ изъ понятія кражи. Въ Институціяхъ говорится, что, не смотря на реформу претора, грабитель можетъ отвѣчать и какъ воръ, ибо кто больше посягаетъ на чужую вещь противъ воли ея хозяина, какъ не тотъ, кто похищаетъ ее силою; поэтому справедливо называютъ грабителя дерзкимъ и безстыднымъ воромъ. То же самое положеніе высказано въ Дигестахъ: и при дѣйствіи преторскаго иска vi bonorum raptorum, грабитель можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, какъ воръ.

> Qui res alienas rapit, tenetur quidem etiam furti (quis enim magis alienam rem invito domino contrectat, quam qui vi rapit? ideoque recte dictum est eum improbum furem esse): sed tamen propriam actionem eius delicti nomine praetor introduxit, quae appellatur vi bonorum raptorum [1]).
>
> Qui rem rapuit, et furti nec manifesti tenetur in duplum et vi bonorum raptorum in quadruplum [2]).

По римскому праву къ воровству причислялись также и случаи обманнаго похищенія чужого имущества, которые въ настоящее время входятъ въ понятіе мошенничества. Въ Дигестахъ можно найти нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ этотъ взглядъ, но

---

[1]) Inst. IV, 2 pr.

[2]) Fr. 1 Dig. 47. 8.

достаточно будетъ привести одинъ изъ нихъ: если я изъявлю готовность довѣрить деньги Тицію, извѣстному репутаціей честнаго человѣка, а ты подставишь мнѣ другого Тиція—бѣдняка, утверждая, что онъ имѣетъ средства, и затѣмъ подѣлишься съ нимъ полученными деньгами, то ты отвѣчаешь за кражу, какъ если бы она была совершена при твоемъ содѣйствіи и по твоему совѣту, но и Тицій тоже подлежитъ отвѣтственности, какъ воръ.

> Cum Titio honesto viro pecuniam credere vellem, subiecisti mihi alium Titium egenum, quasi ille esset locuples, et nummos acceptos cum eo divisisti: furti tenearis, quasi ope tua consilioque furtum factum sit: sed et Titius furti tenebitur [1]).

Такое безразличное отношеніе къ способамъ дѣйствія, характерное для римскаго права, отразилось и на 11-й ст. Акад. сп., которая, распространяя понятіе кражи на незаконное пользованіе чужимъ конемъ, считаетъ существеннымъ признакомъ его и условіемъ наказуемости отсутствіе разрѣшенія со стороны хозяина, но не придаетъ значенія тому, какъ оно совершено—тайно или явно, насильственно или обманно, обходя этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ. За этой особенностью Русской Правды слѣдуетъ признать римское происхожденіе еще и потому, что она не повторяется въ другихъ памятникахъ русскаго права, не подвергавшихся римскому вліянію. Напротивъ, они обыкновенно опредѣляютъ кражу, какъ *тайное* похищеніе. Такое узкое и ограниченное понятіе кражи обнаруживается и въ наименованіи ея *татьбой*. Этотъ терминъ обозначалъ тайное дѣйствіе. Дѣйствительно, въ такомъ смыслѣ употребляется онъ въ древне-русскихъ помятникахъ; напр., лѣтописецъ, разсказывая о тайномъ бѣгствѣ митрополита Исидора, выражается такъ: «нощію бездверіемъ исшедъ, *татьствомъ* бѣгу ятся» [2]).

Отголосокъ римскаго вліянія слышится также въ постановленіи Русской Правды объ укрывательствѣ бѣглыхъ холоповъ.

---

[1]) Fr. 52, § 21 Dig. 47, 2.

[2]) *П. Мрочекъ-Дроздовскій*, Изслѣдованія о Русской Правдѣ, вып. 2-й, стр. 274.

10. Аще ли челядинъ съкрыется, любо оу варяга, любо оу кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и въ третіи день: то изымати емоу свои челядинъ, а 3. гривнѣ за обидоу.

Въ Дигестахъ мы встрѣчаемъ аналогичное правило: укрыватель бѣглыхъ рабовъ считается воромъ; замлевладѣльцамъ запрещается давать имъ убѣжище въ своихъ лѣсахъ; за нарушеніе этого запрещенія они уплачиваютъ штрафъ; впрочемъ, кто въ предѣлахъ 20 дней, послѣ того какъ онъ обнаружитъ бѣглаго раба въ своемъ имѣніи, выдастъ его хозяину или представитъ властямъ, тотъ освобождается отъ наказанія.

Is qui fugitivum celavit fur est. Senatus censuit, ne fugitivi admittantur in saltus neque protegantur a vilicis vel procuratoribus possessorum, et multam statuit: his autem, qui intra viginti dies fugitivos vel dominis reddidissent vel apud magistratus exhibuissent, veniam in ante actum dedit: sed et deinceps eodem senatus consulto impunitas datur ei, qui intra praestituta tempora, quam repperit fugitivos in agro suo, domino vel magistratibus tradiderit[1]).

Едва ли можно отрицать, что авторъ Русской Правды при составленніи 10-й ст. примѣнялся къ римскому образцу, внося, конечно, въ его опредѣленія черты, взятыя изъ мѣстной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, если римское право смотритъ на укрывательство бѣглыхъ рабовъ, какъ на кражу, то и Русская Правда назначаетъ за это преступленіе такое же денежное взысканіе, какъ и за кражу, т. е. 3 гривны[2]). Римскіе источники говорятъ не объ укрывательствѣ вообще, а объ отдѣльномъ видѣ его, особенно благопріятномъ для бѣглыхъ рабовъ, когда они прятались въ лѣсахъ, и когда, слѣдовательно, найти ихъ было труднѣе; точно такъ же и Русская Правда опредѣляетъ спеціальный случай, когда они находили себѣ убѣжище у варяговъ или колбяговъ, т. е. у иностранцевъ, жившихъ обособленнымъ и замкнутымъ міромъ среди мѣстнаго населенія. Римское право требуетъ возвращенія бѣглаго раба господину или же выдачи его мѣстной власти; повидимому,

[1] Fr. 1, § 1 Dig. 11, 4.

[2]) Ср. ст. 10 и 12 Акад. сп.

то и другое подразумѣвалось и въ Русской Правдѣ: она устанавливаетъ только обязанность *вывести* холопа, но не указываетъ точнаго адресса, кому онъ передавался. Разница между ними обнаруживается лишь въ продолжительности срока, въ теченіе котораго разрѣшалось безнаказанно задерживать бѣглаго раба: по римскому праву—20 дней, а по Русской Правдѣ—3 дня. Это различіе, вѣроятно, зависѣло отъ того, что первое имѣло въ виду землевладѣльцевъ, а потому считалось съ условіями сельской жизни и въ частности съ дальностью разстояній и неудобствомъ сообщеній, вторая же предполагала городской быть. Однако моментъ, съ котораго начиналось исчисленіе указанныхъ сроковъ, опредѣляется одинаково, какъ въ римскомъ правѣ, такъ и въ Русской Правдѣ: онъ наступалъ послѣ того, какъ кто-либо узнавалъ, что у него укрылся бѣглый рабъ.

Итакъ, разсмотрѣніе 10, 11 и 12 ст. Акад. сп. убѣждаетъ меня въ томъ, что авторъ Русской Правды имѣлъ такой же взглядъ на кражу, какъ и римскіе юристы. По ученію послѣднихъ, она заключала въ себѣ три понятія 1) furtum ipsius rei, 2) furtum usus и 3) furtum possessionis. Такую же классификацію кражи даетъ намъ и Русская Правда. Дѣйствительно, furtum ipsius rei опредѣляется въ 12 ст. Акад. сп.: «аще поиметь кто чюжь конь, любо ороужіе, любо портъ»; furtum usus посвящена ст. 11-я: «аще кто поедеть на чюжемь конѣ, не прошавъ его»; наконецъ, ст. 10-я, касаясь укрывательства бѣглыхъ холоповъ, какъ мнѣ кажется, дополняетъ опредѣленіе кражи послѣднимъ ея видомъ, именно, furtum possessionis.

Однако можетъ возникнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли ст. 10-я имѣла тотъ смыслъ, какой я приписываю ей, такъ какъ въ источникахъ римскаго права предусмотрѣнный ею случай не упоминается въ числѣ примѣровъ, служащихъ къ выясненію понятія furtum possessionis. Они приводятъ для иллюстраціи этого понятія другія фактическія возможности: напр., если кто-нибудь добросовѣстно владѣетъ краденной рабой, которую онъ купилъ, не зная, какимъ способомъ дасталась она продавцу, и эта раба будетъ украдена, то actio furti принадлежитъ и покупателю и дѣйствительному ея господину; воръ отвѣчаетъ передъ тѣмъ и другимъ: первый по-

лучаетъ штрафъ ради его владѣнія, а второй, потому что онъ собственникъ [1]). Сюда относится также похищеніе кредиторомъ собственной вещи, отданной имъ въ закладъ [2]) и т. д. Спрашивается, чѣмъ же руководствовался авторъ Русской Правды и на что опирался, если допустить, что онъ относилъ укрывательство бѣглыхъ холоповъ къ furtum possessionis? Какъ было замѣчено выше, представляется весьма вѣроятнымъ и возможнымъ, что онъ пользовался не аутентическимъ текстомъ законодательства Юстиніана, а греческими обработками его, болѣе ему доступными, но въ значительной степени отступавшими отъ оригинала. Это общее предположеніе подтверждается на данномъ случаѣ. Дѣйствительно, Парафраза Институцій, составленная Теофиломъ, въ отличіе отъ ихъ оригинала поясняетъ примѣрами всѣ три названные виды кражи и въ частности опредѣляетъ furtum possessionis, какъ присвоеніе вещи тѣмъ, кто ею уже и раньше владѣлъ на томъ или другомъ основаніи.

> Furtum autem est pessima rei alienae contrectatio, laedens eum qui furtum patitur, sive in re ipsa, sive in usu illius, sive in possessione. In re ipsa, veluti si servum tuum subripiam: in usu, veluti si quod mihi datum est utendum in unum diem, diutius retineam: *in possessione, si quod datum est possidenum tamquam pignus vel tamquam depositum, possideo ut dominus* [3]).

Очевидно, въ этомъ мнѣніи Теофила авторъ Русской Правды могъ найти себѣ поддержку для того, чтобы отнести присвоеніе бѣглаго раба къ категоріи furtum possessionis.

Такимъ образомъ, составитель Русской Правды въ своихъ опредѣленіяхъ о кражѣ исходилъ изъ теоретическаго понятія о ней, выработаннаго римскими юристами: *contrectatio fraudulosa vel ipsius rei, vel etiam usus eius, possessionisve.* Отдѣльныя статьи ея—10, 11 и 12-я представляли собою не что иное, какъ послѣдовательное и сознательное уясненіе и раскрытіе этого понятія на основаніи соотвѣтствующихъ примѣровъ, по всей вѣроятности, нарочно придуманныхъ, а не заимствованныхъ непосредственно изъ судебной

[1]) Fr. 75 Dig. 47, 2.

[2]) § 10 Inst. 4, 1; Fr. 19, § 5 Dig. 47, 2.

[3]) § 1 Paraphr. IV, 1. Цитирую по латинскому переводу, приложенному къ греческому оригиналу.

практики. Я даже сомнѣваюсь, чтобы въ дѣйствительности за кражу коня взыскивался такой же штрафъ, какъ и за самовольное пользованіе имъ, или же утайка бѣглаго холопа имѣла своимъ послѣдствіемъ такое же наказаніе, какъ похищеніе оружія и платья. Очень можетъ быть, что авторъ Русской Правды, подводя всѣ эти дѣйствія, въ карательномъ отношеніи, подъ одинъ знаменатель, хотѣлъ только такимъ способомъ оттѣнить ихъ одинаковую уголовно-юридическую природу.

VIII.

О соучастіи въ кражѣ.

Краткая Правда касается вопроса о соучастіи въ кражѣ и рѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ.

> 29. А иже крадетъ любо конъ, любо волы, или клѣть, да аще боудеть единъ кралъ, то гривноу и тридесять рѣзанъ платити емоу; или ихъ будеть 18, то по трі гривнѣ и по 30. рѣзанъ платити моужеви.
>
> 40. Аже оукрадоуть овьцоу или козоу или свинью. а ихъ боудеть 10 одиноу овьцоу оукралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи.

По смыслу этихъ опредѣленій, уголовная отвѣтственность не дѣлится по частямъ между сообщниками кражи, но падаетъ на каждаго изъ нихъ въ полномъ объемѣ; каждый изъ нихъ, сколько бы ихъ ни было, уплачиваетъ такой штрафъ, какой бы слѣдовалъ съ него, если бы онъ одинъ совершилъ кражу; другими словами: сколько соучастниковъ, столько и преступленій, отдѣльно наказуемыхъ.

Въ литературѣ установилось мнѣніе, будто бы цитированныя статьи представляютъ собою непосредственную запись судебныхъ рѣшеній, на что указываетъ удержаніе цифръ 18 и 10. Обыкновенно на эти статьи ссылаются, когда перечисляютъ постановленія Русской Правды, заимствованныя изъ судебной практики; ихъ приводятъ въ примѣръ, чтобы показать, до какой степени робкими и неумѣлыми были первые шаги и опыты древне-русской коди-

фикаціи; наконецъ, ихъ упоминаютъ, когда говорятъ о казуистическомъ характерѣ краткой Правды сравнительно съ распространенной редакціей, стремившейся, напротивъ, къ обобщенію частныхъ случаевъ.

Однако это мнѣніе объ источникахъ 29 и 40 ст. Акад. сп. не можетъ быть принято. Обѣ статьи заключаютъ въ себѣ признаки искусственнаго ихъ составленія. Статья 29-я не могла быть непосредственно продиктована отдѣльнымъ судебнымъ приговоромъ, потому что она предусматриваетъ нѣсколько различныхъ кражъ— коня, вола и изъ клѣти,—едва ли всѣ онѣ могли соединиться въ одномъ казусѣ. То же самое замѣчаніе относится и къ 40-й статьѣ, говорящей о кражѣ не только овцы, но и козы, а также свиньи. Если въ перечисленіи предметовъ кражи замѣчается искусственная комбинація, то возможно, что и опредѣленіе числа ея участниковъ взято не изъ дѣйствительной жизни, а нарочито придумано составителемъ Русской Правды. Въ самомъ дѣлѣ, представляется маловѣроятнымъ, чтобы во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ это число было 18 или 10, чтобы древне-русская судебная практика представляла такую богатую коллекцію курьезовъ. Но даже допустивъ бытовую возможность такихъ случаевъ, какъ кража одной овцы 10-ю ворами и т. п., мы не устранимъ другого недоумѣнія, которое состоитъ въ слѣдующемъ: если авторъ 29 и 40 ст. обладалъ такой способностью къ отвлеченному мышленію, что въ состояніи былъ понять и выразить мысль о недѣлимости уголовной отвѣтственности между участниками преступленія, то спрашивается, почему въ тѣхъ же статьяхъ онъ обнаружилъ примитивное неумѣніе обобщать конкретныя явленія тамъ, гдѣ отъ него требовалось только замѣнить случайныя цифры 18 и 10 словами *много* или *нѣсколько?* Какъ могло одно и то же лицо совмѣщать въ себѣ столь противоположныя качества?

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, надо полагать, что довольно большія числа 18 и 10 показаны авторомъ краткой Правды совершенно произвольно, для примѣрнаго и нагляднаго выраженія того правила, что, сколько бы ни было участниковъ кражи, всѣ они несутъ полную отвѣтственность за ея совершеніе. Онъ не смущался тѣмъ обстоятельствомъ, что въ жизни такіе случаи бываютъ

очень рѣдко, ибо его интересовала не столько жизнь, сколько теорія. Ему важно было по возможности ярче, сильнѣе и рельефнѣе выразить свою мысль, чего онъ и достигъ, воспользовавшись формой числовой гиперболы.

Что касается самаго правила, то, какъ мнѣ кажется, оно было заимствовано изъ римскихъ источниковъ, которые отчетливо формулировали его не только по отношенію къ кражѣ, но и по отношенію къ обидамъ, уничтоженію и поврежденію чужой собственности и другимъ преступленіямъ. Напр., относительно обидъ мы находимъ въ Дигестахъ слѣдующее разсужденіе: если нѣсколько рабовъ сообща побьютъ кого-нибудь или оскорбятъ бранью, то преступное дѣяніе вмѣняется полностью каждому рабу въ отдѣльности; такимъ образомъ, обида тѣмъ тягче, чѣмъ бо́льшимъ числомъ лицъ она совершена, или лучше сказать: столько обидъ, сколько оскорбителей.

> Si plures servi simul aliquem ceciderint aut convicium alicui fecerint, singulorum proprium est maleficium et tanto maior iniuria, quanto a pluribus admissa est. immo etiam tot iniuriae sunt, quot et personae iniuriam facientium [1]).

Тѣ же юридическія начала примѣнялись къ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ въ законѣ Аквилія: если нѣсколько лицъ убьютъ раба, и нельзя будетъ выяснить, отъ чьего именно удара послѣдовала его смерть, то всѣ сообщники отвѣчаютъ одинаково, какъ убійцы; причемъ, если искъ будетъ возбужденъ только противъ одного изъ нихъ, то прочіе, благодаря этому, не освобождаются отъ отвѣтственности, ибо по закону Аквилія уплаченное однимъ не облегчаетъ участи другого, такъ какъ этотъ платежъ имѣетъ характеръ наказанія.

> Sed si plures servum percusserint. utrum omnes quasi occiderint teneantur, videamus. et si quidem apparet cuius ictu perierit, ille quasi occiderit tenetur: quod si non apparet. omnes quasi occiderint teneri Iulianus ait, et si cum uno agatur, ceteri non liberantur: nam ex lege Aquilia quod alius praestitit, alium non relevat, cum sit poena [2]).

---

[1]) Fr. 34 Dig. 47, 10.

[2]) Fr. 11, § 2 Dig. 9, 2.

Наконецъ, отвѣтственность за кражу подчинялась тѣмъ же правиламъ: если нѣсколько лицъ похитятъ строевое дерево, котораго одинъ человѣкъ безъ помощи другихъ не могъ бы поднять, то нельзя сказать на этомъ основаніи, что каждый въ отдѣльности совершаетъ кражу только отчасти; но всѣ они должны отвѣчать за кражу такъ, какъ если бы она была совершена однимъ лицомъ, хотя никто изъ нихъ не могъ бы самостоятельно поднять и унести украденную вещь.

> Si duo pluresve unum tignum furati sunt, quod singuli tollere non potuerint, dicendum est omnes eos furti in solidum teneri, quamvis id contrectare nec tollere solus posset, et ita utimur: neque enim potest dicere pro parte furtum fecisse singulos, sed totius rei universos: sic fiet singulos furti teneri [1]).

IX.

Отвѣтственность за кражу.

По римскому праву кража давала основаніе для трехъ исковъ: actio furti, rei vindicatio и condictio. Actio furti преслѣдовала карательную цѣль и заключала въ себѣ требованіе объ уплатѣ двойной или четверной стоимости украденной вещи, смотря по тому, явной или не явной была совершенная кража. Остальные два иска имѣли въ виду возвращеніе похищенной вещи. Причемъ, виндикація направлялась противъ владѣльца вещи, все равно,— былъ ли то воръ или кто-нибудь другой, а кондикція—противъ самого вора или его наслѣдника, хотя бы они и не владѣли вещью.

> Furti actio sive dupli sive quadrupli tantum ad poenae persecutionem pertinet: nam ipsius rei persecutionem extrinsecus habet dominus, quam aut vindicando aut condicendo posset aufferre. sed vindicatio quidem adversus possessorem est, sive fur ipse possidet sive alius quilibet: condictio autem adversus ipsum furem heredemve eius, licet non possideat, competit [2]).

---

[1]) Fr. 21, § 9 Dig. 47, 2.

[2]) § 19 Inst. IV, 1.

Poenam tantum persequitur quis actione furti: sive enim manifesti agatur quadrupli sive nec manifesti dupli, de sola poena agitur: nam ipsam rem propria actione persequitur quis, id est suam esse petens, sive fur ipse eam rem possideat, sive alius quilibet: eo amplius adversus furem etiam condictio est rei [1]).

Такое различіе между виндикаціей и кондикціей обусловливалось тѣмъ, что первая признавалась вещнымъ искомъ, а вторая— личнымъ. Вещные иски возбуждались противъ того, кто владѣлъ спорной вещью, хотя бы онъ и не былъ связанъ съ истцомъ никакимъ обязательствомъ. Личные же иски предъявлялись противъ тѣхъ, кто въ отношеніи къ истцу обязанъ по договору или изъ преступленія, и кто, слѣдовательно, долженъ что-либо дать или сдѣлать (dare-facere) въ пользу него [2]).

Такимъ образомъ, кондикція имѣла мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда украденная вещь не была обнаружена во владѣніи вора, и послѣдній не выдавалъ ее по той или другой причинѣ, напр., вслѣдствіе ея гибели. Дѣйствительно, по ученію Институцій, уничтоженныя вещи не могутъ быть виндицируемы, но предоставляется возможность искать ихъ, какъ у вора, такъ и у другихъ владѣльцевъ, посредствомъ кондикціи.

Extinctae res licet vindicari non possint, condici tamen a furibus et a quibusdam aliis possessoribus possunt [3]).

Тѣ же положенія выражены и въ Дигестахъ. Спеціальный титулъ ихъ *de condictione furtiva* даетъ на этотъ счетъ слѣдующее указаніе: если воръ отдастъ украденную вещь, то, конечно, въ кондикціи нѣтъ никакой надобности; въ противномъ же случаѣ, остается по этому иску требовать ея стоимость.

In re furtiva condictio ipsorum corporum competit: sed utrum tamdiu, quamdiu extent, an vero et si desierint esse in rebus humanis? et si quidem optulit fur, sine dubio nulla erit condictio: si non optulit, durat condictio aestimationis eius: corpus enim ipsum praestari non potest [4]).

---

[1]) § 18 Inst. IV, 6.

[2]) §§ 1 и 15 Inst. IV, 6; ср. § 14 Inst. IV, 6.

[3]) § 26 Inst. IV, 2.

[4]) Fr. 8 pr. Dig. 13, 1.

Другое постановленіе изъ того же титула: кондикція допустима и по отношенію къ явному вору, если онъ былъ задержанъ, но украденной вещи при немъ не оказалось, или если онъ, будучи схваченъ, уничтожилъ, сломалъ или разлилъ то, что было украдено.

> Sive manifestus fur sive nec manifestus sit, poterit ei condici. ita demum autem manifestus fur condictione tenebitur, si deprehensa non fuerit a domino possessio eius: ceterum nemo furum condictione tenetur, posteaquam dominus possessionem adprehendit. et ideo Iulianus, ut procedat in fure manifesto tractare de condictione, ita proponit furem deprehensum aut occidisse aut fregisse aut effudisse id quod interceperat [1]).

Въ Русской Правдѣ послѣдствія кражи опредѣляются примѣнительно къ разсмотрѣннымъ постановленіямъ римскихъ источниковъ. Дѣйствительно, она тоже говоритъ о возвращеніи украденной вещи: *то взяти емоу свое,* тоже требуетъ уплаты уголовнаго штрафа: *а 3 гривнѣ за обидоу,* наконецъ, также предполагаетъ возможность взысканія *прочаго* [2]). Первыя два требованія соотвѣтствуютъ rei vindicatio и actio furti. Третій же искъ исполнялъ роль римской кондикціи. Подобно послѣдней, онъ былъ направленъ на взысканіе *прочихъ,* не обнаруженныхъ вещей, которыми воръ не владѣлъ, и которыя, слѣдовательно, не могли быть отобраны у него посредствомъ виндикаціи. Съ другой стороны, какъ и въ римскомъ правѣ, по этому иску отвѣчалъ не тотъ, у кого былъ опознанъ одинъ изъ украденныхъ предметовъ, оказавшійся на лицо, а дѣйствительный виновникъ похищенія, т. е. можетъ быть, другое лицо, жившее въ иномъ мѣстѣ: «аже *гдѣ* възыщеть *на дроузѣ* проче» [3]).

Такимъ образомъ, Русская Правда въ общемъ различаетъ тѣ же иски по поводу кражи и тѣ же виды отвѣтственности вора, которые имѣетъ въ виду и римское право. Но, если далѣе мы разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, то замѣтимъ, что въ подробностяхъ Русская Правда расходится съ опредѣленіями римскихъ источниковъ.

---

[1]) Fr. 10 pr. Dig. 13, 1.

[2]) Акад. сп., ст. 10 и 14.

[3]) Болѣе подробныя объясненія по поводу 14-й ст. Акад. сп. даны были выше, стр. 30—32.

Въ римскомъ правѣ уголовная отвѣтственность вора по actio furti выражалась въ уплатѣ имъ двойной или четверной стоимости украденнаго. Русская Правда въ этомъ отношеніи отступаетъ отъ своего источника. При назначеніи денежныхъ взысканій за кражу, она не слѣдуетъ правилу умноженія, но таксируетъ ихъ примѣнительно къ каждому отдѣльному случаю, опредѣляя величину ихъ то болѣе высокой, то болѣе низкой цифрой, смотря по важности, значенію и цѣнности украденныхъ предметовъ. Съ этой точки зрѣнія различается похищеніе холопа, лошадей и воловъ, овецъ, козъ и свиней, собаки, ястреба и сокола, сѣна и дровъ и т. д. Впрочемъ, и римское право благодаря принятой имъ системѣ исчисленія штрафовъ, фактически приводило къ тому же результату, что и Русская Правда, т. е. къ установленію безконечнаго разнообразія уголовныхъ взысканій за кражу, въ зависимости отъ цѣны вещей.

Изъ приведенныхъ раньше отрывковъ видно, что виндикація украденной вещи, по римскому праву, считалась только съ тѣмъ, кто владѣетъ ею, хотя бы онъ и не былъ воромъ. Такой же характеръ приписываютъ ей и общія опредѣленія источниковъ по поводу этого иска. Судья, говорится въ Дигестахъ, долженъ обращать вниманіе лишь на то, владѣетъ ли отвѣтчикъ; но совсѣмъ не относится къ дѣлу, на какомъ основаніи онъ владѣетъ, ибо, разъ я доказалъ, что вещь моя, то отвѣтчикъ обязанъ возвратить ее, если не противопоставить иску какого-либо возраженія.

> Officium autem iudicis in hac actione in hoc erit, ut iudex inspiciat, an reus possideat: nec ad rem pertinebit, ex qua causa possideat: ubi enim probavi rem meam esse, neccesse habebit possessor restituere, qui non obiecit aliquam exceptionem [1]).

Это пониманіе виндикаціи изъ римскаго права перешло въ Прохиронъ и было выражено здѣсь въ слѣдующей формѣ примѣрнаго діалога между истцомъ и отвѣтчикомъ. Истецъ, желающій выиграть тяжбу долженъ формулировать свое притязаніе такъ: «если окажется, что это поле есть моя собственность». Но ему не слѣдуетъ говорить: «если окажется, что это поле не есть собственность отвѣтчика». Ибо, если онъ заявитъ свое исковое требованіе въ такой

[1]) Fr. 9 Dig. 6, 1.

формѣ, то противникъ можетъ отвѣтить ему: «во-первыхъ, это поле мое; если же оно не мое, какъ ты утверждаешь, то отсюда еще не слѣдуетъ, что оно принадлежитъ тебѣ, а не кому-либо другому, такъ какъ не всегда то, что не мое, на этомъ основаніи есть твое; итакъ, если поле не мое и не твое, то изъ настоящаго спора я долженъ выйти побѣдителемъ, согласно правилу, гласящему: «при равныхъ условіяхъ преимущество на сторонѣ владѣющаго».

> Quilibet actor victoriam sibi comparare debet ex iis, quae ei competunt. Veluti: si paret, huncce agrum mei esse dominii; non autem dicere debet: si paret, huncce agrum in dominio adversarii non esse. Nam si sic intendat actor, dicet illi adversarius: primo meus est ager; quod si meus non est, ut tu ais, non ideo tuus, sed alterius est: non enim semper quod meum non est, continuo tuum est; si vero neque meus neque tuus est ager, vincere te debeo in praesenti judicio, secundum regulam dicentem: in pari causa potior est possidentis conditio [1]).

Изъ общаго правила, обязывавшаго отвѣтчика къ выдачѣ вещи, послѣ того какъ истецъ доказалъ свое право собственности, римское право допускало одно исключеніе, установленное Константиномъ Великимъ для случаевъ виндикаціи недвижимаго имущества. Детентору этого имущества, т. е. владѣльцу отъ чужого имени предоставлялось право сослаться на собственника; въ такомъ случаѣ судья извѣщалъ послѣдняго и назначалъ ему извѣстный срокъ въ зависимости отъ разстоянія, по истеченіи котораго онъ долженъ былъ лично или черезъ представителя явиться въ судъ и заступить отвѣтчика.

> *Imp. Constantinus A. ad universos provinciales.* Si quis alterius nomine quolibet modo possidens immobilem rem litem ab aliquo per in rem actionem sustineat, debet statim in iudicio dominum nominare, ut, sive in eadem civitate degat sive in agro sive in alia provincia sit, certo dierum spatio ab iudice finiendo eoque ad notionem eius perducendo, vel ipse in locis in quibus praedium situm est perveniens vel procuratorem mittens actoris intentiones excipiat [2]).

---

[1]) *Prochiron*, тит. 27, § 14. Цитирую по латинскому переводу, приложенному къ греческому тексту.

[2]) Fr. 2 pr. Cod. 3, 19.

Иной порядокъ виндикаціи находимъ мы въ Русской Правдѣ. *Nominatio auctoris*, допускаемое римскимъ правомъ лишь въ видѣ исключенія, является здѣсь общимъ правиломъ. Собственникъ, опознавши у кого-либо свою пропавшую вещь, предъявлялъ владѣльцу требованіе, чтобы онъ назвалъ то лицо, у кого пріобрѣтена имъ эта вещь, и шелъ на сводъ. Если сводъ не могъ состояться немедленно, то назначался пятидневный срокъ, по истеченіи котораго отвѣтчикъ обязанъ былъ выполнить требованіе истца.

> Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то поручника за пять дніи [1]).

Такимъ образомъ, судебная процедура Русской Правды существенно отличается отъ римской виндикаціи. Сводомъ одновременно и неразрывно преслѣдовались двѣ цѣли: и возвращеніе вещи, и обнаруженіе вора. Въ этомъ процессѣ смѣшивались двѣ различныя точки зрѣнія—гражданско-правовая и уголовная, два различныхъ иска—rei vindicatio и actio furti.

Авторъ Русской Правды не только устанавливаетъ требованіе свода и излагаетъ порядокъ его производства, но сверхъ того указываетъ на недопустимость другой постановки процесса, когда истецъ требуетъ возвращенія найденной вещи только на томъ основаніи, что она его собственность. Онъ оспариваетъ такую формулировку иска, признавая ее неправильной: «не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ». Спрашивается, чѣмъ вызванъ этотъ споръ и противъ кого онъ направленъ? Можетъ быть, къ такимъ возраженіямъ автора Руской Правды побудила повседневная практика, которую онъ наблюдалъ въ дѣйствительности, и которая состояла въ томъ, что истцы имѣли обыкновеніе обосновывать свои требованія ссылками на право собственности, имъ принадлежащее. Но допустимо и другое предположеніе, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣроятное. Весьма возможно, что передъ мысленнымъ взоромъ составителя Русской Правды стояла та форма виндикаціи, которая была выработана римскимъ правомъ, но которую онъ считалъ непримѣнимой къ мѣстнымъ обычаямъ. Слѣ-

---

[1]) Акад. сп., ст. 13.

довательно, онъ отвергалъ не практику жизни, а лишь мыслимую возможность, освященую однако признаніемъ римскаго права, съ авторитетомъ котораго онъ не могъ не считаться. Форма изложенія 13-й ст. Акад. сп. еще болѣе подтверждаетъ эту догадку. По всей вѣроятности, она была избрана изъ подражанія римскимъ источникамъ и въ особенности Прохирону. Какъ показываютъ предшествующія цитаты, Дигесты опредѣляли сущность виндикаціи слѣдующими словами: «разъ я доказалъ, что вещь моя, то отвѣтчикъ долженъ возвратить ее»; что касается Прохирона, то онъ предлагаетъ истцу, виндицирующему поле, говорить на судѣ: «это поле мое», а не утверждать: «это поле не есть твоя собственность». Въ такой же формѣ словесныхъ заявленій истца, произносимыхъ на судѣ отъ его имени, ведется изложеніе и въ Русской Правдѣ: «то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако» и т. д. Мнѣ кажется, что заимствовавъ форму, но вложивъ въ нее иное содержаніе, авторъ Русской Правды тѣмъ самымъ обнаружилъ своего невидимаго противника, съ которымъ онъ полемизировалъ.

Какъ было сказано выше, въ римскихъ правѣ собственникъ имѣлъ возможность требовать посредствомъ кондикціи денежнаго эквивалента за украденную вещь, если эта вещь не могла быть возвращена ему вслѣдствіе уничтоженія ея воромъ. Тотъ же случай, повидимому, предполагаетъ ст. 14-я Акад. сп., говорящая о взысканіи *прочаго* [1]). Но Русская Правда предвидитъ возможность запирательства со стороны отвѣтчика: «а онъ ся запирати почнеть». Въ такомъ случаѣ обвиняемый, сверхъ возмѣщенія истцу его убытковъ, платилъ еще штрафъ: «а за обидоу 3 гривнѣ». По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что аналогичное правило примѣнялось и въ римскомъ правѣ по отношенію къ искамъ ex lege Aquilia, цѣлью которыхъ было денежное удовлетвореніе потерпѣвшаго за истребленіе или порчу его имущества: запирающійся отвѣтчикъ присуждался къ уплатѣ двойной суммы искового требованія.

---

[1]) Къ пониманію этого термина можетъ служить слѣд. мѣсто изъ духовнаго завѣщанія новгородца Климента отъ 13 в.: «а жена моя пострижеться въ черницe, сеть еи чимъ ся постриции, и дворъ городскыи еи же даю, а *проче* кланяюся игуменоу и всеи братье».

Lege Aquilia capite primo cavetur,... ut adversus infitiantem in duplum actio esset [1]).

Contra negantem ex lege Aquilia, si damnum per iniuriam dedisse probetur, dupli procedit condemnatio [2]).

X.

Поврежденіе чужихъ вещей.

Въ Русской Правдѣ имѣется слѣдующее постановленіе, опредѣляющее отвѣтственность за поврежденіе чужой собственности.

> А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его деръжати оу себе, то пріати скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ емоу заплатити колько далъ боудеть на немъ [3]).

Изслѣдователи Русской Правды обыкновенно мало обращаютъ вниманія на эту статью, а если иногда и касаются ея, то большей частью предлагаютъ такія объясненія, которыя едва ли могутъ быть приняты. Напр., Эверсъ, переводя текстъ 17-й ст. на современный языкъ, излагаетъ ее въ такомъ видѣ: «кто испортитъ чужое оружіе, или одежду, и захочетъ испорченное оставить за собою, тотъ обязанъ заплатить хозяину цѣну удержанныхъ вещей; и если онъ, испортивъ вещь, возвращаетъ ее назадъ, долженъ заплатить столько же, сколько хозяинъ за нее далъ» [4]). Отсюда слѣдуетъ, что собственникъ получалъ за порчу своей вещи болѣе значительную плату тогда, если онъ удерживалъ ее за собой, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда онъ отдавалъ ее отвѣтчику. Это заключеніе необходимо вытекаетъ изъ комментарія Эверса, если принять во вниманіе, что вещь къ моменту ея поврежденія могла сдѣлаться подержанной и поношенной, и, слѣдовательно, она уже не стоила той суммы, за которую нѣкогда была куплена хозяиномъ. Но врядъ

---

[1]) Fr. 2 pr., § 1 Dig. 9, 2.

[2]) § 4 Cod. 3, 35.

[3]) Акад. сп., ст. 17.

[4]) *Эверсъ*, Древнейшее русское право, стр. 336.

ли составитель Русской Правды имѣлъ въ виду такое правило, противорѣчившее элементарному житейскому разсчету. По мнѣнію А. Станиславскаго, въ этой статьѣ «рѣчь идетъ, кажется, о предметахъ, данныхъ въ ссуду или на подержаніе, именно, о копьѣ, щитѣ и платьѣ; тотъ, кто ими былъ ссуженъ, конечно, долженъ былъ возвратить ихъ хозяину въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ ихъ получилъ; если же онъ ихъ тѣмъ или другимъ образомъ испортилъ, то могъ оставить ихъ у себя или отдать назадъ хозяину, но въ обоихъ случаяхъ обязанъ былъ заплатить послѣднему цѣну испорченныхъ предметовъ; надобно впрочемъ сознаться, что различные варіанты этой статьи могутъ подать поводъ къ различному ея толкованію» [1]). Значитъ, и въ первомъ случаѣ, и во второмъ уплачивалась стоимость испорченныхъ предметовъ. Въ чемъ же дѣло? Почему авторъ Русской Правды о каждомъ изъ нихъ говоритъ отдѣльно съ оттѣнкомъ отличія и противоположности между ними? На этотъ вопросъ мы не найдемъ отвѣта у А. Станиславскаго. Столь же темнымъ и малопонятнымъ представляется текстъ разсматриваемаго постановленія и въ нѣмецкомъ его переводѣ проф. Готца:

> 24. Aber wenn jemand einen (fremden) Speer verdirbt oder einen Schild oder ein Kleid und will das bei sich behalten, so nimmt man das Geld (dafür) von ihm.
>
> 25. Aber wenn es jemand verdorben hat, und wenn er es (dann) zurückgeben will, so muss er mit Geld so viel bezahlen, als er für es gegeben haben würde (in neuem Zustand) [2]).

Мнѣ кажется, что надлежащее пониманіе 17-й ст. Акад. сп. зависитъ прежде всего отъ того, какъ будутъ разставлены въ ней знаки препинанія. Въ цитированномъ текстѣ ея мною удержана та разстановка знаковъ, которая принята всѣми издателями краткой Правды. Во всѣхъ изданіяхъ она распадается на двѣ части, отдѣленныя одна отъ другой точкой съ запятой, а у В. И. Сергѣевича даже особымъ номеромъ. При чемъ, вторая часть ея начинается со словъ: «а иже есть изломилъ» и т. д. Такое дѣленіе едва ли можно признать правильнымъ. Пограничная черта про-

---

[1]) Историческій сборникъ, изд. Д. Мейеромъ, стр. 210—211.

[2]) *Goetz,* Das Russische Recht, т. I, стр. 11.

ведена не тамъ, гдѣ ей слѣдуетъ быть. Думаю, что точка съ запятой, или, если угодно, слѣдующій очередной номеръ, какъ у В. И. Сергѣевича, должны стоять передъ словами: *аще ли начнеть примѣтати* и т. д., а предшествующую имъ фразу: *а иже есть изломилъ,*—необходимо отнести къ первой половинѣ статьи. Тогда мысль ея станетъ яснѣе.

Затѣмъ трудность толкованія 17-й ст. Акад. сп. въ значительной мѣрѣ усиливалась отъ того, что слово *пріати* понимали, какъ взять. Между тѣмъ, иногда оно значило *взять* что-либо *сверхъ* извѣстнаго предмета или извѣстной суммы денегъ. Напр., распространенная редакція Русской Правды, излагая различныя обиды господина по отношенію къ закупу, говоритъ: «паки ли приметь на немь кунъ, то опять ему воротити куны, что будеть принялъ, а за обиду платити ему 3. гривны продажи» [1]). Мнѣ кажется, что выраженіе—«приметь на немь кунъ»,—служащее къ обозначенію неправомѣрныхъ дѣйствій господина, указываетъ на прибавочное денежное требованіе, на превышеніе мѣры въ полученіи должнаго, и, слѣдовательно, въ общемъ статья предусматриваетъ тотъ случай, когда хозяинъ, при окончательномъ разсчетѣ съ закупомъ, возьметъ съ него лишнія деньги, сверхъ той суммы, которая слѣдовала ему по договору займа, послужившему основаніемъ закупничества [2]). Въ такомъ же смыслѣ употреблено слово *пріати* и въ 17-й ст. краткой Правды. И здѣсь, повидимому, оно обозначало тоже приплату, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ данномъ случаѣ эта приплата не была слѣдствіемъ вымогательства, но имѣла законное основаніе, такъ какъ собственникъ, оставляя за собой испорченную вещь, конечно, имѣлъ право на дополнительное вознагражденіе, покрывающее нанесенный ему ущербъ.

Кромѣ того, и слову *примѣтати* комментаторы Русской Правды придавали несвойственное ему значеніе. Очевидно, оно употреблено въ смыслѣ *прикидывать,* т. е. предоставлять кому-нибудь вещь

---

[1]) Троицкій сп., ст. 55.

[2]) Это объясненіе статьи, расходящееся съ общепринятымъ толкованіемъ ея, будто бы здѣсь рѣчь идетъ о залогѣ закупа, будетъ подробнѣе обосновано во 2-мъ выпускѣ предлагаемаго труда.

даже противъ желанія того, кому ее отдаютъ, а не въ значеніи *возвращать,* какъ толкуетъ этотъ терминъ Эверсъ или какъ переводитъ его на нѣмецкій языкъ проф. Гетцъ.

Наконецъ, для пониманія статьи въ ея цѣломъ, необходимо выяснить, о комъ идетъ рѣчь, объ истцѣ или объ отвѣтчикѣ, когда она говоритъ: «начнеть хотѣти его деръжати оу себе» и «аще ли начнеть примѣтати». Эверсъ, Станиславскій и профессоръ Гетцъ, какъ видно изъ предшествующихъ цитатъ, относятъ эти выраженія къ отвѣтчику. Я думаю, наоборотъ, что онѣ имѣютъ въ виду истца, ибо вполнѣ естественно, если ему, какъ собственнику, дано право распоряжаться по усмотрѣнію такъ или иначе своею поврежденною вещью, т. е. или удержать ее у себя и потребовать только возмѣщенія вреда, или же предоставить ее отвѣтчику и въ замѣнъ того потребовать полной ея стоимости. Напротивъ, едва ли возможно и допустимо, чтобы виновный въ поврежденіи самъ опредѣлялъ форму своей отвѣтственности, т. е. рѣшалъ, оставить ли вещь за собою или отдать ее хозяину, а послѣдній долженъ былъ подчиняться тому или иному его рѣшенію.

Руководствуясь этими предварительными замѣчаніями, можно установить истинный смыслъ 17-й статьи, который, по моему мнѣнію, заключался въ слѣдующемъ: кто испортитъ чужое копье, щитъ или одежду, и собственникъ пожелаетъ оставить испорченную вещь у себя, то послѣдній въ правѣ взять денежную доплату съ того, кто причинилъ ему означенный вредъ (насколько уменьшилась стоимость вещи или сколько нужно на ея починку); если же собственникъ откажется отъ поврежденной вещи и будетъ прикидывать ее отвѣтчику, то послѣдній долженъ заплатить ему столько, сколько онъ, т. е. хозяинъ далъ за нее.

Разсмотрѣнная статья Русской Правды, какъ мнѣ кажется, составлена подъ вліяніемъ закона Аквилія. Слѣдъ этого вліянія замѣчается прежде всего въ диспозитивной ея части, описывающей составъ преступленія и опредѣляющей, какъ *поломку,* не только поврежденіе копья или щита, но и порчу одежды. Извѣстно, что законъ Аквилія въ третьей главѣ предусматриваетъ между прочимъ вредъ, причиненный неодушевленнымъ предметамъ, который, по его выраженію, имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда что-нибудь

будетъ *ustum,* aut *ruptum,* aut *fractum.* Юристы, объясняя эту терминологію, нашли ее многословной и признали достаточнымъ одного выраженія *ruptum* для всѣхъ случаевъ поврежденія вещей, ибо подъ *ruptum* разумѣется все то, что какимъ-либо образомъ испорчено. Слѣдовательно, это наименованіе охватываетъ не только то, что сожжено или разбито, но и то, что разорвано, раздавлено, вылито и какимъ бы то ни было образомъ уничтожено или повреждено. Въ частности, если кто-либо изорветъ или запачкаетъ чужую одежду, то онъ отвѣчаетъ по закону Аквилія такъ, какъ будто бы онъ *ruperit.*

> In ceteris quoque omnibus animalibus, item in omnibus rebus quae anima carent damnum iniuria datum hac parte vindicatur. si quid enim ustum aut ruptum aut fractum fuerit, actio ex hoc capite constituitur: quamquam poterit sola rupti appellatio in omnes istas causas sufficere: ruptum enim intellegitur, quoquo modo corruptum est. unde non solum usta aut fracta, sed etiam scissa et collisa et effusa et quoquo modo perempta atque deteriora facta hoc verbo continentur [1]).
>
> Si quis vestimenta sciderit vel inquinaverit, Aquilia quasi ruperit tenetur [2]).

Такимъ образомъ, слово *rumpere* римскіе юристы понимали въ широкомъ значеніи и употребляли его, какъ техническій терминъ, для наименованія всевозможныхъ видовъ поврежденія вещей, включая сюда и порчу одежды. Терминологія ихъ могла оказать вліяніе и на составителя Русской Правды. Подражая имъ, онъ тоже придавалъ выраженію *изломить* условный и техническій смыслъ, примѣняя его не только къ щиту и копью, но и къ одеждѣ, не смотря на то, что обыкновенная бытовая рѣчь не допускала такого сочетанія словъ.

Вліяніе Аквиліева закона обнаруживается и въ опредѣленіи послѣдствій поврежденія. Какъ было сказано выше, по этому закону за убійство раба или животнаго изъ породы скота уплачивается высшая стоимость ихъ за послѣдній годъ, истекшій въ моментъ совершенія преступленія. Эта плата имѣла смѣшанный характеръ, т. е. заключала въ себѣ не только гражданское удо-

---

[1]) Fr. § 13 Inst. IV, 3; ср. fr. 27, §§ 5, 13—17 Dig. 9, 2.

[2]) Fr. 27, § 18 Dig. 9, 2.

влетвореніе потерпѣвшаго, но и уголовное наказаніе виновнаго. Иначе опредѣляется въ законѣ Аквилія отвѣтственность за прочіе виды вреда и въ частности за поврежденіе неодушевленныхъ предметовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ уплачивается та цѣна, какую испорченный предметъ имѣлъ въ теченіе ближайшихъ 30 дней, предшествовавшихъ его поврежденію. Причемъ, законъ даже не говоритъ о высшемъ предѣлѣ ея; однако юристы толковали его въ томъ смыслѣ, что это требованіе, хотя и не высказанное прямо въ законѣ, тѣмъ не менѣе должно быть подразумѣваемо. Какъ бы то ни было, но уже одно установленіе болѣе краткаго мѣсячнаго срока до нѣкоторй степени облегчало отвѣтственность и приближало ее къ простому возмѣщенію убытка, потому что въ теченіе одного мѣсяца не могло быть рѣзкаго колебанія рыночныхъ цѣнъ, а съ другой стороны, и въ качествахъ вещи не могло произойти существенныхъ измѣненій.

Capite tertio (legis Aquiliae) de omni cetero damno cavetur. Itaque si quis servum vel eam quadrupedem quae pecudum numero est vulneraverit, sive eam quadrupedem quae pecudum numero non est, veluti canem aut feram bestiam, vulneraverit aut occiderit, hoc capite actio constituitur. in ceteris quoque omnibus animalibus, item in omnibus rebus quae anima carent damnum iniuria datum hac parte vindicatur. si quid enim ustum aut ruptum aut fractum fuerit, actio ex hoc capite constituitur.

Illud palam est, sicut ex primo capite ita demum quisque tenetur, si dolo aut culpa eius homo aut quadrupes occisus occisave fuerit, ita ex hoc capite ex dolo aut culpa de cetero damno quemque teneri. hoc tamen capite non quanti in eo anno, sed quanti in diebus triginta proximis res fuerit, obligatur is qui damnum dedit. Ac ne plurimi quidem adicitur. sed Sabino recte placuit perinde habendam aestimationem, ac si etiam hac parte plurimi verbum adiectum fuisset: nam plebem Romanam, quae Aquilio tribuno rogante hanc legem tulit, contentam fuisse, quod prima parte eo verbo usa est [1]).

---

[1]) §§ 13—15 Inst. IV, 3.

То же самое различіе наблюдается и въ Русской Правдѣ. Говоря объ убійствѣ рабовъ и животныхъ, она таксируетъ денежные выкупы, уплачиваемые за нихъ, и надо думать, какъ уже было замѣчено выше, что эти взысканія, подобно соотвѣтствующимъ платамъ римскаго права, не только служили компенсаціей имущественнаго вреда, но имѣли также и карательное значеніе. Напротивъ, говоря о поврежденіи неодушевленыхъ предметовъ, напр., копья, щита и одежды, Русская Правда не опредѣляетъ величины штрафа, постояннаго и одинаковаго для всѣхъ случаевъ, но постановляетъ, что виновный обязанъ уплатить цѣну испорченной вещи, если хозяинъ откажется оставить ее за собой. Впрочемъ, подобно тому, какъ и въ римскомъ правѣ, эта плата не совсѣмъ лишена была штрафного значенія, потому что потерпѣвшій получалъ ту сумму, какую онъ самъ заплатилъ нѣкогда за испорченную вещь («колько далъ боудеть на немъ»), а не ту цѣну, какую имѣла эта вещь въ моментъ поврежденія, не смотря на то, что къ тому времени она могла быть значительно уже подержана и поношена.

Если авторъ 17-й ст. Акад. сп. писалъ ее, находясь подъ вліяніемъ римскихъ правовыхъ воззрѣній, сложившихся на почвѣ толкованія Аквиліева закона, то едва ли можно признать правильнымъ предположеніе Н. Ланге, который говоритъ слѣдующее: «мы думаемъ, что въ изложенномъ нами законѣ объ изломаніи копья и изодраніи одежды не разумѣлось *умышленнаго дѣйствія,* а только неосторожное или случайное, которое не считалось уголовнымъ преступленіемъ, и потому за такое дѣйствіе и не назначена продажа; но она безъ сомнѣнія взыскивалась, если кто съ умысломъ, напр., изъ мести или ненависти, повреждалъ или истреблялъ чье-либо оружіе или одежду» [1]). Изъ только что приведенной цитаты, а также изъ предшествующаго изложенія видно, что по закону Аквилія за умыселъ слѣдовала такая же отвѣтственность, какъ и за неосторожность. Оба понятія смѣшивались. Опредѣленіе закона не распространялось только на случайныя дѣйствія, въ которыхъ вины не заключалось. Слѣдовательно, весьма вѣроятно, что авторъ Русской Правды имѣлъ въ виду поврежденіе, какъ неосторожное, такъ и умышленное. но исключалъ случайное.

---

[1]) *Н. Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Р. Правды, стр. 190.

Иначе смотритъ на происхожденіе 17-й ст. Акад. сп. проф. Гетцъ. По его мнѣнію, она отсутствовала въ первоначальной редакціи краткой Правды и составляла позднѣйшее добавленіе къ ея тексту. Обосновывая свое предположеніе, онъ ссылается на то обстоятельство, что эта статья совершенно расходится и совсѣмъ не согласована съ прочими постановленіями 1-й Правды. Въ то время какъ послѣднія во всѣхъ случаяхъ, которыхъ онѣ касаются, устанавливаютъ точныя цифры композицій, одна 17-я ст. представляетъ исключеніе: она не указываетъ опредѣленной суммы платежа, а говоритъ вообще о деньгахъ, употребляя при этомъ старинное названіе ихъ—*скотъ*. Такая обособленность ея свидѣтельствуетъ о томъ, что ее приписали къ тексту позже, нисколько не заботясь о томъ, соотвѣтствуетъ ли она общему стилю 1-й Правды или нѣтъ. Болѣе позднее появленіе 17-й ст. въ составѣ 1-й Правды, по мнѣнію проф. Гетца, обнаруживается также и въ томъ, что многія рукописи распространенной редакціи не включаютъ ее въ свой текстъ и не имѣютъ аналогичнаго и параллельнаго постановленія. Значитъ, авторъ этой редакціи обрабатывалъ 1-ю Правду и пользовался ею въ качествѣ своего источника на основаніи такихъ ея списковъ, въ которыхъ названная статья не встрѣчалась [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Гетцъ указываетъ и тотъ источникъ, откуда была взята эта добавочная статья. Такимъ источникомъ былъ такъ называемый Судебникъ царя Константина, гдѣ мы находимъ слѣдующее постановленіе: «иже изломить другу копіе, или щитъ или топоръ, да аще у себе начнеть хотѣти держати, то приняти ино что у него, аще ли инѣмъ чимъ ему заплатить предъ чадью, иже начнеть вѣдати, колько будеть далъ на немъ» [2]). Впрочемъ, ст. 17-я была заимствована не прямо изъ Судебника, а черезъ посредство распространенной Русской Правды, нѣкоторые списки которой содержатъ въ себѣ цитированную статью къ слѣдующей редакціи: «иже изломить копие другу любо щитъ, любо портъ, да аще оу себе начнеть держати, то прияті скота оу него, иже что есть изломилъ; аще ли начнеть скотомъ примѣтати ему,

[1]) *Goetz*, назв. соч., т. 1-й, стр. 140.

[2]) Софійскій Временникъ, ч. 1-я, стр. 148.

заплати предъ чадию, иже начнеть вѣдати, колько будеть далъ на немъ» [1]). Этому послѣднему тексту проф. Гетцъ приписываетъ болѣе раннее происхожденіе, чѣмъ тексту 17-й статьи Акад. сп., такъ какъ онъ ближе стоитъ къ оригиналу, чѣмъ изложеніе краткой Правды. Такимъ образомъ, ст. 17-я, заключаетъ онъ, изъ Судебника Константина сначала перешла въ распространенную редакцію Русской Правды и уже отсюда была заимствована однимъ изъ переписчикомъ краткой Правды [2]).

Я не могу согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя Русской Правды, какъ по вопросу о припискѣ, такъ и по вопросу о заимствованіи, хотя, впрочемъ, взглядъ на ст. 17-ю, какъ на добавочную, принадлежитъ не только проф. Гетцу, но раздѣляется и многими русскими учеными, такъ что послѣдующія мои замѣчанія, оспаривающія это воззрѣніе, будутъ относиться не къ одному проф. Гетцу.

Мнѣ кажется, что интересующая насъ статья дѣйствительно представляетъ собою приписку, но не къ Русской Правдѣ, а къ Судебнику Константина. Въ доказательство могутъ быть приведены слѣдующія соображенія. Эта статья неизмѣнно встрѣчается во всѣхъ спискахъ краткой Правды. Но нельзя сказать того же самаго о Судебникѣ Константина. Ея нѣтъ въ краткой редакціи этого памятника, извѣстной намъ по изданію Кормчей Книги [3]). Не видимъ мы ее и въ томъ спискѣ Судебника, который изданъ Дубенскимъ, какъ одинъ изъ варіантовъ его распространенной редакціи [4]). Она появляется лишь въ самыхъ полныхъ и пространныхъ спискахъ этой редаціи, напечатанныхъ въ Софійскомъ Временникѣ Строева и въ лѣтописяхъ [5]). Уже отсюда можно заключать, что постановленіе о порчѣ копья, щита и одежды было органической частью краткой Правды, принадлежало перу ея автора и съ самаго

---

[1]) Русскія Достопамятности, ч. 2-я, стр. 118—119.

[2]) *Goetz*, назв. соч., т. 1-й, стр. 248—251.

[3]) Печатная Кормчая, ч. II, гл. 46.

[4]) Русскія Достопамятности, ч. II, стр. 140—200.

[5]) Софійскій Временникъ, ч. I, стр. 130—148; Полное Собраніе русскихъ лѣтописей, т. VI, стр. 69—82; Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, стр. 476—487.

начала находилось въ ея текстѣ. Наоборотъ, нахожденіе его въ Судебникѣ Константина носитъ случайный характеръ: здѣсь оно не было произведеніемъ самого автора, не принадлежало къ аутентическому составу памятника, а явилось результатомъ дальнѣйшаго развитія текста, было присоединено къ нему позднѣйшими переписчиками.

Высказанная точка зрѣнія подтверждается и другимъ наблюденіемъ. Во второй главѣ своего труда я старался доказать, что краткая редакція Русской Правды вышла изъ рукъ автора, какъ единый и цѣльный памятникъ, подраздѣленный только на двѣ главы. Если этотъ взглядъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то онъ опредѣляетъ мѣстонахожденіе 17-й статьи въ составѣ краткой Правды иначе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Она помѣщена въ серединѣ сборника, хотя и въ концѣ первой его части. Слѣдовательно, можно еще предположить, что статья *вписана,* но едва ли можетъ быть рѣчь о томъ, что она *приписана.* Съ другой стороны, ст. 17-я Акад. сп. занимаетъ въ Русской Правдѣ правильное и надлежащее мѣсто, вполнѣ соотвѣтствующее ея содержанію. Она находится въ логической связи съ предшествующими постановленіями, опредѣляющими различные виды имущественныхъ правонарушеній. По всему замѣтно, что включеніе ея въ этотъ отдѣлъ краткой Правды согласно было съ планами составителя сборника и входило въ его разсчеты. Совсѣмъ иное мы наблюдаемъ въ Судебникѣ. Хотя эта статьи и появляется въ нѣкоторыхъ его спискахъ но здѣсь она не у себя дома, если можно такъ выразиться. Ей отводятъ помѣщеніе на самомъ концѣ кодекса, гдѣ она попадаетъ въ общество случайныхъ и бродячихъ статей, которыя по содержанію своему ничего общаго съ ней не имѣютъ, хотя и слѣдуютъ сейчасъ же послѣ нея. Въ этомъ можно убѣдиться по ихъ заглавіямъ: *о дѣтехъ, о человѣкѣ и о женѣ, о стозѣ, о безчестіи.* Такая изолированность, оторванность и одиночество статьи обнаруживается и по отношенію къ предшествующимъ постановленіямъ Судебника. Она не составляетъ ихъ естественнаго продолженія, потому что тѣ говорятъ совсѣмъ о другомъ: *о овчати, о сварѣ, о умираніи, о мачехахъ.* Отмѣченная особенность, касающаяся мѣстонахожденія статьи въ памятникѣ, а также отсутствіе связи ея съ предыдущими и послѣ-

дующими его постановленіями служать для меня другимъ показаніемъ, что она была присоединена къ тексту Судебника Константина позднѣйшими его переписчиками.

Что же касается тѣхъ основаній, на которыя опирается мнѣніе проф. Гетца о позднѣйшей припискѣ ея къ Русской Правдѣ, то онѣ не могутъ быть признаны достаточно убѣдительными. Дѣйствительно, если 17-я статья и выдѣляется среди прочихъ постановленій 1-й Правды тѣмъ, что обязываетъ виновнаго уплатить стоимость испорченной вещи, но не опредѣляетъ въ точныхъ цифрахъ размѣра платы, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что она была приписана, тѣмъ болѣе, что указанная особенность ея находитъ себѣ объясненіе въ соотвѣтствующихъ взглядахъ римскаго права, подъ вліяніемъ которыхъ находился авторъ краткой Правды. Вмѣстѣ съ тѣмъ и ссылка на то, что не во всѣхъ спискахъ распространенной редакціи попадается постановленіе, аналогичное 17-й ст. Акад. сп., тоже не доказываетъ, что, сверхъ извѣстныхъ намъ текстовъ краткой Правды, существовали и такіе, не дошедшіе до насъ, въ которыхъ названная статья отсутствовала. Она не убѣдительна, потому что не всѣ статьи краткой Правды перешли въ пространную, хотя бы и въ переработанномъ видѣ. Извѣстно, что нѣкоторыя изъ нихъ не нашли себѣ здѣсь мѣста, напр., постановленія объ убійствѣ подъѣздного княжа и стараго конюха, объ убійствѣ огнищанина и тіуна на мѣстѣ кражи, о мукѣ тіуна и мечника и т. д. Но развѣ можно на этомъ основаніи утверждать, что въ томъ экземплярѣ краткой Правды, которымъ пользовался составитель распространенной редакціи, какъ своимъ источникомъ, перечисленныя постановленія отсутствовали? Вѣроятно, всѣ они, равно какъ и статья 17-я, находились на лицо, и съ ними считался кодификаторъ. Онъ только не нашелъ нужнымъ или возможнымъ повторить ихъ въ своемъ трудѣ. На это были у него разныя причины, о которыхъ будетъ рѣчь во 2-мъ выпускѣ настоящаго труда, примѣнительно къ каждому отдѣльному случаю. Въ частности же статью 17-ю Акад. сп., какъ мнѣ кажется, онъ пропустилъ по той же причинѣ, по какой и теперь ей не удѣляютъ должнаго вниманія: она была ему непонятна. Если современные изслѣдователи Русской Правды, хотя

и не обходятъ полнымъ молчаніемъ 17-ю ст., но и не останавливаются на ней долго, то не удивительно, что составитель распространенной редакціи и совсѣмъ ее игнорировалъ.

Съ другой стороны, вопросъ о заимствованіи точно также разрѣшается для меня въ смыслѣ, обратно противоположномъ тому, что утверждаетъ проф. Гетцъ. Уже одно то обстоятельство, что разсматриваемая статья является въ Судебникѣ добавочной, показываетъ, что онъ заимствовалъ ее изъ Русской Правды, такъ какъ, кромѣ нея, мы не знаемъ другихъ еще памятниковъ, гдѣ бы встрѣчалась эта статья и откуда бы Судебникъ могъ ее взять и передать ее потомъ Русской Правдѣ.

Кромѣ того, признаніе Русской Правды оригиналомъ даетъ намъ возможность, по крайней мѣрѣ приблизительно, объяснить, чѣмъ вызваны были всѣ тѣ измѣненія, которымъ подвергся текстъ 17-й ст. Акад. сп., послѣ того какъ она перешла въ Судебникъ Константина. Въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ естественно, что выраженіе Русской Правды *изломить портъ* переписчику Судебника показалось неправильнымъ съ точки зрѣнія русскаго языка. Онъ, конечно, не былъ знакомъ съ тонкостями римской юридической терминологіи, но зналъ, что въ обыденной рѣчи такъ не говорятъ, и, слѣдовательно, имѣлъ основаніе замѣнить *портъ топоромъ*. Но оказывается дальше, что и слово *скотъ* онъ понялъ тоже буквально, а не смыслѣ денегъ. Отсюда и пошло искаженіе текста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смысла статьи, такъ какъ само собой разумѣется, что буквальное пониманіе названнаго термина должно было тотчасъ же поставить передъ нимъ вопросъ: почему за поломку копья, щита или топора потерпѣвшій могъ получать возмѣщеніе только въ видѣ скота? Очевидно, это не раціонально и стѣснительно. Переписчикъ находилъ болѣе разумнымъ предоставить въ этомъ случаѣ возможность выбора и на этомъ основаніи замѣнилъ слово *скотъ* выраженіемъ *ино что*. Такъ получилось своеобразное постановленіе о томъ, что въ случаѣ порчи копья и т. п. потерпѣвшему отдавалась какая-либо иная вещь, соотвтствѣнно той цѣнѣ, за которую онъ купилъ поврежденный предметъ. На этомъ однако не остановилось искаженіе подлинника. Какъ мы видѣли, Русская Правда считается съ двумя фактическими возможностями: 1) когда хозяинъ

испорченной вещи оставляетъ ее за собой и 2) когда онъ прикидываетъ ее отвѣтчику. Переписчикъ Судебника, вѣроятно, тоже сознавалъ, что оригиналъ имѣетъ въ виду двѣ комбинаціи, но въ чемъ заключалось различіе между ними, онъ не понималъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ, что послѣдствія обоихъ случаевъ въ текстѣ Русской Правды опредѣляются какъ-будто одинаково: именно по поводу перваго случая говорится: «то пріати скота оу него»; тоже самое сказано и о второмъ: «то скотомъ емоу заплатити». По всей вѣроятности, это сходство и побудило его упростить статью, исключивъ изъ нея указанную альтернативность и ограничивъ ея содержаніе однимъ только случаемъ, когда собственникъ поврежденной вещи рѣшаетъ удержать ее за собою. Такъ можетъ быть изображена эволюція текста, если въ качествѣ исходнаго начала ея взять редакцію Русской Правды. Но, если, вслѣдъ за проф. Гетцомъ, признать оригиналомъ текстъ Судебника, т. е. допустить, что эта эволюція шла въ обратномъ направленіи, то спрашивается, какъ могли произойти и чѣмъ были вызваны послѣдующія его метаморфозы, какимъ образомъ *топоръ* и *ино что* могли превратиться въ *портъ* и *скотъ?* Спрашивается далѣе, можно ли найти въ текстѣ Судебника, если не прямыя указанія, то хотя бы отдаленные намеки, которые бы дали опору составителю Русской Правды и послужили ему поводомъ къ тому, чтобы установить различіе между двумя видами отвѣтственности за поврежденіе. Спрашивается, наконецъ, какъ могла статья, съ самаго начала лишенная смысла, не поддающаяся раціональному объясненію, повидимому, непонятная даже автору ея, какъ эта статья потомъ, перешедши въ Русскую Правду, могла стать разумнымъ постановленіемъ, мысль котораго ясна была не только автору, но доступна и пониманію читателей? На всѣ эти вопросы едва ли могутъ быть даны болѣе или менѣе удовлетворительныя объясненія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Списки краткой редакціи Русской Правды.

Обращаясь къ обзору немногочисленныхъ списковъ краткой Правды, мы должны выдѣлить тѣ изъ нихъ, которые стоятъ ближе къ оригиналу и, слѣдовательно, могутъ быть признаны болѣе достовѣрными, отъ тѣхъ, которые заключаютъ въ себѣ позднѣйшія видоизмѣненія и наслоенія текста и потому не могутъ служить надежнымъ источникомъ при изученіи и объясненіи этого памятника.

Повидимому, Академическій списокъ наиболѣе близко и точно воспроизводитъ аутентическій текстъ Русской Правды. То же самое слѣдуетъ сказать и о Толстовскомъ спискѣ, представляющемъ собою почти буквальную копію перваго [1]). Иное дѣло—Румянцевскій списокъ, входящій въ составъ 2-й Новгородской лѣтописи и напечатанный проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскимъ. Онъ моложе Академическаго по времени своего написанія. Болѣе позднее происхожденіе его обнаруживается прежде всего въ особенностяхъ правописанія. Напр., въ Акад. сп. часто встрѣчается твердый знакъ ъ въ значеніи гласной буквы *о*.

То тъи гривноу положить.

Нъ рци емоу тако.

Егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ.

Тъже овенъ, любо полютъ или двѣ ногатѣ.

Тъ всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю.

Румянцевскій списокъ во всѣхъ этихъ случаяхъ замѣняетъ твердый знакъ буквой *о*.

---

[1]) См. примѣчанія къ тексту Русской Правды по Археогр. сп. въ Новгородской лѣтописи, изд. 1888 г., стр. 84—88.

То той гривну положитъ.

Но рцы ему тако.

Егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволода, Святославъ.

То же овенъ, любо полотъ, оли двѣ ногаты.

То всѣхъ кунъ 15 на недѣлю.

Отдѣльныя выраженія его, сравнительно съ соотвѣтствующими словами Акад. сп., также указываютъ на дальнѣйшее развитіе текста, въ смыслѣ приближенія его къ современной рѣчи. Напр., Дорогобоудьци въ немъ замѣнены Дорогобужцами, кормиличицъ—кормилицынымъ, Микыфоръ—Никифоромъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцевскій списокъ содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ описокъ, которыя въ значительной мѣрѣ обезцѣниваютъ его. Сюда относятся слѣдующіе примѣры.

То платить *данъ* (вм. зань) 80 гривенъ убійцы.

А въ селскомъ старостѣ княжи и *вратаньмъ* (вм. въ ратаинемъ).

Пріидетъ кровавъ мужъ любо *сынъ* (вм. синь).

На своемъ дворѣ, любо у клѣти оли у *хльба* (вм. у хлѣва).

А отъ *гридне* (вм. гривние) мечнику куна.

Если всѣ эти искаженія текста были послѣдствіемъ невнимательности переписчика, то въ другихъ случаяхъ онъ, быть можетъ, сознательно измѣнялъ его, не понимая оригинала и желая придать ему больше ясности. Напр., вмѣсто *изгоя* въ Румянцевскомъ спискѣ поставлено другое слово, близкое къ нему по произношенію и написанію, но болѣе понятное, именно, *изгонъ;* выраженіе *и въ хоть 5 гривенъ* замѣнено *и въ охоть 5 гривенъ* и т. д. Наконецъ, цифры штрафовъ и пошлинъ по Румянцевскому списку не всегда совпадаютъ съ обычными нормами, принятыми въ другихъ спискахъ: напр., за нанесеніе ранъ и побоевъ уплачивается не 3, а 20 гривенъ; точно также вирникъ получаетъ въ свою пользу вмѣсто 60 всего только 6 гривенъ.

Археографическій списокъ тоже не можетъ быть поставленъ на одномъ уровнѣ съ Академическимъ, по степени близости ихъ

къ первоначальному и подлинному тексту. Укажу на слѣдующіе признаки, свидѣтельствующіе о его болѣе позднемъ происхожденіи. Краткая Правда названа въ немъ *Руской*, а не *Роськой*, какъ въ Академическомъ. Онъ говоритъ *за него* тамъ, гдѣ Акад. сп. употребляетъ болѣе старинную форму *занъ*.

Да платитъ господинъ зань 12 гривнѣ.

То платити зань 80 гривенъ оубіицы (Акад.).

Да платитъ за него господинъ его.

То платити за него 80 гривенъ убойци (Археогр.).

Въ текстѣ Акад. списка нерѣдко встрѣчается союзъ *или* въ смыслѣ *и если*. Вѣроятно, этотъ способъ выраженія ко времени появленія Археографическаго списка уже устарѣлъ, потому что переписчикъ въ аналогичныхъ случаяхъ замѣняетъ *или* союзомъ *а*, дѣлая такимъ образомъ изложеніе Русской Правды болѣе доступнымъ для современнаго читателя.

Аще боудеть нога цѣла или начьнеть храмати.

А иже оубьють огнищанина въ разбои, или оубиица не ищоуть (Акад.).

Аще ли будеть нога цѣла, а начнеть храмати.

Аще же убиють огнищанина въ разбои, а убійца не изыщуть (Археогр.).

Наконецъ, модернизація текста въ Археогр. спискѣ, сравнительно съ Академическимъ, наблюдается еще въ слѣдующемъ постановленіи Русской Правды.

Конѣ 4 поставити и *соути* имъ *на ротъ*, колько могоуть зобати (Акад.).

Кони 4 поставити и *сыпати* имъ *на конь*, колко могутъ зобати (Археогр.).

Кромѣ грамматическихъ особенностей Археографическаго списка, въ немъ встрѣчаются и такіе варіанты, которые въ большей или меньшей степени измѣняютъ самый смыслъ текста и которые едва ли принадлежали оригиналу Русской Правды. Напр., по Академич. сп. члены верви уплачиваютъ виру, если «оубиица *не ищоуть*», а по Археографическому, если «убійца *не изыщуть*». Это не одно и то же. Первая редакція статьи возлагаетъ на об-

щину обязанность искать преступника, а не обязанность найти его, во что бы то ни стало; другими словами, вервь отвѣчала только тогда, если отказывалась искать убійцу, не смотря на уличающіе ее слѣды преступленія. Вторая же редакція устанавливаетъ обязанность найти преступника, и, если онъ не будетъ обнаруженъ, то община должна платить, не зависимо отъ того, укрывала ли она его въ дѣйствительности или нѣтъ.

Археографическій списокъ еще болѣе уклоняется отъ оригинала, когда говоритъ *о смердьемъ холопѣ* тамъ, гдѣ по Акад. сп. рѣчь идетъ о *смердѣ и холопѣ*.

А въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ (Акад.).
А въ смердьи въ холопѣ 5 гривенъ (Археогр.).

Указанное различіе можно объяснять небрежностью переписчика, случайно присоединившаго союзъ *и* къ предшествующему слову, въ качествѣ его окончанія. Въ пользу такого предположенія говоритъ удержаніе при второмъ опредѣляемомъ словѣ предлога *въ*: «а въ смердьи *въ* холопѣ». Этотъ предлогъ, вѣроятно, оказался бы устраненнымъ, если бы переписчикъ дѣйствительно имѣлъ въ виду смердьяго холопа: по крайней мѣрѣ въ другихъ аналогичныхъ словосочетаніяхъ онъ отсутствуетъ: *а во княжи тивунѣ, а въ сельскомъ старостѣ, а въ рядовичѣ княжи* и т. д. Но допустимо и другое объясненіе разсматриваемой особенности Археографическаго списка. Отступленіе отъ подлинника могло быть намѣреннымъ и сознательнымъ. Легко представить себѣ, что переписчика смущало назначеніе одинаковой платы за убійство холопа и смерда, не смотря на то, что послѣдній былъ свободнымъ лицомъ. Кромѣ того, онъ могъ замѣтить, что Русская Правда различаетъ коней князя и смерда. Основываясь на этомъ наблюденіи, онъ рѣшилъ, что, очевидно, то же самое различіе имѣло мѣсто и по отношенію къ рабамъ. Такой выводъ казался ему тѣмъ болѣе естественнымъ и правдоподобнымъ, что предшествующая 22-я ст. Акад. сп. опредѣляетъ отвѣтственность за рядовича княжа: значитъ, ст. 23-я имѣетъ въ виду частновладѣльческаго рядовича, т. е. холопа, принадлежащаго смерду. Внесши въ текстъ Русской Правды столь важное и существенное измѣненіе, переписчикъ

однако сохранилъ въ неприкосновенности предлогъ *въ* передъ существительнымъ *холопъ,* хотя онъ представлялся уже лишнимъ съ точки зрѣнія новой конструкціи постановленія. Эта шереховатость текста была сглажена только въ распространенной Правдѣ, гдѣ интересующая насъ статья редактирована такъ: «а за смердии холопъ 5 гривенъ» [1]).

Какъ извѣстно, дѣти изувѣченнаго имѣли право преслѣдовать преступника: «тогда *чада* смирять». Археографическій списокъ выражается иначе: «тогда *чадь* смирять». «Это, замѣчаетъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, можетъ дать совсѣмъ другой, неправильный смыслъ статьѣ: *чада* суть дѣти; *чадь*—всѣ домочадцы (со включеніемъ и слугъ); такимъ образомъ, право мести давалось бы не только дѣтямъ, но и слугамъ» [2]).

Русская Правда не только опредѣляетъ въ цифрахъ мѣру продовольствія вирниковъ, но и ограничиваетъ дѣятельность ихъ по сбору виръ предѣлами одной недѣли: «*до недѣли же* виро зберуть вирници». Въ Археографическомъ спискѣ вмѣсто до *недѣли же* стоитъ слово *донделиже.* Благодаря этому, второе ограниченіе, касающееся срока, отпало, и такимъ образомъ, сборъ виръ могъ затянуться на неопредѣленное время, ложась тяжелымъ бременемъ на мѣстное населеніе.

Въ Академическомъ спискѣ изложенію 42-й ст. предшествуетъ слѣдующее заглавіе: «а се поклонъ вирныи». Поклонами назывались натуральные и денежные поборы съ населенія въ пользу княжескихъ чиновниковъ. Въ такомъ смыслѣ употребляется это слово особенно часто въ литовско-русскихъ памятникахъ. Въ Археографическомъ спискѣ *поклонъ* замѣняется *покономъ.* Послѣдній терминъ, перешедшій и въ распространенную редакцію Русской Правды, имѣлъ иное значеніе. Поконъ—это правило или законъ. Думаю, что Акад. списокъ и въ этомъ отношеніи ближе стоитъ къ тексту оригинала, чѣмъ Археографическій, потому что о законодательномъ происхожденіи 42-й статьи говоритъ ея заключеніе:

---

[1]) Троицкій сп., ст. 13.

[2]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ,* Das Russissche Recht, стр. 10.

«то ти оурокъ Ярославль»; слѣдовательно, заглавіе имѣло въ виду другую цѣль: оно указывало на предметъ, служившій темой ея опредѣленій.

Наконецъ, въ Археографическомъ спискѣ попадаются и такія искаженія текста, которыя лишаютъ его всякаго смысла. Сюда относятся, напримѣръ, слѣдующія постановленія.

> Или будеть кровавъ или синь надражень: то не искати ему видока человѣку тому; аще не будеть на немъ знаменіа никоегоже, *аще ли приведеть* (вмѣсто толи пріидеть) видокъ, *а онъ не можеть* (вм. аще ли не можеть), ино ту тому конець.
>
> Аще кто межю переореть, любо *сопретесь* (вм. перетесъ) и т. д.

Перейдемъ далѣе къ спискамъ Эрмитажному и Погодинскому. Они не напечатаны, но варіанты ихъ указаны Н. Калачовымъ въ его систематическомъ изданіи Русской Правды.

Важнѣйшія особенности Эрмитажнаго списка заключаются въ слѣдующихъ отличіяхъ. Въ числѣ лицъ, за убійство которыхъ взыскивалась 40-гривенная плата, обыкновенно упоминается и *мечникъ*. Но Эрмитажный списокъ обходитъ его молчаніемъ. Вѣроятно, это былъ умышленный пропускъ. Въ самомъ дѣлѣ, Русская Правда не вездѣ одинаково относится къ мечнику. Съ одной стороны, она уравниваетъ его съ изгоемъ и ничѣмъ не отличаетъ отъ обыкновеннаго русина или словенина, опредѣляя послѣдствія убійства [1]), а съ другой стороны, ставитъ его въ привилегированное положеніе, сравнительно съ смердомъ, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о мукѣ безъ разрѣшенія князя [2]). Слѣдовательно, чтобы устранить эту непослѣдовательность, переписчикъ сознательно могъ вычеркнуть имя мечника изъ перечня тѣхъ лицъ, на которыхъ распространялась общая норма объ отвѣтственности за убійство.

Въ Русской Правдѣ имѣется статья о соучастіи въ кражѣ. Обычная редакція ея такова.

---

[1]) Акад. сп., ст. 1.

[2]) Ibid., ст. 31–32.

А ихъ боудеть 10 одиноу овьцоу оукралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что число *10,* показанное здѣсь, было примѣрнымъ и произвольнымъ, а не заимствованнымъ изъ судебной практики. Эрмитажный списокъ въ этомъ направленіи идетъ еще дальше, потому что предполагаетъ возможность участія въ кражѣ 18 и даже 30 человѣкъ.

А ихъ будеть *30* или *18* одину овцу украли, да положать по 60 рѣзанъ продажи.

По Эрмитажному списку, какъ и по Румянцевскому, потерпѣвшій отъ ранъ и побоевъ получаетъ вмѣсто 3-хъ 20 гривенъ и т. д.

Многія особенности текста, составляющія принадлежность списковъ Археографическаго, Румянцевскаго и Эрмитажнаго, повторяются и въ Погодинскомъ: изгонъ вм. изгой; и въ охотѣ вм. и въ хопѣ; кормилицынъ вм. кормиличицъ; отъ гридене вм. отъ гривние (въ Румянцевскомъ спискѣ—*отъ гридне*); у жита вм. у хлѣва (въ Румянцевскомъ сп.—*у хльба*); исключеніе мечника изъ перечня убитыхъ; вирнику 20 вмѣсто 60 гривенъ; за раны и побои 20 вмѣсто 3 гривенъ; или убійца не сыщуть вм. или убійца не ищуть (въ Археогр. сп.—а убійца не *изыщуть*).

Но сверхъ того, Погодинскій списокъ выдѣляется нѣкоторыми характерными чертами, ему одному свойственными. Такъ, замѣтно, что переписчикъ его стремился къ полнотѣ и обстоятельности изложенія, ради чего къ обычному тексту Русской Правды онъ присоединялъ собственныя замѣчанія, служащія къ его уясненію, хотя и безъ нихъ легко понять, о чемъ идетъ рѣчь въ томъ или другомъ постановленіи. Напр., въ Русской Правдѣ сказано: «аще роба кормилица, любо кормиличицъ, 12». Читатель не сомнѣвается, что цифра 12 опредѣляетъ количество гривенъ, потому что въ предшествующихъ статьяхъ всѣ штрафы за убійство исчисляются этой монетной единицей. Но Погодинскій списокъ, чтобы устранить возможность недоразумѣній, говоритъ: «аще роба кормилица, любо кормилицынъ, 12 *гривенъ*». Такая распространенная передача

текста съ цѣлью его интерпретаціи наблюдается и въ другой статьѣ Русской Правды: «а оже ли оубьють (вора), а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити въ немъ». Это по Академическому списку. Само собой разумѣется и всякому понятно, что статья имѣетъ въ виду тотъ случай, когда задержанный воръ сначала былъ связанъ и потомъ убитъ, а не наоборотъ. Но Погодинскій списокъ и здѣсь предусмотрительно вноситъ въ текстъ соотвѣтствующую оговорку: «а оже ли убьють, а люди будуть видѣли связанъ *жива поймана,* то платити въ немь». Еще одинъ примѣръ. Русская Правда, опредѣливъ величину пошлинъ, взимаемыхъ въ пользу мостника при постройкѣ моста, добавляетъ: «аще же боудеть ветхаго моста потвердіти нѣколико доскъ, или 3, или 4, или 5, то тое же». Текстъ ясный и не возбуждающій никакихъ сомнѣній. Но Погодинскій списокъ любитъ обстоятельность, хотя бы она и сопровождалась ненужнымъ многословіемъ; поэтому онъ заканчиваетъ цитированную статью слѣдующими словами: «то тое же *взяти*».

Составитель Погодинскаго списка не только дополнялъ текстъ Русской Правды пояснительными замѣчаніями, но иногда и интерполировалъ его, руководясь своимъ личнымъ пониманіемъ. Напр., *конюха стараго у стада* онъ замѣнилъ *старшимъ конюхомъ*, который въ распространенной редакціи превратился въ тіуна конюшаго. Такой же интерполяціи подверглось постановленіе Русской Правды о продовольствіи вирника въ постные дни.

> А въ среду рѣзаноу, въ три же сыры, въ пятницоу такоже.

Слова въ *три же сыры*, какъ непонятныя, были пропущены въ Археографическомъ спискѣ. Погодинскій же списокъ удержалъ ихъ, но въ измѣненномъ видѣ. Переписчикъ написалъ *во вторникъ* вмѣсто *въ три же*, полагая, вѣроятно, что онъ только возстановляетъ испорченный текстъ.

> А въ среду рѣзану, во вторникъ сыры, въ пятницу такоже, какъ въ среду.

Судебныя пошлины распредѣляются Русской Правдой въ такомъ порядкѣ: «мечнику коуна, а въ *девятину* 15 коунъ, а князю

3 гривны». Погодинскій списокъ отступаетъ отъ обычнаго чтенія: онъ отчисляетъ 15 кунъ не въ девятину, а въ *десятину*. Послѣднее выраженіе болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Однако отсюда не слѣдуетъ, что Погодинскій списокъ ближе, чѣмъ всѣ прочіе, стоялъ къ оригиналу. Чтобы исправить указанную ошибку, переписчику не надо было справляться съ подлинникомъ Русской Правды; достаточно было внимательно отнестись къ продолженію той же статьи, гдѣ сказано: «емъцю 70 коунъ, а въ *десятиноу* 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ».

Въ Русской Правдѣ мы находимъ слѣдующее постановленіе о кражѣ.

> А иже крадеть любо конъ, любо волы, или клѣть, да аще боудеть единъ кралъ, то гривну и тридесять рѣзанъ платити емоу; или ихъ будеть 18, то *по трі* гривнѣ и по 30. рѣзанъ платити моужеви.

Погодинскій списокъ излагаетъ вторую часть цитированной статьи въ измѣненной редакціи.

> Или ихъ будеть 18, то по *той же* гривнѣ и 30 рѣзанъ съ каждого платити мужеви.

Не думаю, чтобы этотъ варіантъ былъ заимствованъ изъ какого-либо документальнаго источника, неизвѣстнаго другимъ переписчикамъ. Вѣроятнѣе всего, что это было произвольное измѣненіе общепринятаго текста, вызванное желаніемъ установить соотвѣтствіе между обѣими частями статьи.

Погодинскій списокъ, говоря объ уничтоженіи и порчѣ борти, различаетъ два случая, смотря по тому, кому принадлежала борть —князю или смерду.

> А въ княжѣ борти 3 гривнѣ любо пожгуть, любо выдерутъ, *а въ смерди 2 гривны.*

Это добавленіе, касающееся смердовъ, составляетъ его отличительную особенность. Но, повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ собственнымъ сочиненіемъ самого переписчика, примѣнительно къ другой статьѣ Русской Правды, оцѣнивающей коня княжескаго

въ 3 гривны, а смердьяго—въ 2. Впрочемъ, послѣднее постановленіе перешло въ Погодинскій списокъ совершенно искаженнымъ: вмѣсто *а за смердѣи 2 гривнѣ* здѣсь стоитъ *а за смерть коня 9 гривенъ.*

Въ одномъ случаѣ Погодинскій списокъ примыкаетъ къ Эрмитажному, но въ то же время и отличается отъ него. Эрмитажный списокъ, опредѣляя отвѣтственность соучастниковъ въ кражѣ, говоритъ: «а ихъ будеть 30 или 18 одину овцу украли» и т. д. Такія же двѣ возможности предполагаются и въ Погодинскомъ спискѣ: «а ихъ воровъ будеть—или—одину овцу украли» и т. д. Но здѣсь примѣрныя цифры участниковъ кражи не показаны. Для нихъ съ той и другой стороны союза *или* оставлены пробѣлы, которые однако не были заполнены.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о варіантахъ Ростовскаго списка. Они записаны Татищевымъ и обнаруживаются въ трехъ мѣстахъ Русской Правды. Сюда относится прежде всего ст. 16-я.

> Или холопъ оударить свободна моужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа пояти, да платить господинъ зань 12 гривнѣ; а за тымъ гдѣ его налѣзоуть оудареныи тои моужь, да бьють его.

Судя по источнику этой статьи, а также сопоставляя начало ея съ заключеніемъ, надо полагать, что она различала выдачу виновнаго раба на битье отъ выдачи его въ собственность. Если господинъ не разрѣшалъ побить его, то потерпѣвшій все же сохранялъ право отомстить своему обидчику, встрѣтивши его внѣ господскаго дома; а если онъ не уступалъ его истцу въ собственность, то долженъ былъ заплатить 12 гривенъ. Выдача холопа въ первомъ смыслѣ зависѣла отъ усмотрѣнія господина, тогда какъ второе требованіе могло быть осуществлено въ принудительномъ порядкѣ, если онъ отказывался уплатить положенный штрафъ. Ростовскій переписчикъ не замѣтилъ этого различія. Онъ полагалъ, что ст. 16-я устанавливаетъ только одно изъ двухъ: или выдать

раба или платить штрафъ. Соотвѣтственно такому пониманію и былъ измѣненъ ея текстъ.

> Или холопъ ударитъ свободна мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его, то холопа *не яти,* да платить за него господинъ его 12 гривнѣ.

Въ такомъ же упрощенномъ видѣ перешла 16-я ст. и въ распространеную редакцію Русской Правды.

Ст. 38-я краткой Правды, предусматривающая убійство вора, въ Ростовскомъ спискѣ сопровождается слѣдующей припиской.

> Оже убиенъ тать а подымуть ноги во дверѣ, ино убитъ, оли подымуть ноги за вороты, толи платити въ немъ.

Едвали это добавочное постановленіе, не встрѣчающееся въ другихъ спискахъ, было заимствовано изъ судебной практики Исключительный и рѣдкій случай, когда ноги убитаго вора окажутся во дворѣ, а туловище за воротами, очевидно, нарочно былъ придуманъ переписчикомъ для болѣе точнаго и нагляднаго выясненія понятія о томъ, что значитъ убитъ во дворѣ на мѣстѣ кражи.

Наконецъ, въ Ростовскомъ спискѣ, какъ и въ Погодинскомъ, къ постановленію о борти княжеской присоединена замѣтка о борти смерда. Повидимому, она возникла тѣмъ же способомъ, т. е. сочинена переписчикомъ по аналогіи съ другой статьей Русской Правды, различающей коня княжаго и смердьяго.

БИБЛИОТЕКА
УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА